РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт славяноведения РАН

Славяноведение

4
2020
ИЮЛЬ • АВГУСТ •

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

Содержание

СТАТЬИ

Флоря Б.Н. (Москва). Иван Грозный – кандидат Польской шляхты 3
Аваков П.А. (Ростов-на-Дону). Русско-турецкая война 1672–1681 годов в Северо-Восточном Приазовье 14
Глебова Д. (Москва). Пересказ как искусство историка: к вопросу о рукописной трансмиссии историописания в Древней Руси и Древней Скандинавии 30
Пак Н.В. (Санкт-Петербург). Третья Пахомиевская редакция Жития Никона Радонежского 50
Грищенко А.И. (Москва). Археография и текстология Правленого славяно-русского Пятикнижия XV века: новые данные 68
Ефимова В.С. (Москва). Номинации субстантивированными причастиями в старославянском языке 88

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВИСТИКИ

Матвеев Г.Ф., Семакина Т.Р. (Москва). Четыре письма галичан о I Международном съезде славянских филологов 100
Робинсон М.А., Стыкалин А.С. (Москва). Отчет о командировке советских славистов на Международное совещание славистов в Белграде в 1955 году 110

СООБЩЕНИЯ

Валенцова М.М. (Москва). Словацкая демонология. Краткий обзор 128

ЮБИЛЕИ

Боровков Д.А. К юбилею Владимира Яковлевича Петрухина 146

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.А. РОБИНСОН (главный редактор),
И.Е. АДЕЛЬГЕЙМ, М.М. ВАЛЕНЦОВА, Г.К. ВЕНЕДИКТОВ, А.А. ГИППИУС,
В.И. КОСИК, М.В. ЛЕСКИНЕН, Г.Ф. МАТВЕЕВ,
В.В. МОЧАЛОВА, К.В. НИКИФОРОВ, В.Я. ПЕТРУХИН, А.С. СТЫКАЛИН,
Б.Н. ФЛОРЯ, О.В. ХАВАНОВА

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *И.Е. Адельгейм* (отдел литературоведения),
О.В. Белова (отдел культурологии), *М.М. Валенцова* (отдел лингвистики),
А.С. Стыкалин (отдел истории)

Заведующая редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Л.А. Авакова*, *Е.В. Пономарева*, *И.Ю. Веслова*
Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а
Телефон 8-495-938-01-20
E-mail: zhurslav@mail.ru

Рукописи принимаются в электронном виде объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков. Статьи и сообщения должны сопровождаться краткой аннотацией (200–300 знаков) и ключевыми словами (5–7 слов) на русском и английском языках.

Подать заявку на публикацию статьи, а также ознакомиться с содержанием журнала можно по адресу: https://ras.jes.su/slav

Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Правила оформления см. на сайте: http://inslav.ru. Авторы должны предоставить сведения о степени, должности, месте работы; адрес электронной почты и контактный телефон.

© Российская академия наук, 2020
© Составление. Редколлегия журнала «Славяноведение», 2020

ИВАН ГРОЗНЫЙ – КАНДИДАТ ПОЛЬСКОЙ ШЛЯХТЫ

© 2020 г. Б.Н. Флоря

Чл.-корр. РАН, заведующий отделом Института славяноведения РАН

zhurslav@mail.ru

В статье устанавливаются причины, почему шляхта Польского королевства, несмотря на ряд сложностей в ее отношении к Ивану IV, упорно поддерживала его кандидатуру на польский трон во время «бескоролевья» 1574–1575 гг. Использованы важные для рассмотрения темы донесения папского нунция В. Лаурео.

The article investigates the reasons why the szlachta of the Kingdom of Poland despite a number of grave complications in their relations with Ivan IV persistently supported his candidature to the Polish throne during the interregnum of 1574–1575. For this purpose, dispatches of the apostolic nuncio Vincenzo Laureo – important for the problem in question – are used.

Ключевые слова: Иван IV, польская шляхта и магнаты, выборы на трон.

Keywords: Ivan IV, Polish szlachta and magnates, royal elections

DOI: 10.31857/S0869544X0010409-2

Уже исследователи второй половины XIX в., рассматривая разнообразные источники о бурной политической жизни Польско-Литовского государства в 70-е годы XVI в., могли отметить появление Ивана IV среди кандидатов на польский трон, выдвинутых после пресечения династии Ягеллонов. Эта кандидатура в 1572 г. стала предметом обсуждения в разных политических кругах с участием политиков разных ориентаций. Обсуждалась она и в обильной, появившейся в годы первого «бескоролевья», публицистике. Дело дошло до публичного оглашения перед выборами условий, которые Иван IV предлагал посланцу литовских магнатов М. Гарабурде. Когда вскоре затем, в 1574 г., дело дошло до начала нового «бескоролевья», «московит» стал одним из главных кандидатов на польский трон.

Эти события политической жизни Речи Посполитой и русско-польских отношений были подвергнуты специальному исследованию в моей книге [1]. Вопрос о русской кандидатуре в период первого «бескоролевья» был рассмотрен там достаточно полно и всесторонне. Что же касается до кандидатуры Ивана IV в эпоху второго «бескоролевья», то этот эпизод в политической жизни Речи Посполитой заслуживает, как представляется, дополнительного изучения. Правда, можно считать, что достаточно хорошо изучены политика Ивана IV, враждебная

«московской» кандидатуре позиция магнатов Великого княжества Литовского, история поисков сторонниками «московского» кандидата контактов с Иваном IV, но, думается, что специальное рассмотрение вопроса об отношении польской шляхты к кандидатуре русского монарха может дать интересный материал для изучения как особенностей общественного сознания шляхты Польского королевства, так и ранней истории русско-польских контактов.

Правда, изучение темы сталкивается с некоторыми источниковедческими трудностями, так как она слабо затронута в главном историческом труде, содержащем развернутое описание событий второго «бескоролевья» – историческом труде С. Ожельского – наиболее подробном повествовании о событиях тех лет. Автор, несомненно, обладал богатой информацией о настроениях и представлениях шляхты того лагеря, который во время второго «бескоролевья» выдвигал и поддерживал кандидатуру Ивана IV. Великопольский шляхтич-протестант С. Ожельский, к тому же, играл в деятельности этого лагеря видную роль. Однако труд Ожельского писался в то время, когда на польском троне успешно утвердился Стефан Баторий и начиналась большая война с Россией. В этих условиях у хрониста не было мотивации привлекать внимание читателей к «московскому» аспекту событий. Правда, в нескольких местах своего труда (о них еще будет речь ниже) хронист говорит об особом внимании шляхты к московскому кандидату, но упоминания эти кратки и в них, что важно отметить, ничего не говорится о причинах такого интереса. Интересующая тема появляется в его повествовании лишь в рассказе о съезде в Стенжице в июне 1575 г. [2. T. II. S. 106–107].

Иную картину рисуют донесения в Рим папского нунция В. Лаурео. Здесь следует учитывать, что дипломат стремился дать папской курии возможно более точное представление о положении дел, а его связи в польском обществе давали ему возможность получать соответствующие сведения. К тому же не прослеживается воздействие на нунция каких-либо факторов, которые побуждали бы его искажать полученную информацию.

Уже вскоре после бегства короля Генриха Валуа во Францию 3 августа 1574 г. нунций сообщал в Ватикан, что есть мнение, что «la maggior parte del popolo» может договориться с «Московитом». В связи с этим нунций отправил в Ватикан характеристику Ивана IV, о котором он, по-видимому, ранее ничего не знал [3. P. 76]. В этом тексте ничего не говорится о причинах такого отношения шляхты к Ивану IV, но этот пробел был скоро восполнен. Уже 16 августа 1574 г. нунций сообщал, что «gran numero di cavalli» (так в источниках обозначались простые члены дворянского сословия и так проясняется о настроениях какого «народа» он писал ранее) выступают в пользу «Московита» «per sbigottire le persone potenti i principali». Таким образом, с помощью русского монарха «всадники» рассчитывали подорвать власть и влияние аристократии в стране [3. P. 79]. Такие оценки повторялись затем неоднократно вместе с констатацией, что такая позиция польского дворянства (la nobilta polacca) создает «большие трудности» в деле избрания на польский трон одного из Габсбургов, чего бы желали и нунций, и папская курия [3. P. 142, 196, 198]. После наблюдений над столкновениями, происходившими на Стенжицком съезде и завершившимися разрывом между прибывшей на съезд шляхтой и сенаторами, нунций констатировал, что «гранды» – вельможи – не хотят «никоим образом» избрания Ивана IV, а «nobilta minuta» желает его избрания, рассчитывая с его помощью освободиться от власти «грандов». По его оценке, особенно много сторонников этого кандидата были в «Russia» – под этим

термином здесь, вероятно, имеются в виду восточнославянские земли в составе Польского королевства. В одном из донесений он отметил, что родственник архиепископа гнезненского холмский шляхтич П. Уханьский и другие многие его родственники расположены к «Московиту» «per esser ruteni» (так как они русские) [3. P. 238, 245, 260–261][1].

На Стенжицком съезде присутствовал русский гонец Ф. Ельчанинов. Как отметил С. Ожельский, от него ожидали условий, которые Иван IV предложит польской шляхте, и его слушали с большим вниманием, так как «хотели таких предложений от Великого князя московского больше, чем от кого-либо другого из кандидатов» [2. T. II. S. 112–113]. Однако никаких таких предложений царская грамота не содержала. Как известно, затем гонца посетили посланцы от шляхты, вручившие ему образцы грамот, которые Ивану IV, как кандидату на польский трон, следовало направить Речи Посполитой, сенаторам и шляхте [1. С. 104–106]. Этот шаг лучше, чем что-либо другое, показывает, что и после съезда в Стенжице шляхта продолжала поддерживать кандидатуру Ивана IV.

К осени 1575 г. нунций убедился в силе и влиянии этой «партии». Уже 16 августа он сообщал в Рим, что «tutta la nobilta polacca minuta, cosi polaca, come lituana» желает избрания царя, чтобы избавиться от власти «грандов». 16 сентября он повторил эту оценку [3. P. 245, 250]. К этому времени нунций убедился, что дело не ограничилось одними словами, и в Россию был направлен шляхтич С. Граевский с письмами от «alkui signori Polacchi, co si Russi» [3. P. 245]. Граевский, как известно, по выезде из России был арестован в Великом княжестве и заключен в тюрьму в Вильно. На съезде в Стенжице, по свидетельству С. Ожельского, собравшаяся шляхта требовала от литовских сенаторов освобождения Граевского, который, как было известно, вез полякам изложение условий, предлагавшихся Иваном IV [2. T. II. S. 115–116, 150]. Отсутствие у шляхты таких условий было одной из причин того, что решение вопроса об избрании нового монарха было отложено. Но это ведь можно было исправить. 10 октября 1575 г. нунций писал в Рим, что если выборы будут отложены до мая, то царь сможет своевременно прислать послов (очевидно, со своими предложениями) и сможет рассчитывать быть избранным, несмотря на оппозицию бóльшей части «грандов» [3. P. 257]. Чтобы убедить такого монарха подчиниться власти папы, нунций советовал дать Ивану IV титул «константинопольского императора», а архиепископа (гнезненского?) сделать константинопольским патриархом, чтобы «коронация была более торжественной» [3. P. 257].

Эти весьма необычные в устах папского дипломата заявления, пожалуй, являются наиболее убедительным свидетельством силы и влияния сторонников избрания Ивана IV осенью 1575 г. Острым беспокойством было проникнуто донесение нунция от 15 ноября, написанное тогда, когда уже собрался сейм для выборов нового монарха. Он опасался, что сторонники царя – «nobili minori» попытаются провести выборы, не считаясь с мнением сената. Между тем позиции противников этого кандидата оказывались непрочными. Нунций находился в Варшаве, в Мазовии, где была единственная крупная группировка польской шляхты, которая могла бы поддержать кандидатуру Габсбурга. И вот оказалось, что и «questa provincial [...] e inclinata al Moscovito». В такой

[1] Характерно, что религиозный аспект, прежде всего интересовавший нунция, в этих сообщениях совсем отсутствует, очевидно, кандидатуру Ивана IV дружно поддерживала шляхта разных конфессий. По неоднократным утверждениям нунция, сторонников этого кандидата определял, прежде всего, общий социальный статус.

ситуации глава католической церкви – архиепископ гнезненский дал понять, что, возможно, ему придется «номиновать» на трон Ивана IV, что вызвало резкую реакцию нунция [3. P. 277, 279, 282].

В самом начале выборов, когда имели место выступления иностранных послов, поддерживающих своих кандидатов, на место заседаний прибыл русский гонец С. Бастанов. Шляхта, по свидетельству Ожельского, хотела прежде всего выслушать его, рассчитывая узнать условия, которые предлагает царь. В грамоте, однако, говорилось лишь о желании царя направить посланника, «а с ним приказати о своих делах». В грамоте ничего не говорилось о намерении Ивана добиваться польской короны [2. T. II. S. 211–212] (о грамоте см. [1. С. 106]). Все это было, конечно, ударом по ожиданиям шляхты. Узнав об этом, папский нунций выражал надежду, что теперь «gran parte delle nobilta» перестанет поддерживать кандидатуру царя [3. P. 285].

Обращение к записям Ожельского о том, как голосовала шляхта, показывает, что со своим заключением нунций поторопился. Многочисленные записи Ожельского, фиксировавшие позиции разных группировок шляхты на разных этапах голосования, позволяют судить о круге сторонников монарха в границах Польского королевства[2].

Под 23 ноября Ожельский отметил, что шляхта Краковского воеводства во главе с С. Шафранцем поддерживала кандидатуру Ивана IV и добивалась освобождения Граевского [2. T. II. S. 245]. Такой позиции шляхта Краковского воеводства придерживалась и в начале декабря [2. T. II. S. 326]. Таким образом, одна из наиболее активных и влиятельных фракций дворянского сословия Польского королевства последовательно выступала на выборах за избрание Ивана IV. Вместе с ней на заключительном этапе голосования выступала шляхта Сандомирского воеводства, а голоса третьего малопольского воеводства – Люблинского разделились между Иваном IV и местным уроженцем – Пястом [2. T. II. S. 326]. Таким образом, бóльшая часть избирателей с территории такого региона, как Малая Польша, выступала в поддержку московского кандидата. Очевидно, что шляхта Великой Польши не поддерживала так активно кандидатуру Ивана IV, как малополяне, но, по свидетельству великополянина Ожельского, когда в ходе выборов усилились разногласия между шляхтой и бóльшей частью духовных и светских сенаторов, поддерживавших кандидатуру Габсбурга, шляхта Познанского и Калишского воеводств вместе с краковянами предложила избрать Ивана IV, «jako środek pojednawczy» (как способ соединения) [2. T. II. S. 313]. Относительно еще одного воеводства – Ленчицкого Ожельский отметил заявление его шляхты 23 ноября, что первоначально они были намерены «единомысленно» голосовать за Ивана IV, но теперь поддерживают кандидатуру Пяста [2. T. II. S. 258]. Такая смена позиции была характерна не только для ленчицкой шляхты и в определенной степени закономерна в условиях, когда предвыборная борьба усиливалась, а от Ивана IV не поступало конкретных предложений. За избрание Ивана IV выступала и часть мазовецкой шляхты [2. T. II. S. 278].

От имени шляхты южных земель Короны – Русского, Белзского воеводств и Подолии выступил в будущем крупный государственный деятель Ян Замойский. Он также заявил, что они были намерены «единомысленно» голосовать

[2] Среди литовской шляхты были также сторонники избрания Ивана IV, но враждебные царю литовские магнаты сумели подчинить своему жесткому руководству представителей литовской шляхты на выборах.

за Ивана IV, но теперь будут поддерживать кандидатуру Пяста [2. T. II. S. 259]. К этому следует добавить, что через несколько дней, 27 ноября, холмский шляхтич Павел Уханьский выступил от имени одно из этих воеводств – Белзского в поддержку кандидатуры Ивана IV [2. T. II. S. 286].

Все это показывает правильность общих оценок нунция, утверждавшего, что польская шляхта перед началом выборов в своей основной массе поддерживала кандидатуру Ивана IV.

В 70-е годы XVI в. в состав Польского королевства входил и ряд восточнославянских земель, оторванных от Великого княжества Литовского по Люблинской унии 1569 г. Шляхта одной из этих территорий – Подляшья 23 ноября подала участникам съезда письменное обращение с предложением кандидатуры Ивана IV [2. T. II. S. 272]. 27 ноября за выбор Ивана IV выступила шляхта Волыни [2. T. II. S. 276]. Позднее они стали поддерживать кандидатуру Пяста [2. T. II. S. 311]. Шляхтичи Киевской земли прибыли позже других участников съезда, на заключительном этапе голосования они также отдали голоса за Ивана IV [2. T. II. S. 326].

Таким образом, есть основания утверждать, что перед созывом элекционного сейма осенью 1575 г. очень значительная часть дворянства Польского королевства – разной этнической принадлежности и разных конфессий – хотела бы видеть на польском троне Ивана Грозного. Как видно из записей Ожельского, очень сильные в начале выборов позиции «промосковского» лагеря были серьезно ослаблены, и его сторонники начинали поддерживать кандидатуру местного уроженца – Пяста. Как отметил Ожельский, в грамоте Ивана IV, зачитанной дворянам – участникам съезда, не только не излагалось каких-либо условий соглашения, но и не говорилось о желании Ивана IV вступить на польский трон [2. T. II. S. 212]. Между тем на рубеже 1575–1576 гг. резко обозначился конфликт между шляхтой и духовными и светскими сенаторами, попытавшимися вопреки желанию шляхты провозгласить королем императора Максимилиана II Габсбурга. В этих условиях для шляхты оказалось необходимым срочно избрать кандидата, который бы смог быстро оказать отпор Габсбургу и его польским сторонникам. Первоначально предполагали, что таким правителем может стать местный уроженец Пяст, но, когда выбранные шляхтой кандидаты отказались от такой чести, было принято решение об избрании такого противника Габсбургов, как трансильванский воевода Стефан Баторий.

Хотя тем самым вопрос об избрании Ивана IV на польский трон как будто утратил актуальность, нунций в январе 1577 г. сообщал в Рим, что в Польше в большом количестве имеются недовольные сторонники Ивана IV [3. P. 497][3]. Отзыв этот, конечно, достаточно общий и неясный, но, даже оставив его в стороне, есть все основания констатировать, что осенью 1575 г. широкие круги дворянства в разных регионах Польского королевства были серьезно настроены предложить польский трон Ивану IV.

Такая ориентация заслуживает тем большего внимания, что налицо было действие целого ряда факторов, которые побуждали это дворянство занять иную позицию. Первым среди них следует назвать османскую угрозу. После отъезда из Польши короля Генриха Валуа – представителя дружественной Османской империи Франции, османское правительство было серьезно

[3] По оценке того же автора, в Великом княжестве Ивана IV хотят поддержать «nobilta bassa» и «народ», и следует опасаться народного восстания «in favore del detto Mosco» (см. депешу от 23 сентября 1577 г.). [3. P. 606].

озабочено судьбой польского трона. В Стамбуле не хотели допустить образования у своих северных границ антиосманской коалиции. Когда в Стамбул в январе 1575 г. прибыл посланец Речи Посполитой А. Тарановский, здесь были обеспокоены слухами, что поляки хотят предложить свой трон Ивану IV. В связи с этим Тарановский получил адресованное сенаторам послание великого везира Мехмеда Соколовича, в котором говорилось, что в случае избрания царя мир между государствами будет разорван (см. изложение отчета А. Тарановского [2. T. II. S. 101 i in]). 19 мая 1575 г. на Стенжицком съезде грамота великого везира была передана сенаторам [2. T. II. S. 98], а 27 мая пришли сообщения подольского воеводы М. Мелецкого о подготовке к войне наместников пограничных округов Османской империи [2. T. II. S. 120]. И дело не ограничилось угрозами и военными демонстрациями. В сентябре 1575 г. незадолго до производства выборов произошел большой военный набег на южные области Речи Посполитой. Согласно подробному рассказу Ожельского, в походе участвовали четыре сына хана, Белгородская и Ногайская орды и даже черкесы. Нападавшие разорили Волынь и Русское воеводство, дойдя почти до Львова. В полон было угнано 35 тыс. человек [2. T. II. S. 174–176][4].

Все это было веским предупреждением, что будет происходить с Речью Посполитой, если она не станет следовать советам из Стамбула. Не случайно одновременно с походом великий везир отправил грамоту подольскому воеводе, в которой повторялись советы, содержавшиеся в грамоте, врученной Тарановскому [2. S. 182]. В результате, по свидетельству хрониста, «страх огромный напал на всю Малую Польшу» [2. T. II. S. 177]. Произвело это впечатление и на некоторых местных политиков. Так, сандомирский воевода Ян Костка, сын одного из лидеров шляхетского лагеря, говорил в декабре 1575 г. на элекционном сейме, что Ивана IV нельзя выбирать, так как это «самый большой враг турок, а татары так ожесточены против него», что даже могут отказаться от дани, которая поступает из Польши, только бы Иван не стал польским королем [2. T. II. S. 313]. Подробные сообщения в хронике видного политика шляхетского лагеря Ожельского показывают, что налицо ясное понимание серьезных проблем, связанных с ростом османской опасности.

В таком современном событиям источнике, как обращение шляхтичей, избравших Батория, ко всему дворянскому сословию, их отказ избрать Габсбурга обосновывался прежде всего тем, что в этом случае «mollem belli cezarza tureckiego na Koronę zarasbyśmy wciągnęli» (сразу навлекли бы груз войны турецкого императора на Корону) [4. S. 137].

Однако, как видно из приведенных выше свидетельств, во время выборов осенью-зимой 1575 г. и шляхта Малой Польши, и шляхта «русских» воеводств Короны, подвергшихся нападению, поддерживала на выборах кандидатуру Ивана IV.

Объяснению такого феномена может способствовать анализ некоторых особенностей той характеристики Ивана IV, которую папский нунций отправил в Рим в августе 1574 г. В ней не только отмечалось, что Иван IV – «наследственный враг» турок, но и констатировалось, что он очень опытен в военном деле и одержал многие победы [3. P. 76]. Эти сведения нунций явно почерпнул в среде, совсем не дружественной русскому монарху. Из памфлетов, появившихся в годы первого «бескоролевья», видно, что в шляхетском обществе было известно и о покорении татарских ханств, и об организации в Русском

[4] В конституции об избрании Батория отмечалось, что в результате нападений Русское воеводство «malo nie do gruntu wyniszczone» [4. S. 145].

государстве эффективной обороны южных границ от татарских набегов [5. S. 356, 375]. В этой связи высказывались надежды, что благодаря избранию русского монарха будет обеспечена эффективная защита южных границ Речи Посполитой, а это позволит превратить «подольские пустыни» в «освоенные земли», изгнать османов за Дунай и подчинить татарские орды верховной власти Речи Посполитой [5. S. 361, 375–376]. В публицистике времени первого «бескоролевья» эта тема вовсе не доминировала, но важно, что в сознании части шляхты присутствовала высокая оценка военно-политических возможностей Русского государства.

В записи прений на элекционном сейме осенью 1575 г. Ожельским отмечено выступление члена знатного полоцкого рода Корсаков, что Иван IV «никого не боится, подданных своих прекрасно защищает» [2. T. II. S. 277]. Часть собравшихся, по-видимому, вдохновляли планы победы над османами благодаря избранию Ивана IV и военно-политическому союзу между Россией и Речью Посполитой, но насколько широко они были распространены? Выступление Яна Костки, вероятно, не случайно отмеченное Ожельским, говорит о том, что более опытных и авторитетных политиков явно беспокоила перспектива борьбы с османской опасностью в случае избрания русского монарха. Надо отметить еще один важный фактор. В шляхетском лагере важную роль играли протестантские политики, а сам он в целом выступал за сохранение в стране межконфессионального мира[5]. Между тем репутация Ивана IV в этом плане должна была вызывать сомнения. Несомненно, внимание должна была привлечь его встреча с представителем «чешских братьев» Яном Рокитой, приехавшим в 1570 г. в Москву, чтобы предложить царю изложение их вероучения. В записке, сохранившейся среди бумаг папского нунция в Польше В. Портико, отмечено, что, ознакомившись с текстом, царь повелел Роките удалиться из его страны, так как «ты хуже иудея и ты посланец Антихриста» (цит. по [6. С. 35]). Точно это свидетельство подтверждают заключительные слова ответа царя на обращение Рокиты: «не токмо еретик еси, но и слуга Антихристов дьявольского совета» [6. С. 376]. В самом тексте все отклонения от традиционного вероучения и традиционной обрядности последовательно рассматривались как результат воздействия дьявольских сил. Ответ, как известно, получил распространение – был переведен на польский и на латынь. Латинский текст был издан в 1582 г.

Следует отметить в этой связи некоторые особенности той характеристики Ивана IV, которую нунций отправил в Ватикан в августе 1574 г. В ней, как уже отмечалось, недавно приехавший в Польшу нунций передавал то, что слышал от польских собеседников. В ней отмечалось, что Иван IV – наследственный враг (nemico nato) не только турок, но и всех еретиков [3. P. 76]. В своем ответе посланцу литовских магнатов Гарабурде царь подчеркивал свое право «ставить» каменные и деревянные церкви «в замках и дворах» «митрополита и владык [...] чтити по нашему обычаю» [7. S. 241]. Пересказывая это сообщение, протестант Ожельский с неудовольствием отметил, что Иван IV и его преемники «nie zmienia relîgíi, zachowaja popów» (не сменят религии, сохранят попов) [2. T. I. S. 92].

По-видимому, именно пристрастие Ивана IV к традиционным представлениям о церкви вызывало у папского нунция надежды, что в случае его

[5] Это было одно из важных условий, предложенных шляхтой Стефану Баторию.

избрания будет не так трудно (non sarebbe troppo dificile) добиться его подчинения власти папы [3. P. 257].

Игравшие видную роль в шляхетском лагере протестантские политики, несомненно, должны были учитывать эту сторону дела, но это не побудило их отказаться от поддержки «московского» кандидата. Как видно из приведенных выше свидетельств, именно шляхта малопольских воеводств – одного из главных очагов протестантского движения в Польском королевстве – особенно упорно поддерживала кандидатуру Ивана IV.

Наконец, следует отметить сформировавшееся в Польше представление о характере власти русских правителей вообще и о характере власти самого Ивана IV.

Уже в исторических сочинениях Матвея Меховского и Иоста Людвика Деция, увидевших свет в первые десятилетия XVI в., говорилось о «тираническ ой» власти русских правителей, а само русское правление сопоставлялось с турецким. На эту картину накладывались сообщения о репрессиях самого Ивана IV по отношению к его подданным. Об этом неоднократно говорилось в самых резких выражениях в публичных выступлениях польской власти. Ярким примером может служить обращение короля Сигизмунда II к участникам польского сейма 1563 г. В нем выражалась надежда, что, когда королевское войско появится на русской территории, «много бояр московских, много благородных воевод, притесненных тиранством этого изверга, добровольно будут приставать к его королевской милости» (цит. по [8. S. 85]). В речи известного публициста А. Чешельского, опубликованной перед сеймом 1572 г., говорилось об Иване IV как о настоящем «тиране» [5. S. 137–139]. Кроме того, как показали результаты переговоров 1572–1573 гг., Иван IV добивался предоставления наследственной власти в Польско-Литовском государстве ему и его потомкам. Публичное сообщение об этом было зачитано на сейме 20 апреля 1573 г. [2. T. I. S. 92]. Между тем право выбора монарха было одной из главных «вольностей» польской шляхты. Как отметил позднее польский хронист М. Бельский: когда это услышали, «отпало у всех сердце от московского» [9. S. 1311].

К осени 1575 г. Иван IV не отказался от своих предложений, а об особенностях его власти сохранялось сложившееся в более ранние годы представление. В находящейся в труде С. Ожельского записи выступления такого популярного оратора шляхетского лагеря, как Ян Замойский, говорится о том, что Иван IV убивает людей без вызова в суд и «карал» новгородцев [2. T. II. S. 265], но несмотря на это перед началом голосования Ян Замойский поддерживал кандидатуру Ивана IV.

Вопрос о «тирании» Ивана IV занял заметное место в польской публицистике в годы первого «бескоролевья». Мнения высказывались разные. Одни публицисты писали о «прирожденной» жестокости Ивана IV и помещали в своих текстах описания казней. Его выбор опасен для польских «вольностей» [5. S. 55, 405, 408, 425, 445–446]. Другие предлагали при избрании поставить Ивану IV такие условия, чтобы он «жестоким тираном быть не мог» [5. S. 403]. Наконец, шляхтич Калишского воеводства Петр Мышельский в своем памфлете 1572 г., подчеркивая высокие достоинства Ивана IV как государственного деятеля, утверждал, что царь «тирании же своей не обращает против добрых своих подданных [...] но только против изменников своих и своего государства», и выражал надежду, что, став королем, Иван IV и в Польше сумеет

добиться «быстрого и неотложного оказания справедливости и прекращения насилий, наездов и убийств и других зол» [5. S. 377–378][6].

Все это показывает, что и личность Ивана IV, и характер его власти, и возможные последствия его контактов с польским обществом были предметом живого обсуждения, и до однозначной оценки было далеко.

Одни и те же факты могли пониматься и оцениваться по-разному. Характерно, что слова Яна Замойского о жестокостях Ивана IV сопровождались комментарием, что и другие правители совершают такие же и более жестокие деяния, а сам отказ от поддержки кандидатуры Ивана IV он объяснял тем, что Иван IV «мало отличается от Пяста и представляет такие же выгоды, как местный уроженец» [2. T. I. S. 264].

Как бы то ни было, если не рядовые шляхтичи, то опытные политики, стоявшие во главе дворянских объединений, должны были отдавать себе отчет в том, что избрание Ивана IV на польский трон может привести к появлению ряда важных проблем и в международной, и во внешнеполитической сфере, и несмотря на это очень значительная часть дворянства Польского королевства выступила за то, чтобы вступить в переговоры с Иваном IV о судьбе польского трона. Такой опытный наблюдатель, как папский нунций, очень четко объяснил причину этого феномена: с помощью русского монарха широкие круги дворянства были намерены подорвать мощь и влияние местной аристократии.

Соответствующий конфликт назревал постепенно и принял четкие формы с формированием к середине XVI в. дворянского движения за «экзекуцию прав» и «экзекуцию добр». «Экзекуция добр» предусматривала возвращение государству государственных земель – «королевщин», разными способами присвоенных представителями знати, чтобы с них в государственную казну поступали доходы для обслуживания государственных нужд. «Экзекуция прав» предполагала и расширение полномочий органов дворянского самоуправления в сфере государственного управления и суда, и установление контроля со стороны дворянских корпораций за деятельностью представителей аристократии, занимавших государственные посты. Так, важное место должен был занять институт «инстигаторов» – выборных представителей дворянских объединений, которые осуществляли бы контроль за деятельностью воевод, каштелянов и других чиновников (см. об этом [10]).

Попытки проведения таких реформ привели к обострению противоречий между разными слоями дворянского сословия. В начале 60-х годов XVI в. в дворянской среде говорили: «пока панов этих не посечем, которые нам вольность исказили и мешают исправлению, которые мы экзекуцией зовем, в Польше ничего доброго ожидать не следует» (цит. по [11. S. 407]). На собравшемся для проведения реформ сейме охваченные гневом послы едва не подняли свои мечи против сенаторов [12. S. 98]. Как сообщали прусскому герцогу его послы, обсуждались планы созыва шляхтой «рокоша в поле», чтобы силой сломить сопротивление сенаторов. Дворянские послы побуждали шляхтичей, находящихся на службе у панов, оставить их и присоединиться к дворянскому войску [13. S. 80].

Благодаря энергичным выступлениям дворянства в 60-е годы XVI в. был проведен ряд важных реформ. Значительная часть заложенных магнатам земель была возвращена государству и описана, но не все задуманные планы

---

[6] О мнениях авторов разных памфлетов см. подробнее [1. С. 76–82, 86–87].

удалось реализовать. Так, закончилась неудачей попытка создания института «инстигаторов».

С избранием на польский трон и приездом в Польшу Генриха Валуа наступила аристократическая реакция. Незнакомый с положением дел французский принц, стремясь создать себе опору в стране, раздавал представителям знати земли и доходы, что стало вызывать в дворянской среде недовольство и возмущение поведением сенаторов, добивавшихся таких пожалований и присваивавших доходы с находившихся в их держании земель [12. S. 102–104, 206–207]. Огромные размеры пожалований[7] привели к опустошению государственной казны и росту долгов. Уже по окончании второго «бескоролевья» 10 мая 1577 г. папский нунций писал, что казна пуста и король стоит перед необходимостью новой «экзекуции добр», так как прежняя не осуществлена (non mai condatta in effetto) [3. P. 551].

Так же положение дел оценивали и польские современники, делая при этом некоторые важные выводы. В одном из памфлетов этого времени на вопрос, откуда в таком положении можно было бы получить доходы, последовал ответ: «trzeba nowej egzekucyjej, a sroższej, niż byla niedawno, a bodaj nie moskiewskiej», что требуется проведение новой «экзекуции», более «строгой», чем первая, если не «московской» [5. S. 650–651]. Нельзя не видеть в этих словах определенной реакции на конфискации земель знати в годы опричнины вместе с надеждами, что с помощью русского монарха удастся осуществить нечто подобное в Польше.

Недовольство дворянства дополнительно усиливал отказ короля и сената согласиться на введение института 16 выборных дворянских представителей, которые постоянно находились бы при особе короля (см. об этом [2. T. I. S. 257]).

Характерно, что уже на Варшавской конвокации, созванной в августе 1574 г., дворянские представители настаивали, чтобы сенат без их участия не распоряжался королевскими доходами и требовали расследования, которое установило бы имена тех, кто вызывает «раздоры» в Речи Посполитой [2. T. II. S. 14]. Когда сенат стал препятствовать проведению расследования, дворянские послы решили провести расследование собственными силами, чтобы подвергнуть виновных смертной казни [2. T. II. S. 25]. Для ситуации, сложившейся к маю 1575 г., стало характерным обращение одного из руководителей дворянского движения (и сторонника кандидатуры Ивана IV) С. Шафранца к шляхтичам, которые находятся на службе у магнатов, чтобы они «поставили свою свободу и права над властью панов своих» [2. T. II. S. 152].

Таковы некоторые черты той достаточно необычной ситуации, когда на некоторое время Иван IV стал одним из главных кандидатов польской шляхты на польский трон. Понятно, что по весьма серьезным и объективным причинам стороны не смогли бы договориться, и Иван IV, по-видимому, понимая это, не делал попыток искать соглашения со своими сторонниками, но эпизод этот представляет интерес в двух отношениях.

Во-первых, готовность, несмотря на имеющиеся проблемы, призвать Ивана IV на опустевший польский трон говорит о большом ожесточении в ходе конфликта, о готовности прибегнуть к суровым, даже жестоким мерам, чтобы сломить власть и могущество аристократии. Это говорит об определенной сплоченности и решительности дворянских политиков в деле отстаивания

[7] По оценке С. Ожельского, король давал пожалования «без меры» [2. T. II. S. 250].

своих интересов. К сожалению, в личности трансильванского воеводы Стефана Батория они не нашли подходящего партнера для осуществления своих планов.

Во-вторых, этот эпизод заставляет вернуться к вопросу, который живо обсуждается в научной литературе,– об образе России в европейском общественном сознании в XVI в. В книге петербургского исследователя А.И. Филюшкина [14] собран богатый материал о формировании в европейском общественном мнении отрицательного образа России в этом столетии. Как известно, в формировании такого образа активно участвовала официальная польская публицистика. Рассмотренный материал показывает, что не все было так однозначно. Заслуживает внимания положительная характеристика Ивана IV, составленная папским нунцием по рассказам его польских современников. Следовательно, рядом с главным течением, рассмотренным А.И. Филюшкиным, функционировали и другие традиции, следы которых, вероятно, также следует искать и исследовать. Как представляется, при наличии лишь одной последовательно отрицательной традиции вопрос о выборе Ивана IV не мог бы серьезно обсуждаться. Кроме того, одни и те же факты в разных исторических ситуациях могли восприниматься по-разному. Есть основания полагать, что в Польше было известно о казнях Иваном IV аристократов и конфискации их владений. Написанное по инспирации литовских магнатов в 1571 г. известное сочинение А. Шлихтинга вряд ли оставалось неизвестным польским читателям. Однако в обстановке острого конфликта между аристократией и широкими кругами дворянства подобные факты могли восприниматься в пользу русского монарха, который мог бы провести «строгую» «экзекуцию добр» в Польском королевстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Флоря Б.Н.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в. М., 1978. Гл. III–V.
2. *Orzelski S.* Bezkrólewia ksiąg ośmioro czyli Dzieje Polski od zgonu Zygmunta Augusta r. 1572 aż do r. 1576. SPb.; Mohilew, 1856. T. I–II.
3. *Laureo W.* Éveque de Mondovi nonce apostolique en Pologne 1574–1578 et ses de pêches inedites au cardinal de Côme. Varsovie, 1887.
4. Volumina leguum. Spb., 1859. T. II.
5. *Czubek J.* Pisma polityczne z czasów pierwszego bezkrólewia. Kraków, 1906.
6. *Марчалис Н.* Лютор иже лют. Прение о вере царя Ивана Грозного с пастором Рокитой. М., 2009.
7. Historica Russiae Monumenta. SPb., 1841. T. I.
8. *Piwarski K.* Niedoszla wyprawa. T. Zw. Radoszkowicka // Ateneum wileńskie. Wilno, 1928. Z. 1.
9. *Bielski M.* Kronika polska. Sanok, 1856. T. 3.
10. *Sucheni-Grabowska F.* Walka o demokrację szlachecką // Polska w epoce odrodzenia. Państwo – spoleczeństwo – kultura. Warszawa, 1970.
11. *Sucheni-Grabowska F.* Zygmunt August – król i wielki książe litowski 1520–1562. Warszawa, 1996.
12. *Pałucki W.* Drogi i bezdroża skarbowości polskiej XVI w. pierwszej połowy XVI wieku. Wrocław etc. 1974.
13. *Dembińska A.* Polityczna walka o egzekucję dobr królewskich w latach 1559–1564. Warszawa, 1935.
14. *Филюшкин А.И.* Изобретая первую войну России и Европы. Балтийские войны второй половины XVI века глазами современников и потомков. СПб., 2013.

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1672–1681 ГОДОВ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ ПРИАЗОВЬЕ

© 2020 г. П.А. Аваков

Канд. ист. наук, старший научный сотрудник Федерального исследовательского центра Южного научного центра Российской академии наук

E-mail: pavakov@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42049 «“Азовский проект” Петра I: Северо-Восточное Приазовье во внешней и внутренней политике России конца XVII – начала XVIII в.».

В статье на основе нового материала освещается ход первой русско-турецкой войны на ее периферийном театре в 1672–1677 гг. Показано, что донские казаки и размещенные в низовьях реки Дон русские войска на первом этапе войны создавали ощутимую угрозу Азову и отвлекали значительные военные силы османов от других фронтов.

Based on new material, the article highlights the course of the first Russo-Turkish war at its peripheral theater in 1672–1677. It is shown that the Don Cossacks and located in the lower Don River Russian troops at the first stage of the war created a tangible threat to Azov and diverted significant Ottoman military forces from other fronts.

Ключевые слова: Северо-Восточное Приазовье, Азов, русско-турецкая война 1672–1681 гг., Россия, Османская империя.

Keywords: North-Eastern Azov Sea area, Azov, Russo-Turkish War of 1672–1681, Russia, Ottoman Empire.

DOI: 10.31857/S0869544X0010410-4

Начиная с Азовских походов 1695–1696 гг. и до Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г. Северо-Восточное Приазовье являлось ареной перманентного военно-политического противоборства между Российским государством и Османской империей. То вспыхивая, то затихая, оно не прекращалось на протяжении всего периода. Между тем, эта ситуация начала складываться задолго до Азовских походов Петра I и была подготовлена развитием русско-турецких отношений в предшествующие годы XVII в. Проводившиеся российским правительством в это время в регионе военные акции хотя и освещались в трудах отечественных историков, но лишь эпизодически – в рамках комплексного изучения истории России указанного периода (см., например, [1]) и ее отдельных проблем [2–9].

Активизировавшиеся во второй половине XVII в. военные операции российских войск против Османской империи в низовьях реки Дон и на Азовском море до сих пор не были предметом специального изучения, не смотря на возросший в последние годы интерес исследователей к военной истории России этой эпохи. Стремясь заполнить отмеченный пробел в историографии, мы поставили своей целью изучить ход боевых действий в Северо-Восточном Приазовье во время первой в истории русско-турецкой войны[1], определить их значение в развитии конфликта и конкретный результат.

Оказав в 1646 и 1648 г. военную помощь Войску Донскому, Российское царство непосредственно присоединилось к его борьбе с османской агрессией, одним из очагов которой с последней четверти XV в. являлся Азов [11. С. 367–461, 508–509, 512–541]. Тем самым Москва встала на путь стратегического противостояния Османской империи в Северо-Восточном Приазовье – пока только в форме ответных оборонительных действий. С тех пор российские войска периодически отправляли в низовья Дона.

В 1660-е годы Россия впервые вступила в открытую военную конфронтацию с османами на территории Азакского (Азовского) санджака. Поводом для этого послужила попытка Стамбула отодвинуть границу в устьях Дона чуть севернее, построив две каменные башни на протоке Каланче и каменную крепость Сед-Ислам на правом берегу Мертвого Донца – северного рукава Дона, которую казаки прозвали Лютином по протекающему рядом ерику (ручью) [12. Стб. 729–731, 734–740, 760–761, 765–766; 13. С. 128, 208–212; 5. С. 281–282]. Сдерживание османской экспансии в регионе правительство царя Алексея Михайловича поручило воеводам стольникам Ивану Севастьяновичу и Семену Савельевичу Хитрово, которые в октябре 1660 г. прибыли к Черкасску во главе войска в составе двух солдатских полков и восьми стрелецких приказов, насчитывавших 6 098 человек. Воеводам предписывалось действовать против новых османских укреплений совместно с Войском Донским [12. Стб. 750, 760; 14. Оп. 1. Кн. 4. Л. 23–25об.].

В марте 1661 г. И.С. Хитрово и донские казаки попытались овладеть крепостью Лютин. Ее осада шла успешно, начался штурм, но неожиданно не присутствовавший при этом воевода отдал своим войскам приказ отступать. В августе донцы и русские ратные люди осадили Каланчинские башни, но попытка взять их приступом тоже окончилась неудачей [12. Стб. 761, 766, 845, 850, 858; 2. С. 248–249].

Расценивая постройку османских укреплений в дельте Дона как акт агрессии, правительство царя Алексей Михайловича не собиралось мириться с этим и в последующем. Военные операции в регионе возобновилось после заключения в Москве 30 марта 1672 г. союзного договора между Российским государством и Речью Посполитой, направленного на борьбу с османской экспансией. Выполняя союзнические обязательства, Россия вступила в войну с Османской империей и Крымским ханством, которые посягнули на польские земли и захватили в августе город Каменец-Подольский [15. № 513, 531, 535, 543, 544, 545, 547, 548, 550, 551; 3. С. 125–127; 16. С. 46–51; 9. С. 99–101; 17. С. 115–117; 18. С. 75, 79–80].

Характерно, что еще в марте и мае, т.е. до вторжения османской армии в Подолию, в целях «отвращения» войны российское правительство поручило Войску

---

[1] Автор статьи не разделяет распространенную в историографии точку зрения, согласно которой первой войной между Россией и Османской империей считается организованный султаном Селимом II Астраханский поход 1569 г. (см., например, [10]), поскольку в русских и османских источниках отсутствуют сведения о непосредственных столкновениях войск обеих стран в то время. Об этом упоминается лишь в двух источниках польского происхождения, один их которых имеет опосредованный характер.

Донскому «на Черное море стругами выходить и турского салтана и крымского хана жителем разоренье чинить» [19. С. 80; 3. С. 121–122; 20. С. 115; 2. С. 304]. Выполняя это поручение, в июле донские казаки во главе с войсковым атаманом Корнилой Яковлевым (Черкасом) осадили Каланчинские башни, одну из них разрушили артиллерийским огнем «до подошвы», но из-за начавшегося наводнения вынуждены были снять осаду. Затем донцы с калмыками совершили набег на Азов, в ходе которого захватили около четырехсот пленных и девятьсот голов скота [14. Оп. 1. Кн. 3. Л. 41–41об., 101об.; 21. С. 88–89; 3. С. 122; 2. С. 304]. Так началась первая русско-турецкая война, кульминацией которой стали Чигиринские походы 1677–1678 гг., а финалом – Бахчисарайский мир 1681 г.

В исторической литературе не сложилось единого мнения о хронологических рамках этого военного конфликта, в особенности – о его начальной дате. Обращая на это внимание, В.П. Загоровский привел три наиболее распространенных варианта датировки и отметил, что трудности с определением времени начала войны обусловлены тем, что ее официального объявления не было [6. С. 76–77]. Продолжу его историографические наблюдения и дополню их еще несколькими примерами.

А.Н. Попов, а вслед за ним и Н.А. Смирнов, сузили хронологию войны рамками Чигиринских походов 1677–1678 гг., во время которых произошли сражения непосредственно между османскими и российскими войсками [22. С. 146–172; 3. С. 125–173]. Большинство других авторов безоговорочно связали окончание конфликта с заключением Бахчисарайского мирного договора в 1681 г.

Н.И. Косиненко назвал войну семилетней и датировал ее 1674–1681 гг., начиная с первых двух походов русско-украинского войска воеводы князя Г.Г. Ромодановского и гетмана И.С. Самойловича за Днепр против вассала османского султана гетмана П.Д. Дорошенко, закрепившегося в Чигирине [23. С. 7, 24–28].

Я.Е. Водарский в названии и тексте своего очерка одновременно указал две разные даты начала войны: 1676 и 1677 гг. Первая дата ознаменована третьим походом русско-украинского войска за Днепр, итогом которого стало взятие Чигирина и переход П.Д. Дорошенко в российское подданство. Однако описание войны Я.Е. Водарский ведет с кампании 1677 г., когда поход к Чигирину предприняла уже османская армия, потерпевшая неудачу при попытке овладеть крепостью. Аналогичным образом недавно поступила и М.Р. Яфарова, подчеркнувшая, «что именно с 1677 г. взаимоотношения Османской империи и Московского государства меняют свой характер и переходят в фазу прямого вооруженного конфликта» [24. С. 518, 521; 25. С. 7].

Отталкиваясь от военной операции, в результате которой Россия овладела Чигирином, Г.П. Мещеряков отнес начало войны к 1676 г. Эту датировку позже принял и украинский историк В.Н. Заруба, но с оговоркой, что война России против П.Д. Дорошенко в 1674–1676 гг. «de jure была войной с Турцией» [26. Стб. 374–375; 27. С. 6, 23–25, 30, 322–323].

В.П. Загоровский пришел к выводу, что война началась в 1673 г., когда по приказу султана крымский хан бросил в атаку на южнорусские земли «весь Крым», а российский отряд открыл военные действия против османских укреплений в низовьях Дона [6. С. 77, 78–79, 82].

Оригинальный взгляд на этот военный конфликт содержится в работе С.Ф. Фаизова, написавшего об «участии России и Крымского ханства в польско-турецкой войне 1672–1676 гг.», которую он отделил от «первой русско-турецкой войны» 1677–1681 гг. Парадоксально, но ученый не посчитал суверенное Российское

царство самостоятельной воюющей стороной в коалиционной войне и как бы приравнял его к Крымскому ханству – вассальному государству в составе Османской империи [8. С. 4–5, 22–24, 146–173, 178–181, 192–193; 9. С. 98–116]. А.П. Богданов не без оснований квалифицировал эту точку зрения как особого рода заблуждение и даже издевательство [28. С. 62; 29. С. 109–110]. Разделение одной войны на две лишь на том основании, что до октября 1676 г. Россия вела ее в союзе с Речью Посполитой, представляется искусственным, необоснованным и методологически ошибочным.

По мнению А.П. Богданова, Россия объявила войну Турции в октябре 1672 г. [28. С. 61; 29. С. 108–109]. Примечательно, что ученый не конкретизировал, каким образом это было сделано. Вероятно, он связал объявление войны с обнародованием в Москве и других российских городах царских грамот от 6 октября 1672 г., в которых сообщалось, что напавший на Польшу османский султан и «на государство Московское тщится идтить войною», и в этой связи приказывалось всем служилым людям быть готовыми к «государевой службе». Однако вряд ли это расплывчатое распоряжение о подготовке к военной мобилизации можно расценивать как манифест об объявлении войны. На такой манифест больше похожа грамота от 27 ноября 1672 г., в которой декларировалось намерение царя «идтить своею государскою особою против неприятеля своего, турского салтана» [30. С. 250–254].

Г.В. Ходырева и Б.Н. Флоря приурочили начало войны России с Турцией к лету 1672 г., когда запорожские и донские казаки по указанию Москвы атаковали Крым и османские крепости в устьях Дона [31. С. 88, 93; 20. С. 130–131; 32. С. 111]. А.В. Малов, П.В. Седов, Р.С. Кривоченков и А.Н. Лобин тоже датировали войну 1672–1681 гг. [33. С. 556–558; 34. С. 285; 35. С. 81–87; 36. С. 29]. Последняя датировка представляется наиболее обоснованной, так как в 1672 г. донцы и запорожцы, следуя политической воле российского правительства, открыли боевые действия против османов и крымцев, а находившиеся в Москве крымские посланники были сосланы в Вологду и посажены в тюрьму [16. С. 51–52; 8. С. 146–148; 9. С. 100–101; 32. С. 111; 18. С. 80; 20. С. 115–116]. Донские казаки с 1671 г. являлись подданными русского царя [37. С. 183–187; 38. С. 32–33] и, следовательно, участвовали в войне с Османской империей в качестве представителей вооруженных сил России[2].

После получения сведений о падении Каменца-Подольского Москва официально санкционировала взятие Каланчинских башен силами донских казаков, но в отношении Азова у правительства были более скромные планы. «А буде вы, атаманы и казаки, чаете у турков в Азове безопасно житье,– говорилось в грамоте от 10 октября 1672 г., – и вы б над Азовом всякой промысл [...] чинили ж» [15. № 533; 14. Оп. 1. Кн. 3. Л. 43–44]. Таким образом, овладение Азовом и изгнание турок из низовьев Дона, несмотря на надвигающуюся угрозу их нападения на Украину, московская внешнеполитическая доктрина по-прежнему не предусматривала. Планируя нанесение удара по одному из самых уязвимых с военной точки зрения пограничных форпостов Османской империи, судья Посольского приказа окольничий А.С. Матвеев надеялся таким образом удержать султана от нападения на Россию. Относительная быстрота османского наступления в Подолии, по

[2] На этом основании нельзя согласиться с А.С. Алмазовым, полагавшим неправильным «считать началом войны действия донских казаков в районе Азова в 1672–1676 гг., поскольку сама Россия официально не признавала донских казаков своими подданными». Некорректной и фактологически неточной является и проведенная историком параллель с событиями 1637–1642 гг., когда захватившие Азов донцы просили у царя помощи, но Земский собор якобы отказал им «как нерусским подданным» [39. С. 149].

замечанию С.Ф. Фаизова, предопределила развитие боевых операций в Приазовье, изначально запланированных в качестве превентивных, «лишь параллельно с осадой Каменец-Подольского и Львова» [8. С. 147; 9. С. 100]. Ответной мерой Стамбула стала организация весной 1673 г. набега, в ходе которого крымские татары разорили нескольких уездов в районе Белгородской черты [14. Оп. 1. Кн. 4а. Л. 43 об.–44; 5. С. 285; 40. С. 71–73].

В 1672 г. донские казаки не смогли довести борьбу за Каланчинские башни до победного конца. К началу следующего года разрушенная ими башня была восстановлена. Однако этим военно-оборонительные мероприятия турок в низовьях Дона не ограничились: предвидя новое нападение казаков, в Стамбуле приняли решение реконструировать укрепления Азова и сделать их более мощными. Для реализации этого проекта весной 1673 г. к гирлам Дона было послано тридцать три судна, нагруженных строительным камнем и известью. Суда доставили в крепость полторы тысячи янычар, одновременно степью пришла ногайская и башкирская конница, насчитывавшая, по разным данным, от одной до трех тысяч всадников. Вскоре около семисот азовцев, ногайцев и башкир отправились в набег к южным границам России. Кроме того, в Азове ожидалось прибытие двадцатитысячной крымской конницы во главе с калгой-султаном, а также черкесских отрядов из Тамани и Темрюка [14. Оп. 1. Кн. 3. Л. 130, 137–137об., 143об.–145об.]. Но эти силы в крепость так и не пришли.

В целях активизации боевых действий против Османской империи и достижения в борьбе с ней ощутимых результатов, в начале 1673 г. в Москве вновь решили послать в низовья Дона воеводу с ратными людьми [14. Оп. 1. Кн. 3. Л. 87об., 91–92, 118об., 131]. При подготовке экспедиции Посольский приказ использовал опыт приказа Казанского дворца, организовавшего поход воеводского полка на Дон в 1660 г. [14. Оп. 1. Кн. 4. Л. 23–27об.]

В июне 1673 г. из Воронежа к Черкасску на судах пришел полк воеводы думного дворянина Ивана Севастьяновича Большого Хитрово, сформированный из двенадцати стрелецких приказов численностью 7403 человека[3] [14. Оп. 1. Кн. 4. Л. 365, 369об.–376, 512об.; 1673 г. Д. 13. Л. 27, 65]. Сложно понять мотивацию руководства Посольского приказа, пославшего на Дон воеводу, уже командовавшего там войсками в 1660–1661 гг., но не добившегося при этом военного успеха и вызвавшего недовольство Войска Донского. Вероятно, некомпетентность главного полкового воеводы должен был компенсировать его товарищ – более опытный военачальник стольник и полковник Григорий Иванович Косагов. По прибытии стрельцы построили напротив Черкасска новое земляное укрепление, известное в источниках под названием «ратного Черкаского городка» или просто «Ратного городка» [14. Оп. 1. 1673 г. Д. 12. Л. 27, 28, 35; Д. 13. Л. 65, 149; 1674 г. Д. 16. Л. 110; 1676 г. Д. 13. Л. 65, 69, 73, 87, 88, 95; Д. 16а. Л. 1; 41. Оп. 1. Д. 2221. Л. 16; Оп. 2. Д. 1389. Л. 1; 42. С. 303, 305, 310–313, 315; 43. С. 352; 44. С. 40].

А.Н. Лобин связал отправку на Дон воеводского полка с якобы запланированным «широкомасштабным походом» на Азов крупных военных сил во главе с царем Алексеем Михайловичем. Без опоры на какие-либо конкретные данные

---

[3] Утверждение Н.А. Смирнова и В.П. Загоровского о том, что отправленное на Дон в 1673 г. войско состояло из двух солдатских полков и восьми стрелецких приказов, следует признать ошибочным, так как оно не подтверждается источниками. Вопреки утверждению С.Ф. Фаизова, рейтар в рядах этого пехотного войска не было. Противоречит документальным данным и указанная Н.А. Смирновым численность полка И.С. Хитрово по прибытии на Дон, на что уже обращал внимание В.П. Загоровский [3. С. 129; 5. С. 285; 6. С. 82; 8. С. 151; 9. С. 102]. Указанная мною численность войска отражает ситуацию на шестой день после его прибытия к Черкасску (19 июня 1673 г.).

историк считал полк воеводы И.С. Хитрово авангардом «государева полка», сбор которого был намечен на весну 1673 г. в Путивле [36. С. 30, 33–40]. Между тем, сохранившиеся источники не оставляют возможности для подобных домыслов и позволяют признать эту версию несостоятельной. В этой связи, любое упоминание об «Азовском походе Алексея Михайловича» 1673 г., пусть и несостоявшемся [45. С. 135; 46. С. 9], следует считать некорректным.

Согласно полученному в Посольском приказе наказу, воевода И.С. Хитрово должен был совместно с Войском Донским взять Каланчинские башни, и «на тех Каланчинских башнях сделать город как пристойно, и укрепить накрепко, и войсковыми людьми осадить, чтоб во время неприятельского приходу сидеть в них было мочно», после чего послать азовскому паше составленную в Москве грамоту с требованием прекратить войну с Польшей и угрозой ответного вторжения российских войск во владения османского султана и крымского хана [2. С. 306; 14. Оп. 1. Кн. 4. Л. 307об.–308, 450об.–459об.]. Как ни парадоксально, но усиливая военное давление на Порту в таком болезненном для нее месте, как Азовский санджак, российское правительство вовсе не стремилось к эскалации конфликта, а наоборот, преследовало миротворческую цель. Об этом руководство Посольского приказа 30 декабря 1672 г. прямо заявило станичному атаману зимовой станицы донских казаков Фролу Минаеву, объясняя необходимость постройки укреплений на месте Каланчинских башен, «чтоб чрез те крепости впредь на море на промысл и Крыму на вред был свободный путь, чтоб конечно темы промыслы унять турскую и крымскую войну». Эта же идея звучала и в отправленной Войску Донскому грамоте от 3 марта: атаманам и казакам следовало объявить воеводе «мысль свою войсковую», «каким обычаем над Каланчинскими башнями промысел чинит, чтоб общею [...] службою турского салтана от войны унять» [14. Оп. 1. Кн. 3. Л. 96об.–97; Кн. 4. Л. 248–248об.].

В августе 4912 стрельцов под командованием воеводы И.С. Хитрово и 5000 донских казаков начали осаду Каланчинских башен. Интенсивность артиллерийского огня, открытого русскими пушкарями по башням, впечатлила даже видавшего виды полковника Г.И. Косагова. Осада Каланчинских башен продолжалась три недели. Несмотря на более энергичные, чем в 1661 г., осадные действия, повторная попытка И.С. Хитрово взять башни провалилась [14. Оп. 1. 1673 г. Д. 12. Л. 14–18, 27–30, 44; Д. 13. Л. 75–77; 47. Оп. 3. Д. 324. Л. 1; 2. С. 309, 310].

Во время их осады казачья флотилия из одиннадцати стругов вышла в Азовское море и, обойдя пришедшие на помощь Азову восемнадцать турецких галер, отправилась к берегам Крыма. На стругах находилось более трехсот казаков под командованием походного атамана Михаила Самарянина (Лукьянова). Достигнув северного побережья Керченского полуострова, они сожгли несколько татарских деревень в районе мыса Казан-рог (Казантип) и захватили языков, но не получили никакой добычи [14. Оп. 1. Кн. 4а. Л. 79об., 122об., 330–331об.; 47. Оп. 3. Д. 324. Л. 6, 7].

Нападение российского войска на Каланчинские башни вызвало в Азове большую тревогу, так как крепость не была готова к осаде. Бежавший оттуда из плена донской казак Яков Данилов позже сообщил в Москве, что «в Азове было в то время великое страхование, потому что было безлюдно, и городовая стена была худа – в одном месте в нижнем горо[де] вывалилась стена на 50 сажень и больши, и в ыных местех по тому ж были пролазы» [14. Оп. 1. Кн. 8. Л. 490–490об.]. В Азове тогда находились две тысячи человек пехоты и около пятисот человек конницы. Донские казаки настаивали на том, что вначале необходимо взять Азов, и лишь затем – атаковать Каланчинские башни, так как, по их мнению, крепость «имать

будет легче тех башен», которые «Азова вдесятеро крепче». «А как де Азов великому государю бог поручит, и тогда де в башнях турки сидеть не будут»,– заявил на допросе в Посольском приказе 24 сентября 1673 г. станичный атаман Иван Харитонов. Османская империя приняла меры для наращивания военного присутствия в низовьях Дона заранее, до прихода туда российских войск. Еще в октябре 1672 г. в османском военном лагере под Каменцом-Подольским перед султаном Мехмедом IV были допрошены два пленных донских казака, которые сообщили, что весной 1673 г. к Азову «будут государевы ратные многие люди с пушками, и со всяким нарядом». В то время, когда воеводский полк был занят сооружением Ратного городка у Черкасска, к устьям Дона подошли десять османских галер и двадцать фуркатов (полугалер), которые доставили в Азов подкрепление. Турки в срочном порядке укрепили Каланчинские башни: окружили их земляным валом и рвом, наполненным водой. После отступления воеводы от башен прибыли еще двадцать пять галер с войсками, чья численность, по подсчетам казаков, доходила примерно до 3,5 тысяч человек. В результате гарнизон крепости увеличился до 6000 человек, в том числе около шестисот человек конницы [14. Оп. 1. 1673 г. Д. 12. Л. 31–32, 35–36, 43; 47. Оп. 3. Д. 323. Л. 3, 4; Д. 324. Л. 1].

Тем не менее, военное превосходство оставалось за объединенными силами российского воеводского полка и Войска Донского, насчитывавших в августе около 13000 человек[4] [14. Оп. 1. 1673 г. Д. 12. Л. 27–28; Д. 13. Л. 59]. Но и этих сил для взятия Азова было недостаточно. Войсковой атаман К.Я. Яковлев в письме окольничему А.С. Матвееву отметил, что для овладения крепостью потребуется не менее сорока тысяч пехоты и двадцати тысяч конницы,– «и с таким войском к Азову пытатца мочно, а с малым войском к Азову идти нельзя» [14. Оп. 1. 1673 г. Д. 12. Л. 42; 1. Т. 12. С. 440]. Но направить такие крупные силы на Дон Москва в то время не могла.

Неудача под Каланчинскими башнями привела к изменению стратегического плана российского правительства. Было принято решение построить крепость на северном побережье Азовского моря, у устья реки Миус, чтобы создать там базу для военно-морских походов и перекрыть турецким судам путь к Азову [14. Оп. 1. Кн. 4а. Л. 332об.–333; 1673 г. Д. 12. Л. 45; Кн. 6. Л. 320–323; 1674 г. Д. 20. Л. 26–30; 19. С. 87, 92]. Для осуществления этого плана летом 1674 г. на смену воеводе И.С. Хитрово на Дон были посланы «сходные» воеводы: стольник князь Петр Иванович Хованский и уже служивший там в 1662–1664 гг. думный дворянин Яков Тимофеевич Хитрово, с подкреплением в количестве 5613 человек по наряду. На этот раз помимо пехоты, представленной шестью стрелецкими приказами (3633 человек), к Черкасску отправилась и конница: два рейтарских полка (1439 человек) и татары сотенной службы (541 человек) [14. Оп. 1. 1674 г. Д. 10. Л. 14, 22–24, 40–40об., 70–71, 73–77, 91, 120; Кн. 6. Л. 328–335; 48. Стб. 828–829; 2. С. 314; 3. С. 132]. Г.И. Косагов остался в Ратном городке в качестве товарища новых воевод. Однако он задержался там ненадолго и по распоряжению правительства в конце 1674 г. был отпущен со службы в Москву [14. Оп. 1. Кн. 6. Л. 172об.–173об.; 1674 г. Д. 10. Л. 19, 121, 187–188, 190–191; 1673 г. Д. 12. Л. 19; Д. 15. Л. 42об.–43].

Слухи о походе на Дон дополнительных российских сил дошли до азовского санджакбея еще весной 1674 г., к тому же в сильно преувеличенном виде, и он

[4] В указанное число включено лишь то количество донских казаков, которое участвовало в осаде Каланчинских башен — 5 000 человек. Общая численность боевых казаков Дона в 1672–1673 гг. превышала 10 000 человек. Половину из них войсковой атаман отнес к категории «самых добрых и промышленных молотцов» [14. Оп. 1. Кн. 3. Л. 103об, 139об.–140].

обратился к крымскому хану с просьбой прислать войска для обороны Азова от сорока тысяч царских ратных людей и казаков. По получении этих вестей Стамбул не замедлил принять превентивные меры. В июне пришедшие двумя партиями 30 турецких галер, а также несколько кораблей и мелких судов, доставили в крепость четыре тысячи «боевых и работных людей», около тридцати пушек, строительный лес и камень, а в устье Миуса на кочевье были оставлены четыре тысячи конных татар. В начале августа Муллагей-паша привел в крепость конницу – около 700 крымских татар и темрюкских черкесов. Взятые донцами турецкие языки сообщили, что после прибытия на судах дополнительных сил в количестве 4 000 человек, в Азове сосредоточилось до 9 000 воинов[5]. В крепости развернулись фортификационные работы. Однако прикомандированные войска пробыли в Азове меньше трех месяцев – в августе они были переброшены в оккупированную османами Подолию. В результате, к началу осени азовский гарнизон насчитывал не более 3,5 тысяч человек. Несмотря на то, что укрепления Азова были усилены и галеры доставили в крепость денежную казну и хлебные запасы (правда, в небольшом количестве), положение ее жителей не внушало им оптимизма. Освобожденный донскими казаками под Азовом «полоняник польской породы Ивашка Николаев» позже поведал в Москве, что азовцы «тужат вельми», поскольку «город де не корыстной, и которой был хлеб около Азова, руские и калмыцкие люди у них пожгли весь, и им де в Азове в осаде от руских людей помереть будет с голоду, да и город де вельми худ, и те де азовцы все плачют». По словам поляка, на крепостной ограде Азова было установлено всего восемь или девять старых пушек небольшого калибра, а те тридцать пушек, которые в июле привезли на галерах, «и ныне лежат в нестроении на берегу под городом» [14. Оп. 1. Кн. 6. Л. 628–628об., 647, 648; Кн. 7. Л. 260об.–261; Кн. 8. Л. 10–10об., 26об.–27, 33об.; 50. С. 174–175, 176, 177, 178; 2. С. 316–317].

В июне полковник Г.И. Косагов и донской походный атаман Родион Калужанин (Осипов) с отрядом ратных людей и казаков, воспользовавшись разливом Дона, беспрепятственно вышли на двадцати пяти стругах в море и направились к Крыму. Однако, увидев у Миусского лимана османский флот, они не рискнули идти дальше, и вынуждены были вернуться к Черкасску [14. Оп. 1. 1674 г. Д. 16. Л. 107–108, 110; Кн. 7. Л. 260об.].

Стремясь овладеть военной инициативой в регионе, османы попытались перейти от обороны к наступательным действиям. В июле, когда в Азове было особенно многолюдно, турецкая пехота на судах и ногайская и черкесская конница по суше выступили из крепости вверх по Дону. У его правого притока Аксая их встретили русские ратные люди и дали бой, после чего неприятель отступил [14. Оп. 1. Кн. 6. Л. 647; 50. С. 124, 126].

В августе полковник Г.И. Косагов с ратными людьми и войсковой атаман К.Я. Яковлев с казаками совершили разведку боем в дельте Дона, разгромили татарский отряд у протоки Каланчи и взяли восемь языков [14. Оп. 1. 1673 г. Д. 15. Л. 17–17об., 22об.–23об.]. Разумеется, подобные мелкие стычки не оказывали заметного влияния на положение противоборствующих сторон.

---

[5] Эти сведения Н.А. Смирнов ошибочно отнес к 1675 г. [3. С. 133]. Российское правительство получало оперативную информацию о положении дел в Азовском санджаке одновременно из нескольких источников. Зачастую эта информация была противоречива, особенно в отношении количественных данных. Так, 22 августа 1674 г. семеро азовских и двое крымских татар, захваченных в плен казаками слободского Харьковского полка под Змиевым, показали на допросе в Белгороде, что весной в Азов пришли 130 судов с 2 000 турок на борту [49. Оп. 12. Д. 808. Л. 16, 18]. Последние данные в корне противоречат вышеприведенным сведениям, полученным донскими казаками.

Как и в 1646 г. (см. [51. С. 51]), Россия смогла укрепить свои позиции в регионе за счет привлечения дополнительных сил из Поволжья и с Северного Кавказа. 28 августа к Черкасску пришло многочисленное и многонациональное конное войско под номинальным командованием состоящего на царской службе кабардинского князя Касбулата Муцаловича Черкасского. Ядро и основную ударную силу его рати составляли посланные тайшой Аюкой 5000 калмыков, усиленные отрядами кабардинцев, чеченцев, союзных ногайцев и несколькими русскими служилыми людьми из Терского города. На состоявшемся вскоре совещании кабардинского князя с войсковым атаманом К.Я. Яковлевым были оговорены детали совместного наступления на Азов, которое началось 31 сентября. Русские ратные люди тоже приняли участие в операции, несмотря на индифферентное отношение к ней воеводы И.С. Хитрово. По суше к османской крепости отправилась конница – 5000 калмыков и 150 узденей князя К.М. Черкасского, а по Дону на судах пошла пехота – 3000 донских казаков и тысяча стрельцов во главе с Г.И. Косаговым, всего – более 8000 человек. 1 сентября на подступах к Азову их встретили около двух тысяч конных «азовских жителей и новоприбылых турских людей». В завязавшемся неравном бою противник был разгромлен, понеся большие потери убитыми и пленными. По словам крымского татарина Деведея, захваченного донцами и позже допрошенного в Москве, в том сражении «азовских и крымских татар и темрюков побили многих, что де в трупу и пройти было нельзя». Также атакующая сторона выжгла под Азовом пашню и отогнала все пасшиеся у крепости стада скота и табуны лошадей. Стремясь привлечь калмыков на службу царю, казаки даже «поступились» в их пользу общей добычей, оставив себе только пятнадцать языков и шестерых находившихся в неволе украинцев, взятых и отбитых самостоятельно [14. Оп. 1. 1673 г. Д. 15. Л. 13–13об.; Кн. 8. Л. 27–27об.; 50. С. 169–174, 178–179, 181, 182]. Эта операция, сочетавшая в себе элементы набега и конного сражения, хотя и не имела ощутимых стратегических последствий, оказалась для российского командования в 1674 г. самой крупномасштабной и продуктивной на данном театре военных действий. Намеченное нападение на Крым силами калмыков и добровольцев из числа донских казаков, которое должен был возглавить князь К.М. Черкасский, из-за плохой организации Москве пришлось перенести на следующий год [52. С. 80].

Объединенное войско князя П.И. Хованского и Я.Т. Хитрово пришло в Ратный городок 11 сентября 1674 г. [14. Оп. 1. 1673 г. Д. 15. Л. 25об.; Кн. 8. Л. 34об.] После проведенной разведки местности строительство крепости в устье Миуса было признано нецелесообразным и правительство отказалось от реализации этого плана [14. Оп. 1. Кн. 8. Л. 35–36; 1674 г. Д. 20. Л. 3; Д. 21. Л. 1, 3, 5, 7; Д. 22. Л. 7–8; 19. С. 93; 2. С. 314–315]. Вместо этого глава российского внешнеполитического ведомства боярин А.С. Матвеев принял решение построить в дельте Дона, поблизости с Азовом, сразу три городка: два на верхнем и нижнем устьях Казачьего ерика, и один на протоке Каланче. Таким способом предполагалось блокировать Азов и Каланчинские башни, и тем самым открыть русским и казачьим судам свободное плаванье в Азовское море, а также обезопасить южную границу России. По словам донского старшины Р.О. Калужанина – главного вдохновителя этого проекта, после его осуществления «те новопостроенные их казачьи городки, естьли даст бог, Азову, и Лютину, и Каланчинским башням, и всем тамошним турским крепостям будут вместо осады. И с моря караблями и ис Крыму степью к Азову и х Каланчам неприятельским людем и многолюдством проход будет нужной, и на украинные великого государя городы от Азова и ис Крыму войною и загонами приходить им будет немочно». Р.О. Калужанин советовал А.С. Матвееву разместить в нижнем городке на Казачьем ерике шесть

тысяч ратных людей, в верхнем городке – пять тысяч, а в третьем городке на Каланче – «хотя меньши», и заверил, что «донские казаки в тех городках жить будут, только б было им государево жалованье – хлеб» [41. Оп. 2. Д. 1356. Л. 5–12, 14–17; 14. Оп. 1. 1675 г. Д. 2. Л. 104–106об.; 2. С. 317–318].

Запись допроса в Посольском приказе присланных с Дона станичного атамана Р.О. Калужанина, есаула С.Л. Лаврентьева и «выборных старых казаков» от 28 декабря 1674 г. свидетельствует, что А.С. Матвеева всерьез интересовали перспективы овладения Азовом. По этому поводу донцы заявили, что если царь укажет «чинить бы промысл над Азовом, и к Азову приходить им приступами, и чтоб было их, казаков, и великого государя ратных людей многое число – тысяч тритцать или сорок; и теми людьми Азов возьмут ли, или нет, того они не ведают, только могут неприятельским людем учинить разоренее великое». Также Р.О. Калужанин и его спутники считали целесообразным перевести на кочевье к Азову калмыков, которые в результате этого «приход ис Крыму ратных людей к Азову отмут» [41. Оп. 2. Д. 1356. Л. 12–14]. Заинтересованность в подобных проектах свидетельствует как о широте маневра, возможность которого открылась перед российским правительством, так и об отсутствии у него четко продуманного стратегического плана.

10 июля 1675 г. в низовья Дона пришло очередное пополнение – полк «сходного» воеводы стольника князя Ивана Михайловича Кольцова-Мосальского, насчитывавший 3 271 человек. Князь должен был сменить воеводу Я.Т. Хитрово, отозванного в Москву [14. Оп. 1. 1675 г. Д. 2. Л. 119об.; Кн. 8. Л. 573об.–574; 48. Стб. 1247].

Подсчеты Н.А. Смирнова, согласно которым к лету 1675 г. на Дону собралось 20 365 ратных людей, основаны на недоразумении [3. С. 132–133]. Исследователь сложил списочную численность трех воеводских полков, последовательно направлявшихся на Дон с 1673 по 1675 г., совершенно не учитывая многочисленных фактов почти непрерывного массового бегства ратных людей и их высокой смертности. Побеги ратных людей начинались уже в пунктах сбора войск, продолжались в пути, и достигали небывало огромных размеров по прибытии на место дислокации. Так, 9 апреля 1673 г. сформировавшийся в Воронеже полк И.С. Хитрово насчитывал 8 285 человек [14. Оп. 1. Кн. 4. Л. 369, 369об.]. По дороге к Черкасску это количество сократилась на 1 394 человека: 127 из них умерли, остальные 1 267 сбежали [14. Оп. 1. 1673 г. Д. 18. Л. 6]. После пятнадцати месяцев дислокации в Ратном городке к 4 сентября 1674 г. в полку И.С. Хитрово осталось 3 723 стрельца [14. Оп. 1. Кн. 7. Л. 264–264об.; 50. С. 183] (см. также [2. С. 312–313]). В течение шестнадцати дней пути от Тамбова к Хоперской пристани с 16 июля по 1 августа 1674 г. из полка князя П.И. Хованского, численность которого до объединения с полком Я.Т. Хитрово первоначально составляла 3 144 человека, бежали 314 ратных людей [14. Оп. 1. Кн. 6. Л. 609об., 626–626об.]. В ходе комплектации в Воронеже полка князя И.М. Кольцова-Мосальского за восемнадцать дней с 8 по 25 мая 1675 г. сбежали 758 человек. На Дон воевода повел 4 847 ратных людей, но к моменту прибытия в пункт назначения их количество уменьшилось на 1 576 человек [14. Оп. 1. 1675 г. Д. 2. Л. 119об., 136, 188–188об.]. Если учесть, что в мае 1675 г. размещенное в Ратном городке войско насчитывало 4 603 человека [14. Оп. 1. Кн. 8. Л. 476об., 485об.], то к лету, после прихода полка князя И.М. Кольцова-Мосальского, это число могло вырасти лишь до 7,8 тысяч, но никак не до 20 с лишним тысяч, как указал Н.А. Смирнов.

Несмотря на то, что по мере активизации открывшихся в 1673 г. военных действий России против гетмана П.Д. Дорошенко на Правобережной Украине [14. Оп. 1. Кн. 4. Л. 506–507об.; 1. Т. 12. с. 438, 450–452, 455–457, 460–463, 468–469;

31. С. 89–92; 53. С. 78–81, 85–87; 27. С. 39–51] приазовский театр войны отходил на второй план внешней политики Порты, в 1675 г. для защиты Азова по суше и по морю опять были отправлены дополнительные войска и артиллерия. В августе взятый в плен под Валуйками янычар, участвовавший в татарском набеге, сообщил на допросе, что в Азове сконцентрировано до десяти тысяч человек пехоты и тысячи человек конницы. Однако в этом году как российская, так и османская сторона воздержались от наступательных действий в Северо-Восточном Приазовье [14. Оп. 1. Кн. 8. Л. 478об., 481об.; 54. С. 108; 8. С. 169; 9. С. 112].

В сентябре через Черкасск проследовал объединенный отряд князя К.М. Черкасского, воеводы стольника Ивана Юрьевича Леонтьева и калмыцкого нойона Мазана-батыра, направлявшийся из Царицына в поход на Крым. Вместе с присоединившимися позже донскими и запорожскими казаками во главе с атаманами Ф.М. Минаевым и И.Д. Серко, численность отряда достигла двух тысяч человек. Попытавшись с боем прорваться в Крым через залив Сиваш, альянс не добился успеха и отступил в Запорожье [8. С. 166–169; 9. С. 110–112; 52. С. 82–85; 2. С. 321; 55. С. 31–35]. Дислоцированные в Ратном городке русские полки в этом походе не участвовали.

Согласно Н.А. Смирнову, «Азов должен был сковывать силы двадцатитысячного русского отряда да еще десяти тысяч донских казаков, в то время как основные турецкие силы вместе с крымским ханом начали войну с Русским государством за Украину» [3. С. 133]. В действительности же все происходило с точностью до наоборот. Размещенные на Дону российские войска, ежегодно пополнявшиеся свежими силами, создавали угрозу Азову и Крыму, а Порта для обеспечения их безопасности была вынуждена отвлекать часть своих и крымских войск от других фронтов войны с Речью Посполитой и Россией. Азов с 1672 г. практически находился на осадном положении. По свидетельству отбитых у азовцев в сентябре 1674 г. пленников, азовский бей писал «к турскому салтану и к хану беспрестанно о помочи себе», на что получил ответ: «Как знаете, так и чините, а помочи не будет, надобно де им войско против ратных великого государя людей, будучих на Украине, и против поляков» [50. С. 177, 179].

Московские планы фортификационного строительства в Северо-Восточном Приазовье вызвали недовольство и резкое противодействие донского казачества. Войсковой атаман К.Я. Яковлев подвергся в Войсковом кругу унижению и вынужден был оставить пост, после чего казаки избрали на его место М.Л. Самарянина (не менее лояльного Москве) [14. Оп. 1. Кн. 8. Л. 465об.–466, 570–570об., 572об.–573об., 574 об.–576; 41. Оп. 1. Д. 2221. Л. 17–18, 24–26; 43. С. 349–351; 2. С. 315, 319–320; 1. Т. 12. С. 478–479]. Как писал жене князь П.И. Хованский, «на Дону смутка стала великая» [42. С. 310]. Казаки хотели добиться от правительства вывода с Дона ратных людей под предлогом того, что и без них «Войска (Донского. – *П.А.*) много». В ноябре 1675 г. приехавшие с Дона двое московских стрельцов докладывали в Посольском приказе, что в казачьих городках «по станичным избам казаки все говорят, что хотят собрався итти [...] на ратных людей, которые в Ратном городке, и воевод и всех начальных людей и стрельцов московских побить всех, а городовым стрельцам дать волю»; если же царь пришлет на Дон «рать большую», то они «замирятца с Озовом и поднимут Крым» [43. С. 350, 352]. В создавшейся конфронтационной обстановке проект постройки под Азовом трех укреплений также не удалось осуществить. Допрошенный тогда же в Посольском приказе прибывший из Ратного городка полуголова московских стрельцов Василий Волжинский, ранее уже служивший на Дону в 1660–1664 гг., считал, что тогда «казаки жили смирно, и налог никаких государским людем не чинили, и оборон[у] на казаков давали»,– не то что в нынешнее время. В отношении боевого сотрудничества русских воевод

и Войска Донского офицер был настроен пессимистично, поскольку «службы де от казаков к великому государю радетельной и в те годы мало он, Василей, видал, кроме того, когда пройдут на море и себе учинят добычу, или украткою человек по пяти и по шести языков побрав, на окуп отдают, а чтоб полком стоять – того он в прошлой и в нынешней службе не видал» [41. Оп. 1. Д. 2221. Л. 5].

В 1676 г. к Черкасску были отправлены свежие силы – полк воеводы стольника Ивана Федоровича Волынского, состоявший из трех стрелецких приказов численностью 1 200 человек. Отряд И.Ф. Волынского должен был сменить стрелецкие приказы «первой трети», пришедшие на Дон в 1673 г. с И.С. Хитрово. В отличие от предыдущих воевод, перед И.Ф. Волынским в Москве не поставили конкретных военных целей. Согласно наказу, он был послан «для промыслу над неприятели – турскими и крымскими людьми». При новом царе Федоре Алексеевиче приазовскому театру военных действий по-прежнему придавалось большое значение – об этом свидетельствуют планы правительства послать на Дон в дальнейшем «третью треть» на смену войск, присланных туда в 1674–1675 гг. [14. Оп. 1. 1676 г. Д. 13. Л. 40–44, 59, 61–62, 70–71, 77–78, 119, 171; 6. С. 85]

Воевода И.Ф. Волынский прибыл в Ратный городок в октябре 1676 г. и принял общее командование у князя И.М. Кольцова-Мосальского. Князь П.И. Хованский к тому времени был отозван в Москву, а Я.Т. Хитрово умер еще в 1675 г. В момент приема-передачи войск в укреплении находились всего 2 734 стрельца «первого наряду» – почти на порядок меньше того количества, которое ошибочно указывал Н.А. Смирнов применительно к 1675 г. [14. Оп. 1. 1676 г. Д. 16а. Л. 1, 6; Д. 13. Л. 114, 119; 1677 г. Д. 5. Л. 27; 56. С. 337]

Помимо решения туманно сформулированных военных задач, на И.Ф. Волынского была возложена вполне конкретная и весьма ответственная дипломатическая миссия: заключение с Крымским ханством договора о «вечном мире». Таким образом, две полученные воеводой в Посольском приказе инструкции прямо противоречили друг другу: ему предписывалось воевать с турками и крымскими татарами и одновременно вести с ними мирные переговоры. Также воеводе поручили выкупить из крымского плена несчастного боярина В.Б. Шереметева[6], которого для этого в июле 1677 г. специально доставили из Чуфут-кале в Азов вместе с князем А.Г. Ромодановским и другими русскими пленными (всего 24 человека) [58. С. 250–252, 254–257]. В результате, ни одно из полученных заданий военачальник и дипломат не смог выполнить с равным успехом.

Весной 1677 г., когда османская армия готовилась к вторжению на Правобережную Украину, И.Ф. Волынский при поддержке Войска Донского активизировал военные действия под Азовом. Но в июле 1677 г. правительство царя Федора Алексеевича решило отозвать войска с Дона, так как еще в марте получило согласие Бахчисарая на предложение организовать размен пленных и начать мирные переговоры в регионе. В соответствии с грамотой из Посольского приказа от 24 июля, ратным людям следовало находиться на Дону «только для той размены», после осуществления которой все они по царскому указу «з Дону распущены будут». Чтобы начать переговорный процесс, 3 августа И.Ф. Волынский послал в Азов к санджакбею Мехмеду-паше и прибывшему из Крыма мирзе

---

[6] Киевский воевода Василий Борисович Шереметев командовал российским войском в битве с объединенными польско-крымскими силами при местечке Чуднове в 1660 г. После поражения и капитуляции был пленен великим коронным гетманом Ст. Потоцким, который передал его крымскому нуреддин-султану. Пробыл в крымском плену двадцать один год, до 1681 г.– за это время на бахчисарайском престоле сменились четыре хана [1. Т. 11. С. 84–88; Т. 12. С. 395–396; 57. С. 149–158].

Али-аге стрелецкого полуголову Федота Рахманова. Намерение воеводы обсуждать условия мира с Крымским ханством поставило бея и мирзу в тупик, так как они не были уполномочены на заключение каких-либо договоров. Освобождение В.Б. Шереметева закономерно отошло на второй план, так как И.Ф. Волынский попытался поставить его в зависимость от успеха мирных переговоров. Присланный в Азов подьячий Иван Решетов от лица воеводы заявил Мехмеду-паше и Али-аге, что если они подпишут мирный договор, боярин будет выкуплен, «а буде не учинят договора о вечном мире, Шереметева не окупят». Возмущенные Мехмед-паша и Али-ага в присутствии подьячего приказали заковать знатного пленника в кандалы. Мирные переговоры провалились, не успев начаться. Али-ага, видя «нерадетельное дело» И.Ф. Волынского, уехал из Азова, передав 16 августа В.Б. Шереметева и других пленных на турецкую галеру для транспортировки обратно в Крым. В начале осени полк И.Ф. Волынского со всем вооружением и боеприпасами покинул низовья Дона. Результаты проведенных после его прибытия в Воронеж смотров показали, что с Дона вернулись 3 584 стрельца, включая сотников. Сам воевода и его товарищи, «которые в Азове были в пересылках», после жалобы В.Б. Шереметева и ноты везира Крымского ханства Батыра-аги были допрошены в Москве по царскому указу и боярскому приговору от 24 декабря 1677 г. [19. С. 100; 58. С. 256–258, 263–266, 268–272; 8. С. 176–178; 14. Оп. 1. 1677 г. Д. 18. Л. 1–7; 49. Оп. 12. Д. 834. Л. 73; 6. С. 86, 92; 33. С. 569–570]. Сепаратный мирный договор между Россией и Крымом не был заключен, так как хан Селим-Гирей I отклонил мирную инициативу Москвы.

Утверждение А.И. Ригельмана о том, что в 1677 г. Россия приложила «неотменное» старание для получения Азова, противоречит фактам. В материалах текущего делопроизводства Посольского приказа содержатся сведения лишь об обсуждении А.С. Матвеевым с представителями Войска Донского (К.Я. Яковлевым и Р.О. Калужаниным) возможности взятия Азова, но не более того. Насколько серьезен был интерес Москвы к этим планам, судить сложно. Тем не менее, заслуживает внимания мнение Г.З. Байера, согласно которому эскалация боевых действий под Чигирином помешала России «в действо произвести» намерение «о взятье Азова»,– в первую очередь, из-за нежелания вести войну на два фронта [59. С. 43; 60. С. 117]. В следующий раз российские войска пришли на Дон уже во время первого Азовского похода 1695 г., предпринятого в рамках начавшейся в 1686 г. новой войны против Османской империи.

Наивная попытка российских властей начать мирные переговоры с Крымским ханством накануне похода османской армии к Чигирину изначально была обречена на провал, так как не отвечала интересам Порты, в фарватере внешней политики которой следовал хан Селим-Гирей I. Военное положение России осложнялось тем обстоятельством, что с момента заключения 17 октября 1676 г. Журавинского мирного договора между Речью Посполитой и Османской империей, она самостоятельно несла на себе тяжесть войны [32. С. 122–123]. В этой связи нельзя не согласиться с выводом В.П. Загоровского о том, что решение Москвы об отзыве войск с Дона «вряд ли было правильным». «Находясь под Азовом, готовя сухопутные и морские наступательные операции, русские войска в 1673–1677 гг. отвлекали на себя весьма значительные силы турок и татар», которые затем были брошены к Чигирину и Белгородской черте [6. С. 86]. Некоторые современники тех событий, в частности – константинопольский и иерусалимский патриархи, считали прекращение боевых действий в Приазовье стратегическим просчетом Москвы. В 1679 г. они и другие «нарочитые» стамбульские греки через находившегося в османской столице московского иеромонаха Тимофея советовали российским властям послать войска в Крымское ханство и к Азову, вместо того,

чтобы стеречь Днепр, поскольку «доколе Крым цел стоит и Азов, [...] царского величества земля не есть без страху от него»[7] [61. Оп. 1. Кн. 18. Л. 244об.–245]. Однако понимание этого пришло к правителям России нескоро.

Вплоть до конца XVII в. геополитическая ситуация в Северо-Восточном Приазовье оставалась прежней. Первая в истории война между Российским царством и Османской империей, охватившая пространство от Приднепровья до Северного Кавказа, завершилась крушением захватнических планов османов и подписанием в 1681 г. Бахчисарайского мирного договора, установившего между обеими странами перемирие на двадцать лет [62. № 854; 32. С. 139]. Но соглашение не смогло обеспечить безопасность южнорусских земель.

Лишь после заключения 26 апреля 1686 г. Московского договора о «вечном мире», вечном оборонительном и временном наступательном союзе с Речью Посполитой [62. № 1186; 63. С. 316–370] произошло коренное изменение формы борьбы России с Османской империей, выразившееся в организации в 1695–1696 гг. двух Азовских походов с личным участием царя Петра I. Целью походов было взятие Азова и изгнание турок из низовьев Дона [64. С. 659–663].

Долговременная дислокация близ Черкасска воеводских полков в 1670-е годы не принесла Российскому царству ни ощутимых военных побед, ни территориальных приобретений. Боевую активность воевод в Северо-Восточном Приазовье сковывала половинчатая внешнеполитическая линия А.С. Матвеева, нацеленная лишь на частичное изменение баланса сил в регионе путем создания военного противовеса Азову. Тем не менее, присутствие русских войск в низовьях Дона и их военные акции против Азова и крымских поселений на берегу Азовского моря не могли не повлиять на ход войны 1672–1681 гг. Османская тактика в Приазовье, наоборот, носила в эти годы ярко выраженный оборонительный характер. Но судьба войны решалась в 1677–1678 гг. в боях за Чигирин.

Впервые предпринятые российским правительством в 1673–1675 гг. попытки построить несколько крепостей в дельте Дона и гирле Миуса натолкнулись на противодействие донского казачества, которое не было заинтересовано в усилении позиций государства в регионе. Это обстоятельство послужило одной из главных причин провала плана блокады Азова и нейтрализации исходящей от него угрозы.

Довольно успешные совместные действия русских войск и донских казаков против Османской империи в Северо-Восточном Приазовье на начальном этапе войны 1672–1681 гг. ознаменовали переход России к наступательной стратегии в регионе, способствовали усилению антагонизма противоборствующих сторон и стали, в некотором роде, прологом к Азовским походам Петра I. Несомненно, подготавливая их, юный царь и его более опытные сподвижники опирались на опыт, полученный во время предыдущей войны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т. 11–12 // Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. М., 1991. Кн. 6.
2. *Сухоруков В.Д.* Историческое описание земли Войска Донского. Ростов н/Д., 2001.
3. *Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XVI–XVII вв. М., 1946. Т. 2 (Ученые записки МГУ. Вып. 94).
4. *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948.
5. *Загоровский В.П.* Белгородская черта. Воронеж, 1969.

[7] Впервые обративший внимание на этот факт Н.А. Смирнов ошибочно отнес его к 1680 г. [3. С. 163].

6. *Загоровский В.П.* Изюмская черта. Воронеж, 1980.
7. *Рябов С.И.* Донская земля в XVII веке. Волгоград, 1992.
8. *Фаизов С.Ф.* Взаимоотношения России и Крымского ханства в 1667–1677 гг. (от Андрусовского перемирия до начала первой русско-турецкой войны): Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1986.
9. *Фаизов С.Ф.* Участие России и Крымского ханства в польско-турецкой войне 1672–1676 гг. (обзор боевых действий) // Славянский сборник. Саратов, 1995. Вып. 5.
10. *Бурдей Г.Д.* Русско-турецкая война 1569 года. Саратов, 1962.
11. *Куц О.Ю.* Донское казачество времени Азовской эпопеи и 40-х гг. XVII в.: Политическая и военная история. М., 2014.
12. Донские дела / Ред. В.Г. Дружинина. Пг., 1917. Кн. 5 (Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 34).
13. Эвлия Челеби. Книга путешествия: (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века) / Сост. и отв. ред. А.Д. Желтяков; предисл. А.П. Григорьева; примеч. и коммент. А.П. Григорьева, А.Д. Желтякова. М., 1978. Вып. 2.
14. Российский государственный архив древних актов. Ф. 111 (Донские дела).
15. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб., 1830. Т. 1.
16. *Санін Г.О.* Боротьба України і Росії проти турецької агресії в 1672 р. // Український історичний журнал. 1971. № 12.
17. *Степанков В.С.* Боротьба України і Польщі проти експансії Османської імперії у 1672–1676 рр. // Україна і Польща в період феодалізму: Збірник наукових праць. Київ, 1991.
18. *Флоря Б.Н.* Поход османов на Речь Посполитую в 1672 г. и Россия // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2018. № 1.
19. Акты, относящиеся к истории войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Лишиным / Ред. А.А. Карасева, Х.И. Попова. Новочеркасск, 1891. Т. 1.
20. *Ходырева Г.В.* Взаимоотношения России и гетманов Украины с Турцией в 1666–1681 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2001.
21. *Селифонтов Н.Н.* Очерк служебной деятельности и домашней жизни стольника и воеводы XVII столетия Василья Александровича Даудова // Летопись занятий Археографической комиссии за четыре года. СПб., 1871. Вып. 5. Отд. 1.
22. *Попов А.Н.* Турецкая война в царствование Феодора Алексеевича // Русский вестник: Журнал литературный и политический, издаваемый М. Катковым. 1857. Т. 8.
23. *Косиненко Н.И.* Первая русско-турецкая семилетняя война: Чигиринские походы 1677–1678 гг. СПб., 1911.
24. *Водарский Я.Е.* Международное положение русского государства и русско-турецкая война 1676–1681 гг. // Очерки истории СССР: Период феодализма: XVII в. М., 1955.
25. *Яфарова М.Р.* Русско-османское противостояние в 1677–1681 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2017.
26. *Мещеряков Г.П.* Русско-турецкие войны 17–19 вв. // Советская историческая энциклопедия: [В 16 т.] М., 1969. Т. 12.
27. *Заруба В.М.* Чигиринські походи: хроніка подій російсько-турецької війни 1676–1681 рр. Дніпропетровськ, 2013.
28. *Богданов А.П.* Неизвестная война царя Федора Алексеевича // Военно-исторический журнал. 1997. № 6.
29. *Богданов А.П.* В тени Петра Великого. М., 1998.
30. Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией / Ред. Н.В. Калачева, А.И. Тимофеева. СПб., 1857. Т. 6.
31. *Ходырева Г.В.* Украинский вопрос во внешней политике России в 1673–1676 гг. // Культура народов Причерноморья. 1999. № 11.
32. *Флоря Б.Н.* Войны Османской империи с государствами Восточной Европы (1672–1681 гг.) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 2001. Ч. 2.
33. *Малов А.В.* Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории: 1656–1671 гг. М., 2006.
34. *Седов П.В.* Закат Московского царства: Царский двор в конце XVII века. [2-е изд., испр.] СПб, 2008.
35. *Кривоченков Р.С.* Развитие русского военного дела в конце 60-х – начале 80-х гг. XVII в. (на примере русско-турецкой войны 1672–1681 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2010.

36. *Лобин А.Н.* Подготовка похода на Азов: малоизвестный эпизод русско-турецкой войны 1672–1681 годов // Война и оружие: Новые исследования и материалы: Материалы международной научно-практической конференции в 2-х ч. СПб., 2010. Ч. 2.
37. *Пронштейн А.П., Мининков Н.А.* Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков и донское казачество. Ростов н/Д., 1983.
38. *Мининков Н.А.* Основы взаимоотношения Русского государства и донского казачество в XVI – начале XVIII вв. // Казачество России: прошлое и настоящее: Сборник научных статей. Ростов н/Д., 2006. Вып. 1.
39. *Алмазов А.С.* Политический портрет украинского гетмана Ивана Самойловича в контексте русско-украинских отношений (1672–1687 гг.). М., 2012.
40. *Чепухин А.Г.* «Пролом» Новооскольского вала в 1673–1677 годы // От Донца до Ворсклы: Сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Белгород, 2016.
41. Российский государственный архив древних актов. Ф. 159 (Приказные дела новой разборки).
42. Частная переписка князя Петра Ивановича Хованского, его семьи и родственников / Публ. Г.Г. Лукьянова // Старина и новизна: Исторический сборник, издаваемый Обществом ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. М., 1905. Кн. 10.
43. Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сборник документов / Сост., предисл. Е.А. Швецовой; ред. А.А. Новосельского, В.И. Лебедева. М., 1962. Т. 3.
44. *Аваков П.А.* Русские государственные укрепления на Нижнем Дону в XVI–XVII вв. (до 1695 г.) // Рубикон: Сборник научных работ молодых ученых. Ростов н/Д., 2001. Вып. 13.
45. *Рогожин А.А.* Думный дворянин генерал-поручик Г.И. Косагов // Вопросы истории. 2011. № 9.
46. *Великанов В.С.* К вопросу о создании Тамбовского разряда в 1680–1681 гг. // Белгородская черта: Сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Белгород, 2018. Вып. 3.
47. Государственный архив Воронежской области. Ф. И-182 (Воронежская приказная изба).
48. Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II-м отделением Собственной Его императорского величества канцелярии. СПб., 1852. Т. 3.
49. Российский государственный архив древних актов. Ф. 210 (Разрядный приказ).
50. Посольские книги по связям России с Калмыцким ханством 1672–1675 гг. / Сост. Н.М. Рогожин, М.М. Батмаев. Элиста, 2003.
51. *Аваков П.А.* «Азовский поход» 1646 г. // Война и воинские традиции в культурах народов Юга России (VI Токаревские чтения): Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 4–5 мая 2017 г.). Ростов н/Д., 2017.
52. *Максимов Н.Н.* Проект русского наступления на Крым в годы польско-турецкой войны (1672–1676) // Славянский сборник. Саратов, 1993. Вып. 5.
53. *Флоря Б.Н.* Россия, Речь Посполитая и Правобережная Украина в последние годы гетманства П. Дорошенко (1673–1677 гг.) // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2016. № 3.
54. *Новосельский А.А.* Исследования по истории эпохи феодализма: Научное наследие. М., 1994.
55. *Торопицын И.В.* Участие астраханских юртовских татар в походе в Крым в 1675 г. под началом князя К.М. Черкасского // Современные тенденции развития науки и технологий: Периодический научный сборник по материалам XIX Международной научно-практической конференции (г. Белгород, 31 октября 2016 г.). 2016. № 10. Ч. 4.
56. *Корсакова В.Д.* Хитрово, Яков Тимофеевич // Русский биографический словарь. СПб., 1901. Т. Фабер – Цявловский.
57. *Корсакова В.Д.* Шереметев, Василий Борисович // Русский биографический словарь. СПб., 1911. Т. Шебанов – Щютц.
58. *Барсуков А.П.* Род Шереметевых. СПб., 1904. Кн. 8.
59. *Ригельман А.И.* Ростов на Дону 150 лет назад. Ростов н/Д., 1918.
60. *[Байер Г.З.]* Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова от создания сего города до возвращения онаго под Российскую державу / Пер. И.К. Тауберта. 3-е изд. СПб., 1782.
61. Российский государственный архив древних актов. Ф. 89 (Сношения России с Турцией).
62. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб., 1830. Т. 2.
63. *Кочегаров К.А.* Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах: Заключение договора о Вечном мире. М., 2008.
64. *Аваков П.А.* Зачем Петр I предпринял поход на Азов? // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М., 2019. Вып. 6 (Труды исторического факультета МГУ. Вып. 163. Сер. 2: Исторические исследования: [№] 102).

ПЕРЕСКАЗ КАК ИСКУССТВО ИСТОРИКА: К ВОПРОСУ О РУКОПИСНОЙ ТРАНСМИССИИ ИСТОРИОПИСАНИЯ В ДРЕВНЕЙ РУСИ И ДРЕВНЕЙ СКАНДИНАВИИ

© 2020 г. Д. Глебова

Аспирантка Института славяноведения РАН

darsgleb@gmail.com

До 1016 г. версии «Повести временных лет» (ПВЛ) по ее основным киевским спискам и по Новгородской первой летописи младшего извода (Н1Лмл.) обычно соотносятся либо как близкие копии, либо как расширенная/сжатая редакции одного текста. Это правило нарушается лишь в рассказе о конфликте Ярослава и новгородцев под 1015–1016 гг. Здесь ПВЛ и Н1Лмл. соотносятся скорее как пересказы одного источника: анализ соотношения версий показывает, что между ними сохраняется каркас из идентичного текста, а содержательные изменения вносятся в рамках лексико-грамматического или же риторического параллелизма. Подобное соотношение встречается в других, современных летописи, историографических традициях на родном языке – например, таким образом выглядит рассказ о смерти Хакона ярла в древнеисландском своде королевских саг «Круг Земной» (*Heimskringla*, ca.1220–1230) при сравнении с «Обзором саг о норвежских конунгах» (*Ágrip af Nóregskonungasögum*, *ca*.1190). В статье предлагается рассматривать подобные случаи пересказа текста предшественника как характерную для средневекового историописания форму проявления «авторства», для которой мастерством является умение внести в текст изменения, не нарушая его общей конструкции. Кроме того, сравнение с «Кругом Земным» показывает, что средневековые историки могли переключаться между различными способами (модусами) воспроизведения текста, в числе которых был пересказ, что позволяет предположить то же самое в случае составителей «Повести временных лет» на одном из этапов ее сложения.

The two versions of the *Tale of Bygone Years*, manifested in its Kievan copies and the *Novgorod First Chronicle*, correspond usually either as two close copies or as a longer and an abridged redactions of the same text. This trend changes only in the episode of the conflict between Jaroslav Vladimirovich and Novgorodians (1015–1016) where the versions relate rather as two retellings; the analysis shows that the versions share the same structure based on the identical text and variation in the form of lexico-grammatical or rhetorical parallelism. Paraphrasis of this kind can be found in the contemporary historiographical vernacular tradition – for example, such is the relationship between the versions of the Hakon Jarl's death story in *Heimskringla* (ca. 1220–1230) and in *Ágrip af Nóregskonungasögum* (*ca*.1190). It is argued that the mode of retelling found in the Old Russian chronicle and in the *konungasögur* traditions can bee seen as a manifestation of medieval "authorship", characteristic for the historiographical discourse, where it was

a marker of skill to be able to introduce the change without changing the narrative too much. Moreover, the comparison with *Heimskringla* suggests that the medieval writers could switch between different transmission modes (copying, editing, retelling) and that in the manuscript tradition of the *Tale of Bygone Years* the case could be the same.

Ключевые слова: Повесть временных лет, вариация, пересказ, парафраз, «Круг Земной», трансмиссия средневекового текста, летописи и саги, средневековая история на родном языке.

Keywords: Tale of Bygone Years, retelling, paraphrasis, *Heimskringla*, medieval text transmission, sagas and Old Russian chronicles, medieval vernacular history

DOI: 10.31857/S0869544X0010411-5

Древнерусские летописи принадлежат к группе произведений с «открытой текстологической традицией», т.е. такой, для которой характерна высокая степень свободы обращения с текстом при его копировании – изменения в такой текст могли вноситься не только на уровне языка, но и на уровне содержания [1][1]. Это свойство «открытости» текста для изменений отличает летописи от «закрытых» рукописных традиций, где копирование было призвано лишь сохранить переписываемое (например, при копировании Св. Писания или объемных переводных памятников) [2. С. 217]. В случае с летописями эта функция дополнялась другой – поновление известий при создании нового свода отражало взгляд нового составителя, сформированный прочитанными им текстами, а также современной ему реальностью. Такое восприятие текста предшественника как «остова», который можно дополнять, сокращать, стилистически править, характерно не только для древнерусской историографии, но и для других историографических традиций на родном языке, например, при цитировании Беды Достопочтенного в трудах его последователей [3. P. 80–83] или при копировании «исторических» древнеисландских саг (королевских и родовых) в новый конвой [4–5].

Однако, «открытость» летописной традиции не является безграничной – принципиальная возможность внесения в текст содержательных изменений разными писцами и на разных отрезках одного и того же текста может использоваться в разной степени или же не использоваться вовсе. Отсюда разнообразие типов соотношения, в которых две версии одного и того же текста могут находится между собой: от полной идентичности (за исключением орфографических и мелких языковых разночтений) до тотальной редакторской правки с сильным расширением текста или его сужением, стилистической архаизацией или модернизацией и т.п. Статья посвящена такой форме соотношения версий текста, которая находится на грани копирования и редакторской переработки и скорее напоминает *пересказ-изложение* или парафраз. Примером подобного пересказа может служить рассказ о конфликте Ярослава Владимировича с новгородцами и его разрешении, содержащийся в Повести временных лет (ПВЛ) и Новгородской первой летописи младшего извода под 1015–1016 гг. (Н1Лмл.).

---

[1] Хотелось бы выразить благодарность А.А. Гиппиусу за вдохновение и возможность обсудить различные аспекты данной работы по ходу её сложения, а также участникам круглого стола «Древняя Русь и германский мир в историко-филологической перспективе» (10–11 июля 2020 г.), высказавшим очень ценные замечания во время дискуссии. Все оставшиеся неточности мои.

Фабула рассматриваемого летописного эпизода общеизвестна. В ответ на бесчинства, творившиеся в Новгороде варягами, нанятыми Ярославом для войны с собственным отцом, новгородцы истребили варягов «в Поромоне дворе». Узнав об этом, Ярослав, обманом заманив к себе знатных новгородцев, убил многих из них. Однако, сразу после мести он получил известие о смерти отца и вокняжении в Киеве Святополка. Наутро Ярослав обратился к новгородцам с драматической речью, прося их оказать ему помощь в борьбе с братом. Новгородцы согласились, и Ярослав с войском, состоящим из новгородцев и варягов, выступил в поход. Расхождения между версиями описания этого сюжета в ПВЛ и Н1Лмл. неоднократно рассматривались в контексте общей проблемы соотношения двух летописных сводов, на которую существует, как известно, два противоположных взгляда. Согласно гипотезе А.А. Шахматова, в начальной (по статью 6624 г.) части Н1Лмл. отразился киевский летописный свод 1090-х годов, предшествовавший созданной в 10-е годы XII в. ПВЛ и лежавший в ее основе. Свод этот был назван ученым Начальным сводом. В работах самого Шахматова и его современных последователей текст ПВЛ в указанных пределах рассматривается как результат переработки и дополнения текста Начального свода, сохраненного в Н1Лмл. Предполагается, что эта переработка была особенно значительной в части до 945 г., тогда как на остальном протяжении текста по 1016 г. она ограничивалась вставкой нескольких эпизодов. Противники гипотезы Шахматова, наоборот, рассматривают версию Н1Лмл. как позднейшую переработку ПВЛ, где многое было сокращено (ср. обзор дискуссии в [6]).

Сюжет о конфликте Ярослава с новгородцами обладает в плане сравнения текстов ПВЛ и Н1Лмл. значительной спецификой. Тексты двух версий в нем расходятся значительно больше, чем на основном протяжении летописного рассказа о событиях второй половины X в. В то же время их соотношение не может быть описано в терминах сокращения/распространения. На эту особенность указал К. Цукерман, отметив «изобилие мелких расхождений между текстами», хотя «в тех весьма значительных пассажах, где текст Н1Лмл. и ПВЛ параллелен, он как правило идентичен. При том, что ПВЛ зачастую интерполирует и дополняет текст источника, представленного для нас в Н1Лмл., она почти никогда не **пересказывает его своими словами** (выделено мной. – *ДГ*), как то, казалось бы происходит в статьях за 6523–6524/1015–1016 гг.» [7. С. 243]. Объяснение этого особенного соотношения до сих пор находилось в рамках определения «направления» пересказа. Так, тезис о вторичности Н1Лмл. по отношению к ПВЛ был убедительно опровергнут П.В. Лукиным [8–10]. Первичность же новгородского текста было предложено объяснять иным происхождением фрагмента в Н1Лмл., нежели текста до него, в связи с обрывом протографа Н1Лмл. на 1015–1016 гг.: составитель Н1Лмл. был вынужден обратиться к другому летописному памятнику для восполнения лакуны [11. С. 48]. При этом остается вопрос, каким именно источником мог пользоваться составитель Н1Лмл. Так, развивая наблюдения А.А. Шахматова [12. С.133 (пар. 123)], П.В. Лукин и, вслед за ним, С.М. Михеев пришли к выводу, что ПВЛ и Н1Лмл. на отрезке рассказа о Ярославе и новгородцах являются независимыми версиями одного текста, из которых Н1Лмл. точнее отражает протограф, но не Начальный свод; при этом П.В. Лукин настаивал на новгородском происхождении фрагмента [10. С. 17; 11. С. 30–32]. Старшинство Н1Лмл. в этом месте признал и К. Цукерман, который, однако, пошел дальше в реконструкции и возвел фрагмент 1015–1016 гг. в Н1Лмл. к наиболее древнему уровню начального летописания, «Сказанию

1016/17 гг.», а фрагмент о Ярославе и новгородцах посчитал составленным очевидцем событий [7. С. 243–247, 266, 292]. Таким образом, не смотря на разницу в реконструкции, сейчас текстологи сходятся на том, что ПВЛ и Н1Лмл. на отрезке 1015–1016 гг. являются двумя независимыми версиями одного текста, из которых Н1Лмл. представляется более близкой к протографу, а форма «пересказа» возникает скорее в версии, отраженной в ПВЛ.

В рамках дискусии об определении очередности текстов внимание практически не уделялось самому по себе пересказу, на который указал К. Цукерман. Даже если построения текстологов верны, все равно остается неясным, почему в эпизоде о Ярославе и новгородцах составитель текста, отраженного в ПВЛ, не копирует и не сокращает/расширяет текст протографа, а решает его пересказать[2]. Что становится причиной выбора именно такой стратегии воспроизведения текста? Чтобы подойти к этому вопросу, необходимо разобраться, что именно понимается под понятием «пересказ» в тексте летописи – для этого нужно проанализировать форму разночтений и мотивацию их появления во фрагменте.

Кроме того, особый интерес представляет появление формы пересказа в соотношении версий начальной летописи только на промежутке 1015–1016 гг. Представляется продуктивным провести типологическую параллель такой формы с рукописной традицией, где подобное соотношение встречается намного чаще. В частности, такие примеры известны в традиции древнеисландских родовых и королевских саг, которые также традиционно относятся к историописанию (ср. [14], а также ниже). Не проявляется ли в этом фрагменте такая форма работы с источником, какая была характерна по крайней мере для некоторых составителей и переписчиков саг?

В качестве эксперимента в статье описана форма пересказа в древнерусской начальной летописи и в древнеисландском своде королевских саг первой половины XIII в., известном как «Круг Земной» Снорри Стурлусона. При всех отличиях формы королевской саги от формы летописи, «Круг Земной» составлен всего на век позже «Повести временных лет» и, что более важно, написан на родном языке[3]. Кроме того, сходной представляется основа работы составителя ПВЛ и «Круга Земного»: их авторы использовали как устную традицию, так и уже существующие оригинальные исторические сочинения (саги о норвежских конунгах; летописные своды). Таким образом, на примере «Круга Земного» можно посмотреть, как составитель свода обращался с оригинальными историческими повествовательными сочинениями на родном языке, т.е. с источниками того же типа, что и реконструируемые предшествующие летописные своды в традиции ПВЛ. При анализе работы Снорри возникает вопрос, является ли форма пересказа предпочтением книжника/неотъемлемой частью формы трансмиссии текста или же она «включается» при определенной необходимости, в определенных условиях? Эти наблюдения позволят спроецировать ситуацию «Круга Земного» на ПВЛ и создать модель использования пересказа в средневековой историографии, которую можно было бы проверять и дополнять в последующих исследованиях.

---

[2] По мнению К. Цукермана такая форма возникла из соединения в ПВЛ версии, отраженной в Н1Лмл., и «Паримийных чтений о Борисе и Глебе» [7. С. 254–256]. Ср. альтернативный взгляд в работе А.А. Гиппиуса [13], а также обсуждение ниже.

[3] После многочисленных попыток увидеть в «Круге Земном» и других королевских сагах аналог современным им европейским латинским хроникам, исследователи все чаще приходят к выводу об уникальности саг и необходимости их сравнения не с латинской историографией, а с историописанием на родных языках [15. P. 38].

Специфику соотношения текстов ПВЛ и Н1Лмл. в рассказе о Ярославе и новгородцах можно сопоставить с другими, предшествующими ему фрагментами начального летописания и посмотреть, например, на рассказы о Хазарской дани (Пролог), о походе Игоря на Царьград (941 г.) и о смерти Игоря и первой мести Ольги (945 г.) в киевском и новгородском изводах. Для проведения подобного сравнения необходимо оценить соотношение фрагментов в ПВЛ и Н1Лмл. по характеру вариации и по ее объему. Для такой оценки необходимо определить, что считать идентичным текстом, а что – вариацией, как на уровне языка, так и на уровне текстологии.

С точки зрения языка наиболее репрезентативными будут комплексные лексико-грамматические и синтаксические изменения, при которых перестроенной оказывается вся фраза или ее часть (как в ситуации парафраза или сужения/расширения фрагмента). Такая призма позволяет отличить копирование слово в слово от других типов воспроизведения текста[4]. В свою очередь, учет орфографической вариации, наоборот, может внести в анализ лишний «шум», так как даже при копировании слово в слово писцы могли писать одни и те же слова по-разному в силу диалектологических особенностей, различного исторического состояния языка или разного уровня владения книжным языком в целом. Поэтому здесь в качестве вариации учитываются только изменения на уровне лексики, синтаксиса, а также морфологии под влиянием новой синтаксической конструкции, т.е., например, случаи использования другого падежа из-за появления нового синтаксического оборота или синонимичного глагола; использования другой морфемы из-за смены нарративной стратегии (например, смена формы местоимения из-за появления нескольких героев вместо одного) и т.д. Статистику с учетом единичных морфологических изменений, появляющихся *вне* варьирующей синтаксической конструкции или нарративной стратегии (например, использование членной или полной формы прилагательного), я привожу отдельно, отражая таким образом вариацию с морфологией и без нее. Кроме того, не учитывается инверсия, если только она не является частью смены синтаксического оборота и не совпровождается лексико-грамматической вариацией[5].

С точки зрения текстологии необходимо определить, затрагивает ли вариация отдельные списки или архетипы, к которым они восходят. Так, под обращением к ПВЛ и Н1Лмл. имеется в виду работа с их позднейшими списками: для ПВЛ – это Ипатьевский (И), Лаврентьевский (Л), Радзивиловский (Р), Московско-Академический (А), Хлебниковский (Х); для Н1Лмл. – Комиссионный (К), Толстовский (Т) и Академический (Ак). При всей близости списков каждой группы друг к другу между ними бывают разночтения [ср. подробнее в 17]. Поэтому, чтобы отличить вариацию отдельного списка от вариации между версией ПВЛ и Н1Лмл., необходимо провести текстологический анализ: если из четырех списков три совпадают (B=C=D), а один отличается (A≠BCD) – вероятнее всего, А является индивидуальным вариантом списка,

---

[4] Подобную методику использовал Д. Сёвборг при сравнении типов соотношения версий «Младшей Эдды» Снорри Стурлусона, а также «Саги об Эйрике Рыжем», отмечая: 1) текст, которого нет в одной из версий, 2) фактически разную информацию, 3) текст, который с точки зрения содержания идентичен, но на уровне языка передан иначе (verbally different) [16. P. 248–249].

[5] Инверсия сама по себе может многое сказать о возможностях варьирования порядка слов в древнерусском тексте, однако, как и орфографическая вариация, она часто встречается при копировании слово в слово и не является дифференцирующим признаком типа воспроизведения текста.

а вариант BCD был списан с протографа [18. P. 4–6]. Таким образом, сравнение рассказа о варягах Ярослава в ПВЛ и в Н1Лмл. проходит в два этапа: сначала оценка вариации списков одной из версий, а затем сравнение между версиями. Для оценки вариации в списках ПВЛ я опиралась на И с проверкой по ЛРАХ, а для работы с Н1Лмл.– на К с проверкой по Ак и Т (при отсутствии текста в Ак). Тексты списков использовались по изданиям ПСРЛ [19].

В результате такой работы выявились объемные фрагменты, в которых текст ПВЛ по Ипатьевскому и Лаврентьевскому спискам ≠тексту Н1Лмл. по Комиссионному и Академическому/ Толстовскому. Такие примеры дают прямой материал для анализа вариации, где одна версия начальной летописи противопоставлена другой. В случаях же, когда, например, чтение Ипатьевского списка≠чтению Лаврентьевского, Комиссионного и Толстовского/Академического, текст исправлялся по Лаврентьевской летописи и чтение рассматривалось как идентичное в обеих версиях. Если же все списки противоречат друг другу, в тексте оставался вариант основного списка, при этом в количественном анализе он учитывался как «идентичный текст»; другие варианты фиксировались в критическом аппарате. Такой «подготовленный» текст использовался как техническое подспорье для работы с пространной, лексико-грамматической вариацией между ПВЛ и Н1Лмл.

Анализ вариации

При сравнении фрагментов выделяется три типа соотношения текста между версиями ПВЛ и Н1Лмл.: 1) близкое копирование с минимальным уровнем вариации, 2) полное изменение текста с инкорпорированием объемного фрагмента из другого источника и высоким уровнем вариации и 3) близкое копирование при высоком уровне вариации. Рассмотрим каждый из типов в отдельности ниже.

1. Близкое копирование. Фрагменты 1 и 3: Хазарская дань (Пролог), Смерть Игоря (945).

В двух фрагментах из четырех вариация на лексико-грамматическом уровне практически отстутствует: в рассказе о хазарской дани (1) варьирует примерно 15% (около 21% с морфологией) текста, в рассказе о смерти Игоря и первой мести Ольги (3) – около 10% (около 15% с морфологией). Остальное – это идентичный текст, т.е. одни и те же словоформы, стоящие на одних и тех же местах. По этому идентичному тексту рассеяны редкие варианты, которые могут возникать из-за переписывания небольшими клаузами – такая разреженная вариация часто встречается в древнерусской рукописной традиции[6]. К подобной вариации относятся:

I. Одиночные лексические синонимы (1: обоюду остро (ИЛ) / обоямо остро (КТ); 3: роспасли (ИЛ) / расплодили (КТ)).

II. Короткие синонимичные синтаксические обороты (1: по смерти братия сея быша обидими деревляны (ИЛ)/ братиа сии изгибоша и быша обидими Древьляны (КТ) = когда эти братья умерли + следующее действие), 3: съ маломъ же дружины (ИЛ) / с малою дружиною (КТ) = с небольшим количеством людей).

---

[6] Возможность синонимии отдельных слов, инверсий, вставок малозначительных слов типа союза «и» и подобных явлений в разреженном виде Д.С. Лихачев описал как норму при копировании [20. С. 76–77].

III. Краткие добавления вспомогательных частей речи, например, союзов и предлогов (3: Ольга же бяше в Киевѣ съ сыномъ своимъ (ИЛ)/ А Олга же бяше в Киевѣ съ сыномъ своимъ (КТ)). Часто такие добавления являются тоже частью синтаксической вариации, ср. знаменитое 3: ркоша дружина Игореви (ИЛ) / рекоша дружина ко игореви (КТ), где варьируют предложная и беспредложная конструкции.

При близком копировании, отраженном в фрагментах (1) и (3), возможны фактические разночтения, которые могут повлечь за собой серию точечных изменений. Так, например, в Хазарском эпизоде (1) в ПВЛ хазары говорят с князем и старейшинами, а в Н1Лмл. – только с князем, который затем говорит со старейшинами сам. За переменой нарративной детали следуют изменения в числе говорящих и слушающих, например, 3 мн.ч. рѣша (ИЛ) / 3 ед.ч. рече (КТ). Ср. *табл. 1*, где жирным выделены варианты, а курсивом – добавления. Особое внимание обращает на себя то, как точечно распределяются изменения – они не провоцируют парафраза, синтаксической перестройки текста или инверсии.

Таблица 1.
Вариация из-за добавления детали.

ПВЛ	Н1Лмл.
И несоша козарѣ къ князю своему и *къ* старѣйшинамъ своим и **рѣша** имъ: «Се, налѣзохомъ дань нову». Они же рѣша **имъ**: «Откуду?», **Они же рѣша**[7]: «В лѣсѣ на горах, над рѣкою Днѣпрьскою». Они же рѣша[8]: «Что суть **вдалѣ**?» **Они же показаша** мечь.	И несоша Козаре къ князю своему и старѣишинамъ своимъ. *Князь же созва старѣишины своя* и **рече** имъ: «се налѣзохомъ дань нову». Онѣ же рѣша **ему**: «откуду». **Он же рече**: «в лѣсѣ на горахъ надъ рѣкою Днепрьскою». Они же рѣша: «что суть **далѣ**». **И показа им** мечь

2. Присутствие другого источника и высокий уровень вариации. Фрагмент 2: Поход Игоря на греков (941).

Кроме близкого копирования до 1015 г. текст начального летописания может также соотноситься по принципу сужения/расширения, при котором уровень вариации, наоборот, является очень высоким. Так, в рассказе о походе Игоря на греков 941 г. основную долю разночтений составляют добавления в ПВЛ из хронографических источников и Жития Василия Нового [21. С. 108–113]. В начале рассказа о походе есть идентичный текст с единичными морфологическими вариантами, куда могут включаться одиночные добавления. Далее в ПВЛ следует обширный фрагмент, внутри которого находятся параллельные места с версией Н1Лмл., но нет никаких текстуальных совпадений. В ПВЛ разночтения занимают 84% (87% с морфологией) текста и в Н1Лмл. – 63% (66% с морфологией). Ср. *табл. 2*, где добавления отмечены курсивом, вариация – жирным.

Фабула истории частично сохраняется при соотношении сжатия/расширения: 5) Феофан поджигает войско чередой огненных залпов, 6) русь отступает домой и 7) Игорь собирает новое войско. Интересно, что в двух из трех мотивов параллельно не только содержание, но схожа и структура фразы на лексико-синтаксическом уровне. При этом как минимум одно слово остается неизменным ядром, а другие меняются на лексические или контекстные синонимы. Так, в основе (5) «$_1$*и* $_2$*нача пущати* $_3$*огнь трубами* $_2$*на* $_4$*лодья* $_5$*рускыя*» (ИЛ) / «$_1$*и* $_3$*огненымъ строемъ* $_2$*пожьже* $_4$*корабля* $_5$*рускыя*» (КТ) лежит синонимичная цепочка: $_1$и + $_2$глагол для

[7] И рѣша имъ, испр. по Л.
[8] И ркоша, испр. по Л.

Таблица 2

ПВЛ	Н1Лмл.
... *и* **изъламляху** опакы руци **связавше**, *и* гвозды желѣзны посредѣ головъ **въбивахуть** *има*[9]. **Мьного** *же* и *святыхъ* **церквий** огньневи предаша, 1) *и имѣнье немало обою сторону взяша.*	... **изъломяще** опакы руцѣ *и* **связающе**, гвозды желѣзны посрѣде главъ **вбивающе**; и **многыи церкви** огневи предаша.
2) *Потомъ же пришедшемъ воемъ от въстока, Панфиръ демественикъ съ четырмидесятъ тысящь, Фока же патрикий съ македоны, Феодоръ же стратилатъ съ фракы, и с ними же и сановницы боярьстии, обидоша русь около.*	
3) *И свѣщаша русь, и изидоша противу, въоружившеся на грѣкы, и брани межю има бывши злѣ, одва одолѣша грѣци.*	
4) *Русь же възвратишася къ дружинѣ своей к вечеру и, на ночь влѣзъше въ лодья, отбѣгоша.*	5) *Въ время же то царствующю во градѣ Роману, и абие посла Романъ цесарь патрикыя Феофана съ вои на Русь*, **и огненымъ строемъ пожьже корабля рускыя**.
5) *Феофанъ же усрѣте я въ олядѣхъ съ огнемъ,* **и нача пущати огнь трубами на лодья рускыя.** *И бысть видѣти страшно чюдо.*	
6) **Русь же**, *видяще пламень, вмѣтахуся въ воду морьскую, хотяще убрѣсти, и тако прочии* **възвратишася въсвояси**.	6) **И възратишася Русь въ своя.**
7) *Тѣмьже пришедъшимъ в землю свою, повѣдаху кождо своимъ о бывшемъ и олядьнѣмъ огни: «Якоже молонья, – рече, иже на небесихъ, грѣци имуть в себе, и сию пущающе, жьжаху насъ, и сего ради не одолѣхом имъ».*	
8) **Игорь же, пришедъ, и нача съвокупляти**[10] **вои многы, и посла по варягы за море, вабя и́ на грѣкы, паки хотя поити на ня.**	8) **Том же лѣтѣ препочиша и другое, на третьее идоша.**

действия с огненными залпами «нача пущати на»/ «пожьже» + $_3$словосочетание для серии огненных залпов «огнь трубами»/ «огненымъ строемъ» + $_4$объект: сущ. судно «лодья»/ «корабля» + $_5$определение: рускыя. Ср. также в (6) «$_1$*Русь* $_2$*же* [...] $_3$*възвратишася* $_4$*въ своя си*» (ИЛ) /«$_2$*И* $_3$*възратишася* $_1$*Русь* $_4$*въ своя* (КТ)»: $_1$Русь + $_2$связка «же» / «и» + $_3$возвратишася + $_4$домой «въ своя си»/ «въ своя». Таким образом, здесь при соотношении сжатия/расширения основа сохраняется, но в форме параллельных на лексико-синтаксическом уровне фраз. Идентичного же текста в фрагменте, где появляется дополнительный источник, совсем нет.

3. «Сказать почти то же самое». Фрагмент 4: Ярослав и новгородцы (1015–1016 гг.).

Соотношение версий в рассказе о Ярославе и новгородцах имеет черты как близкого копирования (1, 3), так и стратегии сужения/расширения текста (2). С одной стороны, здесь присутствует основа из идентичного текста. С другой – здесь много примеров лексико-грамматически и синтаксически подобных, параллельных фраз, как в примере о походе Игоря, а также высок процент вариации: 72% в ПВЛ (около 73% с морфологией) и 67% в Н1Лмл. (около 68% с морфологией). Расхождения между версиями с учетом того, в каком контексте появляются изменения и в какой форме, схематично можно сгруппировать сообразно характерным чертам изменений. Для удобства комментария фрагмент разделен на небольшие части внутри *табл. 3*, где курсивом

[9] Л ихъ, РАХ имъ/имь.
[10] И съвокупити, испр. по ЛРАХ.

отмечены добавления в одном из текстов, обычным шрифтом – идентичный текст, жирным – вариация, подчеркиванием – различная информация. Под таблицей приводятся параллельные места рассказа («остов»), где жирным выделяется идентичный текст (без учета инверсии).

Таблица 3

№	ПВЛ	Н1Лмл.
1	*Ярославу же не вѣдущю отни смерти,* **варязи бяху мнози у Ярослава и насилье твореху новгородьцемь. И, вставше**[11] **новгородьци**[12] **избиша варягы** вь дворѣ Поромони[13].	*Бысть сѣца у Любца, и одолѣ Ярославъ; а Святополкъ бѣжа в Ляхы. В Новѣгородѣ же тогда* **Ярославъ кормяше Варягъ много,** *бояся рати*; **и начаша Варязи насилие дѣяти на мужатых женахъ.** *Ркоша* **новгородци:** *«сего мы насилья не можемъ смотрити»;* **и собрашася в нощь, исѣкоша Варягы** в Поромонѣ дворѣ;
2	И разгнѣвася Ярославъ и, шедъ на рокъмъ, и сѣде вь дворѣ. *И послав к новьгородьцемь рече*[14]*: «Уже мнѣ сихъ не крѣсити».* **И позва к собѣ нарочитая мужа,** иже бяху исьсѣкли варягы[15], и обльстивъ[16] я исѣче [17].	Ярославъ же в ту нощь на Ракомѣ бяше[18]. И *се слышавъ*, Ярославъ[19] разгнѣвася *на гражаны,* **и собра вои славны** *тысящу*, и, обольстивъ я[20], исѣче, иже бяху Варягы *ти* исѣклѣ*; а друзии бѣжаша изъ града*.
3	В ту же нощь **приде ему вѣсть ис Кыева от сестры его Передьславы**: «Отець ти умерлъ, а *Святополкъ сѣдить в Киевѣ,* убивъ[21] Бориса, а на[22] Глѣба посла[23]**,** *а ты блюдися сего повелику*».	*И* в ту же нощь **ис Кыева сестра Ярославля Передслава присла к нему вѣсть**, *рекши*: «отець ти умерлъ, а братья ти избиена».
4	И се слышавъ, Ярославъ *печаленъ бысть по отци, и по брату, и о дружинѣ.* Заутра *же* **собравъ** избытокъ новгородцевь, и рече *Ярославъ:* «*О,* люба моя дружина[24], юже **избихъ** вчера**, а нынѣ быша надобѣ**». *И утре слезъ* и рече имъ *на вѣчи*: «Отець мой умерлъ[25], а Святополкъ **сѣдить** в Кыевѣ, *избивая братью свою*». И рѣша новгородьцѣ: «*Аще*, княже, *братья наша исѣчена*[26] *суть*, **можемь по тобѣ бор**оти».	И се слышавъ, Ярославъ заутра **собра** новгородцовъ избытокъ, *и сътвори вѣче на полѣ,* и рече *к ним*: «люба[27] моя[28] дружина, юже[29] **исѣкохъ** вчера *въ безумии моемъ*, **не топѣрво ми ихъ златомъ окупитѣ**». И рече имъ[30]: «*братье,* отець мои *Володимиръ* умерлъ есть, а Святополкъ **княжить** в Киевѣ; *хощю на него поити; потягнете по мнѣ*». И рѣша *ему* новгородци: «**а мы**, княже, **по тобѣ идемъ**».
5	И собра *Ярославъ* варягъ тысящю, а прочихъ вой 40 тысящь и поиде на **Святополка**, *нарекъ Бога, рекъ: «Не азъ почахъ избивати*[31]	И собра вои 4000: Варягъ бяшеть тысяща, а новгородцовъ 3000; и поиде на **нь**.

[11] Л и женамъ ихъ, вставше.
[12] И въставше на нь новгородьци, испр. по ЛРАХ.
[13] И пних, испр. по ЛРАХ.
[14] И и рече, испр. по ЛРАХ.
[15] И варяги, испр. по ЛРАКАкТ.
[16] И облѣсти, испр. по ЛРАКАкТ.
[17] И я сице исѣче их 1000, испр. по ЛРАХКАкТ.
[18] К а князю Ярославу тогда в ту нощь сущу на Ракомѣ. Испр. по АкТ.
[19] К князь Ярославъ, испр. по ИЛАкТ
[20] К ихъ, испр. по ИЛАкТ.
[21] И пославъ уби, испр. по ЛРАХ.
[22] Х и по, испр. по ЛА.
[23] ИР и Глеба, испр. по ЛАХ.
[24] И любимая дружино, испр. по ЛХКАкТ.
[25] [О, люба моя дружина - на вѣчѣ] о люба моя дружина юже вчера избихъ. на вѣчи. оц҃ь мои оумерлъ. Л
[26] И исѣченѣ, испр. по ЛРАХ.
[27] К любимая, испр. по АкТ.
[28] К и честная, испр. по АкТ.
[29] К юже вы, испр. по АкТ.
[30] К и рече, испр. по АкТ.
[31] И избивать, испр. по ЛРАХ.

	братью, но онъ; да будеть Богъ отместьникъ крови брату моея, зане без вины пролья кровь Борисову и Гльбову праведною. Еда и мнѣ си же створить? Но суди ми, Господи, по правдѣ, да скончается злоба грѣшнаго». И поиде на Святополка.	
	Слышавъ же **се** Святополкъ *идуща Ярослава* и **пристрои** бе-щисла вой – *руси и печенѣгъ* – *и* изииде противу Любчю об онъ полъ Днѣпра, а Ярославъ обь сю[32].	Святополкъ же **то** слышавъ, и **собра** бещисла *множество* вои, изиде противу *его къ* Любцю, и сѣде ту на полѣ со множествомъ вои.

Остов:

Ярослав имел варягов в большом числе (*варязи бяху мнози у Ярослава / Ярослав кормяше варягъ много*). Варяги совершали насилие (*насилье творяху / начаша насилие дѣяти*) над новгородцами (*новгородьцемь И*; *новгородьцемь и женамь ихъ Л / в Новѣгородѣ* [...[*на мужатых женахъ)*. Новгородцы собрались (*въставша на нь/ собрашася в нощь*), убили варягов (*избиша варягы / исѣкоша варягы*) **во дворе Поромони. И Ярослав разгневался** и собрал (*позва к собѣ / собра*) важных людей (*нарочитая мужа... / вои славны*), **которые убили варягов, и убил их, обольстив.**

Той же ночью Ярослав получил весть от сестры Предславы из Киева (*приде ему вѣсть ис Кыева от сестры его Передьславы / ис Кыева сестра Ярославля Предслава присла к нему вѣсть*): «**Отец твой умер, а...** (кто-то из братьев убит) («*убивъ Бориса, а на Гльба посла / братья ти избиена*»). **И, услышав об этом, Ярослав утром** собрал (*собравъ/собрал*) **оставшихся новгородцев, и сказал**: «**Любимая дружина, которую вчера** убил (*избихъ / исѣкохъ*) – не вернуть уже (*а нынѣ быша надобѣ / не топѣрво ми ихъ златомъ окупитѣ)»*. **И сказал им: «Мой отец умер, а Святополк** занял престол (*сѣдить / княжить*) **в Киеве**». **И новгородцы сказали**: «[...] княже [...] (соглашаются пойти) (*можемь по тобѣ бороти / а мы... по тобѣ идемъ*)». **И собрал** войско, **и пошел на** Святополка (*Святополка / нь*). **Услышав о** том (*се/то*), **Святополк** стянул (*пристрои / собра)* большое войско, **пошел к Любечу**.

Изменения:

1) *Сложный vs простой синтаксис*. В основе вариации в открывающем фрагменте (*табл. 3*, № 1) лежит выбор различных синтаксических конструкций, при чем в ПВЛ отдается предпочтение более сложным, книжным оборотам. Рассказ о конфликте Ярослава и новгородцев в обеих версиях начинается с объяснения, почему в Новгороде было много варягов: в Н1Лмл. отмечается, что Ярослав боялся битвы (*Ярославъ кормяше Варягъ много, бояся рати*), а в ПВЛ – что Ярослав не знал о смерти отца (*Ярославу же не вѣдущю отни смерти*). Выбор дательного самостоятельного оборота в варианте ПВЛ, вероятно, провоцирует и выбор синтаксиса в главном предложении – в «канонических» случаях употребления дательного самостоятельного субъект оборота обычно не совпадает в субъектом основной предикации [2. С. 337]; именно это правило соблюдается в ПВЛ, где субъектом оборота становится Ярослав, а на роль субъекта в основном предложении выбираются варяги (Ярославу же не вѣдущю отни смерти, варязи бяху мнози у Ярослава и насилье творяху новгородьцемь). В Н1Лмл. этой книжной конструкции соответствует два простых предложения, где позицию субъекта поочередно занимают сначала Ярослав, затем варяги (Ярославъ кормяше Варягъ много, бояся рати, и начаша Варязи

[32] И обсюду, испр. по ЛРАХ.

насилие дѣяти на мужатых женахъ). При этом, выбор другой синтаксической стратегии сопровождается лексико-синтаксическим параллелизмом, где часть слов остается неизменной, а часть заменяется на синонимичные эквиваленты. Ср. «$_1$*и* $_2$*насилье* $_3$*творяху* $_4$*новгородьцемь*» (И) («$_4$*новгородьцемь и женамь ихъ*» (Л)) /«$_1$*и* $_3$*начаша Варязи* $_2$*насилие* $_3$*дѣяти* $_4$*на мужатых женахъ*» (Н1Лмл.), где сохраняется конструкция: $_1$и + $_2$насилие + $_3$глагол в значении «делать» («творити» / «начаша дѣяти») + $_4$дополнение-объект насилия.

Похожее предпочтение книжного причастного синтаксиса в ПВЛ встречается в следующей фразе об убийстве варягов – последовательности из двух аористов («*и собрашася в нощь, исѣкоша Варягы*» (Н1Лмл.)) в ПВЛ соответствует конструкция с причастным оборотом («*вставше новгородьци избиша варягы*»). Снова смену синтаксиса сопровождает лексико-синтаксический параллелизм, ср. «$_1$*И* $_2$*вставша* $_3$*новгородьци* $_4$*избиша* $_5$*варягы*» /«$_3$*новгородцы* [...] $_1$*и* $_2$*собрашася в нощь,* $_4$*исѣкоша* $_5$*Варягы*»: $_1$и + $_2$глагол/деепричастие со значением общего движения + $_3$новгородцы+ $_4$глагол со значением «убивать» с приставкой «ис(з)-» + $_5$варяги. Составитель ПВЛ остается верен конструкциям с причастным оборотом и дальше, ср. фрагмент *табл. 3*, № 4, где двум конструкциям «причастие +аорист» в ПВЛ (се слышавъ... печаленъ бысть... собравъ избытокъ новгородцевь... рече) соответствует одно причастие и цепочка из аористов в Н1Лмл. (се слышавъ... собра... и сътвори... и рече). В целом, возникает впечатление бóльшей синтаксической простоты в Н1Лмл[33].

2) *Установка на прояснение и связность vs её отсутствие.* Примечательно также само объяснение появления варягов в Новгороде, так как оно дает увидеть разные нарративные установки рассказчиков ПВЛ и Н1Лмл. при сообщении очень похожей информации. В ПВЛ сделана попытка сделать хронологию происходящего как можно более ясной. Указание на незнание о смерти Владимира возвращает читателя/слушателя к более раннему эпизоду, когда Владимир собирался идти на Ярослава, т.е. к моменту конфликта между варягами и новгородцами Ярослав еще не знал о зловещей роли Святополка и боялся только отца. В Н1Лмл. же деталь «бояся рати» прямо не мотивируется, что создает возможность для иной трактовки: уже говорилось о смерти Владимира, убийстве Бориса и Глеба, а также о занятии Киева Святополком, поэтому из логики повествования скорее следует, что Ярослав боялся столкновения со Святополком, а не с Владимиром. Однако, позже становится ясно, что Ярослав узнал о смерти отца и всех остальных переменах, только перебив дружину. Значит, варианты Н1Лмл. и ПВЛ равнозначны (имеется в виду Владимир) – однако, в Н1Лмл. сказано об этом с намного меньшей «заботой» со стороны повествователя. Схожая черта обоих рассказчиков проявляется и дальше (*табл. 3*, № 3). Так, составитель ПВЛ попытался сопоставить новое сообщение Предславы с уже известным ему сообщением Предславы, благодаря которому Ярослав предупредил Глеба об опасности. Тем самым снова заметна попытка наладить связность – указать, что действие происходит параллельно с убийством Глеба («*убивъ Бориса, а на Гльба посла*»). Составитель же Н1Лмл. ничего подобного не сделал, лишь отметил, что два брата убиты («а братья ти избиена»). Если имеются в виду Борис и Глеб, то это не сочетается с упомянутым эпизодом о предупреждении Глеба. Даже если,

[33] Схожим примером, возможно, является также разночтение в табл. 5, № 3, где по-разному вводится сообщение от Предславы: в Н1Лмл. субъектом фразы является Предслава («сестра Ярославля Передслава присла к нему вѣсть»), а в ПВЛ – весть («приде ему вѣсть ис Кыева от сестры его Передьславы»). Однако столь четкого регистрового контраста, какой вносят употребления причастных оборотов, у этих разночтений нет.

как предположил П.В. Лукин, имеются в виду Борис и Святослав [10. С. 10], то все равно рассказчик Н1Лмл. не сделал ничего для того, чтобы это стало ясно – в отличие от составителя ПВЛ.

3) *Фактические изменения и текст вокруг них.* Кроме синтаксических и нарративных изменений в версиях присутствуют также фактические разночтения, на которые не раз уже обращали внимания. Следует, однако, взглянуть также на то, какими изменениями в окружающем тексте эти разночтения сопровождаются. С одной стороны, их может почти не быть, ср. разное количество воинов в войске Ярослава в *табл. 3*, № 5, которое происходит внутри «остова» из идентичного текста («**И собра** *Ярославъ* варягъ тысящю, а прочихъ вой 40 тысящь **и поиде на** Святополка» / «**И собра** вои 4000: Варягъ бяшеть тысяща, а новгородцовъ 3000; **и поиде на** нь»).

С другой стороны, фактическое изменение могло инициировать новую интерпретацию повествования, способную привести к включению в рассказ дополнительных деталей без нарушения «остова» текста. Ср. известное расхождение «Ракомо / на рокомъ» в *табл. 3*, № 2: в Н1Лмл. Ярослав находился в селе Ракомо, под Новгородом, там узнал о столкновении между варягами и новгородцами, в гневе собрал часть новгородцев и убил их; в то же время в ПВЛ Ярослав сначала разгневался, уехал в некий Раком и там убил новгородцев. Представляется справедливым предположение А.А. Шахматова, что имеется в виду не Раком, а «нарокомъ», т.е. Ярослав едет куда-то «с умыслом» [12. С. 133 (пар. 123)]. Это изменение обычно трактуется как свидетельство вторичности ПВЛ, составитель которой, скорее всего, не знал новгородского топонима «Ракомо». Однако, вслед за деталью об «умысле» Ярослава появляется микро-сюжет о призыве новгородцев фразой «Уже мне сих не кресити». Это речение встречалось в начальной летописи в контексте хитрости княгини Ольги, которая таким образом обратилась к послам древлянского князя Мала, лишь делая вид, что принимает предложение выйти за него замуж [10. С. 9]. Возможно, появившаяся ассоциативно, эта деталь с одной стороны объясняла, почему новгородцы приходят к Ярославу, а с другой – связывала ситуацию с уже имевшей место ранее, тем самым предупреждая читателя/слушателя о хитрости, обмане Ярослава. Здесь снова проявилось желание рассказчика в ПВЛ сделать повествование более связным и понятным, включить его в контекст того, о чем в летописи уже говорилось ранее.

3.1) *Фактические изменения при соблюдении параллелизма формулировок.* Кроме того, фактические или содержательные изменения может сопровождать лексико-грамматический, синтаксический или же риторический параллелизм. Например, исследователями было отмечено, что в рассказе ПВЛ не встречаются не только новгородские топонимы, но и новгородские термины. Так, «нарочитые мужи» в ПВЛ являются более общим названием, чем «вои славны» в Н1Лмл., что, как предположил П.В. Лукин, может быть названием конкретной части дружины [10. С. 15; ср. также 7. С. 246]. Однако, даже расходясь в терминологии, версии сохраняют лексико-синтаксический параллелизм. Так, в основе фрагмента «$_1$*И* $_2$*позва к собѣ* $_3$*нарочитая мужа*» / «$_1$*и* $_2$*собра* $_3$*вои славны*» (*таб. 3*, № 2) лежит конструкция: $_1$и + $_2$глагол со значением «призывать» + $_3$дополнение-объект (сущ. «мужчина» + прил. «знаменитый»).

Параллелизм соблюдается также при содержательных изменениях в обращении Ярослава к новгородцам. В обеих версиях его прямая речь имеет идентичный каркас, в котором, однако, меняется конечный элемент (*табл. 3*, № 4): люба моя дружина, юже избихъ/исѣкохъ вчера + **а нынѣ быша надобѣ** (ПВЛ)/

не топѣрво ми ихъ златомъ окупити (Н1Лмл.). Финал высказывания Ярослава заметно отличается, здесь нет ни одного лексического соответствия, ни дословного, ни синонимического. Однако, с риторической точки зрения финалы очень близки: риторическому восклицанию в ПВЛ, где Ярослав сокрушается о своей неудаче («убил дружину, а она понадобилась!»), в Н1Лмл. соответствует вариант формульного речения («убил дружину, золотом мне ее сейчас не возместить»), которое, как показали А.Ф. Литвина и Ф.Б. Успенский, в древнерусских повествовательных текстах являлось практически пословичным, ср. реконструкцию исследователей: «дружина добудет князю золото, а золотом не добыть дружины» [22. С. 49–50]. Таким образом, в обоих случаях Ярослав начал обращение к новгородцам с построения, не требующего от адресатов прямого ответа – с восклицания или с пословицы. Любопытно также наблюдение исследователей, что речение в версии Н1Лмл. близко древнескандинавской формуле отплаты правителю за щедрость, где также присутствует глагол с семантикой возмещения (др.-исл. *launa*, ср. «окупити»). В таком случае в Н1Лмл. может отражаться «более ранний этап русско-варяжского языкового взаимодействия, когда для перевода скандинавской по происхождению формулы еще не было выработано устоявшегося, регулярно используемого аналога» [22. С. 50]. Эту деталь языкового облика рассказчика в Н1Лмл. следует дополнить наблюдением П.В. Лукина о том, что при передаче названия места, где жили варяги (на «дворѣ Поромони/ Поромонѣ дворѣ»), в Н1Лмл. сохраняется более близкий к древнесеверному оригиналу порядок слов, ср. др.-исл. *farmanna gardr*/ на Поромонѣ дворѣ (*табл. 3*, № 1) [10. С. 13]. В таком случае русско-варяжские и новгородские языковые реалии в ПВЛ не считываются и заменяются на более ясные составителю формулировки, однако, важно, что при этом сохраняется их окружение: риторическая структура речи или лексико-синтаксическая форма фразы.

Продолжение обращения Ярослава и ответ новгородцев в соотношении версий ПВЛ и Н1Лмл. также являются риторически параллельными (*табл. 3*, № 4): версии объединяет общий «остов» не только из идентичного текста, но и из диалогической структуры, где в ответе повторяется часть реплики Ярослава. Так, в ПВЛ Ярослав рассказал о своих убитых братьях, на что новгородцы напоминают ему об убитых братьях в их рядах: «*Святополкъ сѣдить в Кыевѣ избивая братью свою* [...] – *Аще, княже, братья наша исѣченѣ суть*». В свою очередь, в Н1Лмл. Ярослав предложил новгородцам идти с ним на Святополка и они согласились *идти*: «*Святополкъ княжить в Киевѣ; хощю на него поити* [...] – *А мы, княже, по тобѣ идемъ*».

4) *Распространение текста.* Наконец, в окончании эпизода в ПВЛ появляется большой фрагмент, близкий к «Паремийным чтениям о Борисе и Глебе». По мнению К. Цукермана, это вставка из «Паремийных чтений», появившаяся в ПВЛ и повлекшая за собой большинство изменений, которые в интерпретации ученого вышли довольно механическими [7. С. 243–245, 254–256]. Такая трактовка представляется спорной, ср. убедительный разбор А.А. Гиппиуса, по мнению которого, наоборот, текст, отраженный в ПВЛ, является первичным по отношению к «Паремийным чтениям», т.е. молитва Ярослава попала из ПВЛ в перемию, а не наоборот [13. С. 48–49, 60] (ср. также анализ последующих параллелей между паремией и летописью). Однако, в таком случае причиной появления формы пересказа в ПВЛ должно быть что-то другое. Мое предположение см. ниже.

Подведем промежуточные выводы. Очевидно, что рассказ о Ярославе, варягах и новгородцах отличается по форме соотношения между ПВЛ и Н1Лмл. от других фрагментов начальной летописи, рассмотренных выше. Здесь речь

идет не о близком копировании с абсолютным превалированием идентичного текста и не о соотношении сжатия/расширения, при котором идентичный текст может вообще исчезнуть, а о третьем варианте, когда идентичный текст формирует «остов», внутри которого происходят изменения. В анализируемом эпизоде такой «остов» особенно четко проявляется в фрагментах *табл. 3*, 4–5 (ср. также выкладку «Остов» после таблицы): здесь идентичный текст работает как каркас, а нарративные изменения вносятся за счет дополнений или лексико-синтаксических/риторических эквивалентов. «Остов» из идентичного текста может быть подвержен синтаксической перестройке – в таком случае версии остова соотносятся по принципу лексико-синтаксического парралелизма, ср. фрагменты в *табл. 3*, 1–3, где наполнение фразы остается тем же, однако выбор другой синтаксической конструкции требует перестройки ее части. В целом, при всех различиях предпочтений рассказчиков ПВЛ и Н1Лмл., которые были показаны выше, видно, что между их версиями сохраняется очень четкая общая структура, состоящая из каркаса идентичного текста, параллельных фраз, а также эквивалентных формулировок. Создается впечатление, что эта общая основа обладает особенной ценностью для составителя летописного текста – даже меняя что-то, ее нужно было постараться сохранить.

Параллелизм при трансмиссии других историографических текстов: «Круг Земной»

Схожее отношение к тексту предшественника прослеживается в другой средневековой историографической традиции на родном языке – в соотношении древнеисландского свода королевских саг «Круг Земной» Снорри Стурлусона и его источников. Хотя по многим параметрам ПВЛ и «Круг земной» являются текстами очень разного порядка (хотя бы потому, что последний обладает бóльшей законченностью, чем летопись, которая могла продолжаться), стоит учесть, что это повествовательная историография одного периода (XI–XIII вв.) на родном языке, что противопоставляет ПВЛ и «Круг Земной» латинскому историописанию Европы того же времени и роднит разве что с английской историографией[34]. В целом, точек схождения, по которым «Круг Земной» и ПВЛ можно было бы сравнивать как памятники средневековой письменности сами по себе, не так уж много. Представляется, что работа с письменными оригинальными источниками предшественников может быть одной из таких точек.

«Круг Земной», свод саг о норвежских конунгах (*Heimskringla*, *ca.*1220–1230, в сокращениях Hkr.), опирается на предшествующую письменную традицию королевских саг, ярко расцветшую в конце XII – начале XIII в. [25. P. 221]. Компендиум Снорри может служить удобным фоном для ПВЛ, так как происхождение многих его фрагментов исследователям известно – в отличие от ситуации с ПВЛ, предшествующие своды которой мы можем только реконструировать, многие источники Снорри до нас дошли[35]. В целях сравнительного анализа с ПВЛ обратимся только к паре эпизодов, которые целиком или частично основываются на одном из первых сочинений древнескандинавской историографии,

---

[34] Подобные опыты сравнения уже предпринимались, ср. анализ Е.А. Мельниковой, которая заметила сходство в композиции, нарративе и фигуре составителя в ранней части ПВЛ и в «Саге об Инглингах», открывающей «Круг Земной» [23]. Сравнению английского историописания и древнерусского летописания посвящена монография Т.В. Гимона [24].

[35] Наиболее подробными исследованиями источников «Круга Земного» являются работа Густава Сторма и введение и комментарий Бьярни Адальбьярнарсона к изданию Íslenzk Fornrit [26–27]. В поиске источников «Круга Земного» мы опираемся на их выводы.

принадлежащему к категории так называемых «норвежских синопсисов» – «Обзору саг о норвежских конунгах» (*Ágrip af nóregskonungasögum, ca.* 1190).

При трансмиссии в «Круг Земной» «Обзор» может как копироваться точь-в-точь, так и пересказываться. Примером первого типа воспроизведения текста будет рассказ о Харальде Прекрасноволосом и лапландской принцессе Снъофрид, который Снорри копирует из «Обзора» с минимальными изменениями [27. Bls. lix]. Ср. фрагмент этой истории в *табл. 4*, где вариация отмечена жирным шрифтом, добавления – курсивом, инверсия – пунктиром. Здесь в идентичный текст могут вставляться отдельные слова (особенно союзы) или небольшие синтагмы, которые не меняют структуры фразы; иногда появляется инверсия, а также отдельные лексемы могут заменяться на синонимичные. Этот тип копирования очень схож с близким копированием, которое обнаруживается при сравнении большинства фрагментов в ПВЛ и Н1Лмл.. Количественный уровень вариации здесь также низкий: 26% в «Обзоре» и около 30% в «Круге Земном» (в цифрах здесь и далее указываем результаты анализа всего фрагмента и сразу с учетом единичных морфологических изменений)[36].

Таблица 4.

Снорри Стурлусон и близкое копирование

Ágrip[37], Ch. 4–5, P. 6	Hkr.[38], Kap. 24, S.134
Syrgði hann hana dauða, en landslýðr allr syrgði hann villtan. En þessa villu at lægja kom til **læknanar** Þorleif<r> spaki, er með viti lægði þá villu *ok* með eftirmæli með þessum hætti: ‘Eigi er, konungr, kynligt, attu munir svá fríða konu ok kynstóra, ok tígnir hana á dúni ok á guðvefi sem hón bað þik. En tígn þín er þó minni en hœfir – ok hennar – í því at hón liggr of lengi í sama fatnaði. Er myklu **sannligra** at hón sé hrœrð. Горевал он о ее смерти, а люди в стране горевали о том, что он помешался. От этого помешательства излечить [конунга] пришел Торлейв Умный, который с мудростью уврачевал это помешательство *и* с уговорами следующим образом: — Не удивительно, конунг, что ты любишь такую красивую и благородную жену и чтишь ее тем, что она лежит на пуху и драгоценных тканях, как она тебя просила, но твоя честь – а также и ее – терпят урон от того, что она лежит слишком долго в том же самом одеянии. Не **благоразумнее** ли было бы ее приподнять?	*Fór svá fram iii. vetr, at* hann syrgði hana dauða, en allr landzlýðr syrgði hann viltan; en þessa villu at lægja kom til **læknar**[39] Þorleifr spaki, er með viti lægði þá villu *fyrst* með eptirmæli með þessum hætti: eigi er, konungr, kynligt, at þú munir svá friða konu ok kynstóra ok tígnir hana á dúni ok á guðvefi, sem hon bað þik, en tígn þín er þó minni, en hœfir, ok hennar í þvi, at hon liggr ofrlengi í sama fatnaði, *ok* er miklu **sannara**[40], at hon sé hrœrð, *ok sé skipt undir henni klæðum*. *Так прошло три зимы, что* он горевал о ее смерти, а люди в стране горевали о том, что он помешался. От этого помешательства излечить [конунга] пришел Торлейв Умный, который с мудростью уврачевал это помешательство *сразу* с уговорами следующим образом: — Не удивительно, конунг, что ты любишь такую красивую и благородную жену и чтишь ее тем, что она лежит на пуху и драгоценных тканях, как она тебя просила, но твоя честь – а также и ее – терпят урон от того, что она лежит слишком долго в том же самом одеянии, *а* не **лучше** ли было бы ее приподнять *и переменить под ней одеяния*?

Однако, в других фрагментах «Обзор» копируется иначе, по принципу, близкому к соотношению ПВЛ и Н1Лмл. в рассказе о Ярославе и новгородцах, когда есть «остов» из идентичного текста и включенная в него лексико-синтаксическая, часто параллельная вариация. Таким является, например, рассказ о смерти ярла Хакона Сигурдссона в «Саге об Олаве Трюггвасоне». Согласно

[36] Перевод здесь и далее дается на основе существующих переводов выбранных фрагментов «Круга Земного» (М.И. Стеблин-Каменский) и «Обзора» (С.Ю. Агишев), с моей правкой в сторону буквального соответствия оригиналу для удобства слежения за вариацией.

[37] Здесь и далее «Обзор» цит. по [28].

[38] Здесь и далее «Круг Земной» цит. по [29].

[39] K. В другом списке чтение, однако, совпадает: J1 læknanar (Hkr., S.134).

[40] K. Чтение в других списках совпадает: F, J1 sannligra (Hkr., S. 134).

изложению Снорри, Ярл Хакон прибыл в Гаулардаль и послал рабов привести ему жену Орма Люргьи, Гудрун Солнце Лундара. Орм воспротивился и разослал ратную стрелу по долине, которая уже и так была недовольна ярлом из-за схожего эпизода с женой некоего Брюньольва. Ярл узнал о восстании, попытался бежать со всем войском, но затем отделился от него, мотивируя это желанием защитить своих людей: «Никто на вас не нападет, если меня не будет поблизости»[41]. Хакон остался со своим рабом Карком, утопил в реке Гауль коня, оставил плащ и затем они вдвоем спрятались в пещере. Там Карку приснились два сна, которые ярл воспринял как знак о смерти его сына и о будущей смерти его самого. После этого Хакон ярл и Карк спрятались в яме в свинарнике у любовницы Хакона, Торы из Римуля. Вскоре туда прибыл Олав Трюггвасон и пообещал награду убийце ярла Хакона, после чего Карк увидел сон о награде от Олава (гривна) и в одну из ночей заколол Хакона, испугавшись его неспокойного сна. После этого он принес голову Хакона Олаву, а тот распорядился отрубить голову Карку.

Этот рассказ встречается во всех трех известных исследователям «норвежских синопсисах» – «*Historia de antiquitate regum Norwagiensium*» Теодорика Монаха, «*Historia Norwegiae*» и «Обзоре» –, а также в версиях «Саги об Олаве Трюггвасоне» монаха Одда (*ÓTOdds*). По текстуальным пересечениям видно, что Снорри опирался на источники на древнесеверном языке, а не на латыни – в основном, на «Обзор», но иногда и на *ÓTOdds* [26. S. 141–142; 27. C. Bls. cxiv–cxvi.]. Оттуда заимствуется «остов», в который вносятся изменения – либо синонимические, либо содержательные. Уровень вариации в фрагменте, где Снорри опирался практически только на «Обзор» достаточно высокий (64% в «Обзоре», 84% в «Круге Земном»; от «Hákon jarl var á veizlu» (Hkr., Kap. 48, S. 348[11]) до «Hon gerði svá ok fagnar vel jarli» (Hkr., Kap. 48, S. 351[3]). Частично высокая доля вариации связана с распространением текста в «Круге Земном» (ср. схожую ситуацию в примере о походе князя Игоря 941 г. выше). Однако, во фрагментах, где Снорри опирался именно на «Обзор», он его очевидно пересказал, используя технику, рассмотренную на летописном примере 1015–1016 гг.. См. *табл. 5* и пояснения к ней; вариация отмечена жирным шрифтом, добавления – курсивом, идентичный текст – обычным шрифтом. Под таблицей дан «остов» из параллельных мест, где идентичный текст в переводе выделен жирным шрифтом.

Остов:

Таблица 5

Ágrip, Ch. 13, P. 22	Hkr., Kap. 48, S. 348
ok **gerði hann** *af Meðalhúsum* þræla sína at **taka hana ok flytja sér** *til ósœmðar*. En **meðan þrælarnir mötuðusk**, þá hafði hón svá liði safnat at þá **var eigi kostr** at **flytja hana**, *ok* **sendi hón þá orð** *Hökoni* jarli at hón mundi eigi **á hans fund soekja**, nema hann sendi *konu þá er hann hafði er* **Þóra hét á Remoli**.	**Jarl sendi** þræla sína *til Orms þeirra ørenda*, at **hafa Guðrúnu**, *konu Orms*, **til jarls**. *Þrælar báru upp ørendi sín; Ormr bað þá fyrst fara til náttverðar,* en **áðr þrælar höfðu matazk**, þá váru komnir til Orms margir menn ór bygðinni, er hann hafði orð sent. Lét Ormr þá **engan kost**, at **Guðrún fœri með þrælunum**. **Guðrún mælti, bað þræla svá segja** jarli, at hon myndi eigi **til hans koma**, nema hann sendi *eptir henni* **Þóru af Rimul**.

[41] «[...] engi maðr mun yðr mein gera, ef ek em hvergi í nánd» (Hkr., Kap. 48, S. 350). Пер. М.И. Стеблин-Каменского.

Ágrip, Ch. 13, P. 22	Hkr., Kap. 48, S. 348
(1) *и* (2) **отослал он** *с Медальхуса* рабов своих (3) **захватить ее и привезти к себе** *для всяких непотребств*. Но (4) **пока** рабы (4) **ели**, тогда (5) собрала она такое множество людей, что тогда (6) **не было** никакой возможности (7) **захватить ее**, (8) *и* (9) **послала она тогда сообщение** *Хакону* ярлу, что она не (10) **встретится с ним**, пока он не пришлет *женщину ту, которая у него была,* (11) **которую звали Тора из Римуля**.	(1)(2) **Ярл послал** рабов своих *к Орму с поручением* (3) **привести Гудрун**, *жену Орма*, (3) **к ярлу**. *Рабы доложили Орму о поручении, с которым они пришли. Орм пригласил их сначала поужинать.* Но (4) **прежде чем** рабы (4) **успели поесть**, тогда (5) к Орму пришло из округи много людей, которым он дал знать. Орм сказал тогда [что] (6) **нет** никакой возможности, (7) **что Гудрун пойдет с ними**. (8)(9) **Гудрун сказала, попросила передать** ярлу, что она не (10) **пойдет к нему**, пока он не пришлет *за ней* (11) **Тору из Римуля**.

Ярл послал (*gerði hann/ Jarl sendi*) **рабов своих** привести Гудрун к ярлу (*taka hana ok flytja sér/ hafa Guðrúnu [...] til jarls*). **А** когда **рабы** ели (*meðan þrælarnir mötuðusk/ áðr þrælar höfðu matazk*), **тогда** собралось так много людей [собирает Гудрун / Орм], **что тогда** нет никакой возможности (*var eigi kostr/ engan kost*), **чтобы** Гудрун увели (*flytja hana/ Guðrún færi með þrælunum*). Гудрун передала Хакону (*sendi hón þá orð/ Guðrún mælti, það þræla svá segja*) **ярлу, что она не** отправится к нему (*á hans fund soekja/ til hans koma*), **пока он не пришлет** Тору из Римуля (*Þóra hét á Remoli/ Þóru af Rimul*).

Синонимические изменения (сгруппированные по типам):

— начало периода (мягкое начало/начало с субъекта): 1 **ok** gerði hann / Jarl sendi, 8 **ok** sendi hón / Guðrún mælti

— вид анафоры (имя/местоимение): 2 gerði **hann**/ **Jarl** sendi, 3 taka **hana**/ hafa **Guðrúnu,** 7 at flytja **hana** / at **Guðrún** færi, 9 sendi **hón** þá orð Hökoni jarli / **Guðrún** mælti, það þræla svá segja jarli

— одиночный лексический синоним: 2 **gerði** hann **af**/ Jarl **sendi,**

— синонимия оборота: 3 **taka** hana **ok flytja sér / hafa** Guðrúnu **til jarls** (привести)**,** 4 **meðan** þrælarnir **mötuðusk** / **áðr** þrælar **höfðu matazt** (во время трапезы: пока ели/до того как успели поесть), 6 hafði hón svá liði safnat at þá **var eigi kostr** / Lét Ormr þá **engan kost** (это невозможно: придаточное/ дополнение), 7 at **flytja hana** / at **Guðrún færi með þrælunum** (доставить Гудрун: привести/ чтобы Гудрун отправилась с рабами – инфинитив / придаточное), 9 **sendi** hón þá **orð** Hökoni jarli / Guðrún mælti, **það** þræla **svá segja** jarli (передала ярлу), 10 at hón mundi eigi **á hans fund soekja** / at hon mundi eigi **til hans koma** (встретиться с ним), 11 nema hann sendi konu þá er hann hafði **er Þóra hét á Remoli** / nema hann sendi eptir henni **Þóru af Rimul** (женщину, которую звали Тора из Римуля/ Тору из Римуля)

Содержательные изменения и их последствия:

В «Круге земном» нет столь четкой мотивации действия ярла Хакона, как в «Обзоре», где Хакон послал за Гудрун «для непотребств» (*til ósœmðar*). Зато почти все дополнения Снорри, а также содержательные изменения касаются появившейся фигуры бонда Орма Люргьи, о котором ничего нет в «Обзоре», но зато в *ÓTOdds* мельком говорится, что Орм был женат на Гудрун (ср. редакции S и A по [30]: S, Kap. 46, A, Kap. 56). Зная об этом, Снорри передал роль наиболее активного лица Орму, либо вставляя упоминания о нем, либо прямо меняя текст. Так, Снорри добавил информацию о том, что рабы были посланы к Орму (*til Orms þeirra erenda*) за его женой (*at hafa Guðrúnu, konu Orms*), что Орм пригласил их сначала отобедать (*Ormr það þá fyrst fara til náttverðar*) и, наконец, что это Орм, а не Гудрун, собирал людей со всей округи и стоял на том,

чтобы не отдавать Гудрун (*váru komnir til Orms margir menn or bygðinni, er hann hafði orð sent. Lét Ormr þá engan kost, at Guðrún færi með þrælunum*). Таким образом рассказ, призванный в «Обзоре» проиллюстрировать безнравственность ярла Хакона, стал у Снорри рассказом о восстании бондов Гаулардаля.

В остальном же Снорри воспроизвел «Обзор» по принципу пересказа, т.е. оставив остов из идентичного текста и изменив его элементы на синонимические параллельные варианты. Варианты эти не пересекаются с другими источниками и скорее всего являются предпочтением составителя «Круга земного». Важно при этом отметить тонкую работу, которая была проделана при изменении текста с учетом новой детали об Орме – дополнения и синтаксические изменения включены таким образом, чтобы не нарушить «остов» текста.

Подобное соотношение между «Обзором» и «Кругом Земным» встречается и дальше: в эпизоде рассылки ратной стрелы по долине, в рассказе о первом и втором снах Карка. Однако, это не единственно возможный сценарий работы с источником: в некоторых местах Снорри существенно отошел от версии «Обзора»; в таких случаях вообще не остается текстуальных совпадений. Так, поменялась мотивировка побега ярла – в «Обзоре» ярл узнал о ратной стреле бондов, понял, что его предали и удалил от себя всех людей, кроме Карка; в «Круге земном» же Хакон бежал от своих людей, чтобы не навлечь на них беду. Быстрый подъем жителей долины Снорри мотивировал прецедентом с женой Брюньольва, о котором знал по *ÓTOdds* ([30.]: S, Кар.18, A, Кар. 20): там вместо столкновения с Гудрун и Ормом Хакон ярл успешно забрал жену Брюньольва, и Снорри, вероятно, пытался таким образом согласовать источники – при этом он изменил прагматику рассказа о Брюньольве, переместив его из основного повествования в круг периферийных деталей и сжав до одной фразы (ср. [26. S. 142]). После слов «Hon gerði svá ok fagnar vel jarli» текстуальных совпадений между «Обзором» и «Кругом Земным» в эпизоде смерти Хакона ярла практически нет – вероятно, далее этот источник не был основным.

Таким образом, из описанных выше примеров видно, что включая в «Круг земной» предшествующие источники, Снорри мог как копировать их точь-в-точь, так и использовать технику пересказа. Это может говорить либо о том, что перед нами следы разных переписчиков, предпочитавших разные стратегии (для подтверждения этой точки зрения аргументов у исследователей пока нет, так как в этой части «Круга Земного» не наблюдается таких «швов», как в ПВЛ), либо о том, что составитель средневекового исторического текста мог переключаться между разными способами воспроизведения текста – мог копировать, мог изменять текст, а мог его пересказывать. Если это так, то не мог ли схожим образом переключаться между «модусами» взаимодействия с текстом и составитель ПВЛ?

В чем же состояла прагматика «модуса пересказа»? Почему бы не скопировать текст, как в случае с рассказом о Сньофрид в «Круге Земном» или о смерти Игоря в ПВЛ? Часть изменений происходила из-за появления новых деталей, как это видно по примеру *табл. 5* из «Круга Земного», где составитель внес изменения, желая вставить нового героя и вместе с ним новую нарративную стратегию. В соотношении ПВЛ/Н1Лмл. такой точкой, вызывающей изменения, могла служить не паремия, как предлагалось ранее, а сама деталь об убийстве Бориса и Глеба – для составителя ПВЛ важно было согласовать рассказ с этой историей, в то время как в Н1Лмл. такого четкого намерения не наблюдается. При этом, и в ПВЛ, и в «Круге земном» правке подверглись не только слова, напрямую связанные с объектами содержательных изменений – многие из разночтений

отражают скорее языковые или нарративные предпочтения пишущего (ср. дательный самостоятельный или установку на связность повествования в ПВЛ или же синонимичные лексические обороты в «Круге Земном»). Представляется, что комплексные содержательные изменения приоткрывают возможность для изменений «стилистических» – возможно, задумываясь над текстом, который, по мнению нового составителя, кардинально сменил общее значение, пишущий позволял себе большее языковое проявление. Однако, особенно примечательно, что подобные изменения не выходят за рамки синонимии и параллелизма и не нарушают «остова» из идентичного текста.

Эта вариация внутри четких ограничений текста предшественника становится яснее, если учитывать прагматику создания летописи и королевской саги: и в случае ПВЛ, и в случае «Круга Земного» перед нами тексты, которые осознаются их создателями как исторические. Будучи ограниченными рамками «исторической истины», составители летописи и саги пытались как можно вернее следовать своим источникам и, по возможности, копировали их без изменений. В случае необходимости исправить свой источник, они делали это как можно более тонко, стараясь сохранить не просто основную фабулу сообщения, но и его вербальную структуру. Тем самым они проявляли мастерство составителя исторического текста и ремесленника, обладающего навыками письма – в его задачу входит и сохранение «остова» из идентичного текста, и подбор как можно более близких слов при изменении отдельных элементов содержания. В такой перспективе источник, текст предшественника становится ограничением, которое нельзя разрушать. Однако, внутри этих границ у пишущего есть пространство для свободного маневра – таким образом в ограничениях проявляется его искусство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Picchio R.* Models and Patterns in the Literary Tradition of Medieval Orthodox Slavdom // American Contributions to the Seventh International Congress of Slavists. Paris, 1973. Vol. II.
2. *Живов В.М.* История языка русской письменности. М., 2017. Т. I.
3. *Fisher M.* Scribal Authorship and the Writing of History in Medieval England. Columbus, 2012.
4. *Svanhildur Óskarsdóttir, Lethbridge E. Njáls saga* Editions and Textual Variance // New Studies in the Manuscript Transmission of *Njáls saga* / Ed. by Lethbridge, E., Svanhildur Óskarsdóttir. Kalamazoo, 2018.
5. *Jesh J.* Orkneyinga saga: A Work in Progress? // Creating the Medieval Saga: Versions, Variability and Editorial Interpretations of Old Norse Saga Literature / Ed. by J. Quinn, E. Lethbridge. Odense, 2010.
6. *Гиппиус А.А.* До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н. Макаров. М.; Вологда, 2012.
7. *Цукерман К.* Наблюдения над сложением древнейших источников летописи // Борисоглебский сборник. / Под ред. К. Цукермана. Paris, 2009. Вып. 1.
8. *Müller L.* Studien zur altrussischen Legende der heiligen Boris und Gleb (6). Die Quellen der Chronikerzählung: 2. Die Erzählung über die Schlacht bei Ljubeč // Zeitschrift für Slavische Philologie. 2005/2006. Vol. 64, № 2.
9. *Вилкул Т.* Новгородская первая летопись и Начальный свод // Palaeoslavica. Cambridge, Mass., 2003. Vol. 11.
10. *Лукин П.В.* События 1015 г. в Новгороде: К оценке достоверности летописных сообщений // Отечественная история. М., 2007. № 4.
11. *Михеев С.М.* «Святополкъ сѣде в Киевѣ по отци»: Усобица 1015–1019 годов в древнерусских и скандинавских источниках / Славяно-германские исследования. М., 2009. Т. 4.
12. *Шахматов, А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах // А.А. Шахматов. История русского летописания. СПб., 2002. Т. I.

13. *Гиппиус А.А.* «Летописные» паремийные чтения о Борисе и Глебе: история текста и исторический контекст // Факты и знаки. Исследования по семиотике истории. М., 2010. Вып. 2.
14. *Глебова Д.С.* Переписать или пересказать? О пересказе и вариации в рукописной традиции *Bjarnar saga Hítdælakappa* // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». (в печати)
15. *Bagge S.* The Old Norse Kings' Sagas and European Latin Historiography // Journal of English and Germanic Philology. 2016. Vol. 115, № 1.
16. *Sävborg D.* Snorra Edda and the Uppsala Edda // Snorri Sturluson – Historiker, Dichter, Politiker / Ed. by H. Beck, W. Heizmann, Jan van Nahl. Berlin; Boston, 2013.
17. *Gippius A.A.* Reconstructing the original of the Povest' vremennyx let: a contribution to the debate // Russian Linguistics. 2014. Vol. 38, № 3.
18. *Maas P.* Textual Criticism. Oxford, 1958.
19. *ПСРЛ* – Полное собрание русских летописей. СПб./Пг./Л./; М., 1841–2001. Т. 1–41.
20. *Лихачев Д.С.* Текстология: на материале русской литературы X–XVII вв. СПб., 2001.
21. *Творогов О.В.* Повесть временных лет и Хронограф по великому изложению // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28.
22. *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Похвала щедрости, чаша из черепа, золотая луда... Контуры русско-варяжского культурного взаимодействия. М., 2018.
23. *Мельникова Е.А.* Историческая память в устной и письменной традициях (Повесть временных лет и «Сага об Инглингах») // Древнейшие государства Восточной Европы. 2001: Историческая память и формы её воплощения / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М., 2003.
24. *Гимон Т.В.* Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование. М., 2012.
25. *Andersson Th.M.* Kings' Sagas (Konungasögur) // Old Norse-Icelandic Literature: A Critical Guide / Ed. by Carol J. Clover and John Lindow. Ithaca, New York, and London, 1985.
26. *Storm G.* Snorri Sturlassöns historieskrivning: En kritisk undersøgelse. Copenhagen, 1873.
27. *Bjarni Aðalbjarnarson, ed.* Heimskringla. B.I. ÍF XXVI. Reykjavík, 1941.
28. *Ágrip af Nóregskonungasögum: A Twelfth-Century Synoptic History of the Kings of Norway* / Ed. and trans. by M.J. Driscoll. Second edition. London, 1995.
29. *Snorri Sturluson. Heimskringla. I. Nóregs konunga sǫgur* / Udg. for Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur ved Finnur Jónsson. København, 1893–1901. (STUAGNL, 23).
30. *Færeyinga saga – Ólafs saga Odds* / Ólafur Halldórsson gaf út. Íslenzk fornrit XXV. Reykjavík, 2006.

ТРЕТЬЯ ПАХОМИЕВСКАЯ РЕДАКЦИЯ ЖИТИЯ НИКОНА РАДОНЕЖСКОГО

© 2020 г. Н.В. Пак

Канд. филол. наук, специалист по учебно-методической работе Государственного университета морского и речного флота им. адмирала С.О. Макарова

E-mail: nataliya.pak@gmail.com

В статье вводится в научный оборот неизвестная ранее редакция Жития Никона Радонежского, составленная в XV в. Как установлено в результате анализа, эта редакция восходит к тексту Краткой редакции, которая большинством исследователей атрибутируется Пахомию Логофету, а также содержит несколько чтений из Особой редакции, сохранившейся в рукописном автографе того же автора. В тексте новонайденной редакции сохранены 24 из 25 заимствований из Похвального слова патриарху Евфимию Тырновскому, входивших уже в текст самой ранней по времени создания Краткой редакции. Некоторые редакционные изменения находят параллели среди изменений, которым подвергался текст Жития Сергия Радонежского при его редактировании Пахомием Логофетом. С большой долей вероятности можно заключить, что рассмотренная редакция представляет собой второй пересмотр Жития игумена Никона, предпринятый Пахомием Логофетом не позднее 60-х годов XV в. В приложении к статье публикуется текст памятника по списку *Тр. 762.*

The article introduces into scientific use a previously unknown edition of the Life of Nikon of Radonezh, composed in XV century. The analysis results show that, this edition traces back to the text of the Short edition, which most of researchers attribute to Pachomius Logothetes, and that this unknown edition also contains several readings from the Special edition, preserved in Pachomius Logothetes' own handwriting. In the text of the newly discovered edition, 24 of the 25 borrowings were preserved from the Panegyric of patriarch Euthymius of Tarnovo, which were already included in the text of the earliest, according to the time of creation, Short edition. Some editorial changes parallelizes among changes that were made to the text of the Life of Sergius of Radonezh when editing by Pachomius Logothetes. With great probability it can be concluded that the considered edition is the second revision of the Life of abbot Nikon, made by Pachomius Logothetes no later than in the 60s of XVcentury. The text of the monument is published in the Annex to the article according to the manuscript *Tr. 762.*

Ключевые слова: древнерусская агиография, Пахомий Логофет, Житие Никона Радонежского, Житие Сергия Радонежского, Григорий Цамблак, Похвальное слово патриарху Евфимию Тырновскому.

Keywords: Old Russian hagiography, Pachomius Logothetes, Life of Nikon of Radonezh, Life of Sergius of Radonezh, Gregory Tsamblak, Panegyric of patriarch Euthymius of Tarnovo.

DOI: 10.31857/S0869544X0010420-5

Житие Никона Радонежского традиционно рассматривается во всех работах, так или иначе затрагивающих вопросы творческой истории Жития Сергия Радонежского, литературной деятельности Пахомия Логофета на Руси и истории Троице-Сергиевой лавры, однако за редкими исключениями не менее традиционно авторы пересказывают одни и те же более или менее надежно установленные факты из истории его текста. Достоверно известно немногое: что в XV в. афонский иеромонах, серб по происхождению, Пахомий Логофет, приехав на Русь и оказавшись в Троицком монастыре, написал житие игумена Никона и службу ему; позднее либо самим Пахомием, либо анонимным автором XVI в., в связи с прославлением Никона на поместном соборе 1547 г., была составлена еще одна редакция пахомиева Жития. По всей видимости, на отсутствие интереса к этому памятнику повлияла оценка выдающегося русского историка В.О. Ключевского, автора труда о житиях русских святых как историческом источнике, который написал, что Житие «не представляет связного рассказа не только о всей жизни Никона, но и о его игуменстве в Троицком монастыре» [1. С. 152–153].

Большинству исследователей Житие Никона было известно всего в двух редакциях: Краткой (нач. «Сеи блаженныи богоносныи отец Никон...») и Пространной (нач. «Кто убо исповедати возможет...»). Третья редакция (Особая, нач. «Елма благоизволи Бог...») получила свой текстологический статус в работе Б.М. Клосса 1998 г. [2. С. 238–239][1]. Несмотря на обнаружение автографа Пахомия Логофета *Тр. 763* с текстом Особой редакции, являющейся переработкой Краткой, очевидный ответ на вопрос о том, какая из редакций была первоначальной и принадлежала перу Пахомия Логофета, не получил признания специалистов. Так, в современных авторитетных справочных изданиях говорится о Краткой анонимной и Пространной пахомиевой редакциях Жития [5. С. 42. № 118] и – вслед за В. Яблонским – о принадлежности Пахомию и Краткой, и Пространной редакций [6. С. 716]. Таким образом, нужно заключить, что вопросы о взаимоотношении редакций Жития и об их авторе и по сей день представляют собой нерешенную литературоведческую проблему.

Вывод о позднем происхождении Пространной редакции Б.М. Клосс подкрепляет только одним аргументом: «Встречающееся иногда в литературе мнение, что Пространная редакция является первичной, опровергается рукописной традицией: списки Пространной редакции не древнее середины XVI в., стало быть, создание редакции можно связывать с канонизационными соборами конца 40-х годов XVI в.» [3. С. 290]. Признавая этот аргумент слабым, нельзя не согласиться с итоговым выводом. О вторичном характере Пространной редакции говорит то, что из 25 установленных заимствований из Похвального слова патриарху Евфимию Тырновскому, читающихся в Краткой редакции полностью, в Пространной 11 представлены в сокращенном и/или измененном виде и 14 исключены из текста [7]. Представляется маловероятным, что исправления были сделаны тем самым книжником, который ввел заимствования в текст Краткой редакции. Напротив, в Особой редакции большая часть заимствований сохранена без изменений (изменены четыре: B–B, V–V, Y–Y, Q–Q), что дает основание считать ее автором также Пахомия Логофета, а Краткую и Особую редакции Жития Никона Радонежского по аналогии

[1] Еще в работе 1990 г. эта редакция упоминается как «Особый вид Жития Никона» [3. С. 290]. Список Особой редакции был известен Н.С. Тихонравову, но вопрос о текстологическом статусе его текста исследователь не ставил [4. Отд. II. С. 176].

с Житием Сергия Радонежского называть 1-й Пахомиевской и 2-й Пахомиевской соответственно (далее для краткости они называются также 1-й и 2-й).

В настоящей статье вводится в научный оборот четвертая редакция Жития Никона, третья из редакций, составленных в XV в., которая далее будет условно называться 3-й Пахомиевской (или кратко 3-й). В статье рассматриваются источники новообнаруженной редакции и редакторские изменения и ставится вопрос о том, какой состав Житие в этой редакции имело в первоначальном виде, а какие изменения были внесены поздними переписчиками.

Датировки рукописей, названия и датировки редакций Жития Сергия Радонежского приводятся по Б.М. Клоссу [2].

1. Источники

3-я Пахомиевская редакция Жития Никона Радонежского (нач. «Сеи блаженныи духоносныи отец Никон...») известна на сегодняшний день в тринадцати рукописях XV–XVII вв.[2]: *Тр. 762*, 60-е годы XV в.; *Соф. 1384*, 1490 г.; *Сол. 518/537*, 1494 г.; *Тр. 643*, кон. XV в.; РГБ, ф. 98 (собрание Е.Е. Егорова), № 895, 20-е годы XVI в., л. 295об.– 304об. [2. С. 236. № 8]; *Q.I.999*, перв. четв. XVI в.; *Погод. 648*, сер. XVI в.; *Вяз. Q.273*, начало 50-х годов XVI в.; *Больш. 20*, 60-е годы XVI в.; РГБ, ф. 209 (собрание П.А. Овчинникова), № 282, начало 20-х годов XVII в., л. 270–277 [2. С. 238. № 27]; РГБ, ф. 209 (собрание П.А. Овчинникова), № 281, 20–30-е годы XVII в., л. 542об.–552, без конца [2. С. 238. № 28]; *Погод. 640*, 1 пол. XVII в.; РГБ, ф. 98 (собрание Е.Е. Егорова), № 921, XVII в., л. 72об.–77об.

В Софийской II и Львовской летописях под 6916 годом после статьи «О Едигееве рати» помещена часть Жития Никона [10. С. 372; 11. С. 235]. Летописный фрагмент Жития восходит к 3-й Пахомиевской редакции и охватывает части 1–7 (от рождения до строительства Троицкой церкви). Эта версия имеет множество вторичных чтений и некоторые редакторские исправления, в частности последовательную замену наречия «sѣло» наречием «велми», и в дальнейшем не принимается во внимание.

Основным источником 3-й Пахомиевской редакции была 1-я (Краткая) редакция Жития Никона Радонежского. Ниже приводятся примеры, когда во 2-й (Особой) редакции отсутствует тот или иной отрывок, читающийся в 1-й и 3-й редакциях, или содержится переработанный текст. Парными прописными латинскими буквами обозначены заимствования из Похвального слова патриарху Евфимию.

---

[2] Систематизация сведений о списках Жития Никона предпринималась в работах трех исследователей: [8. С. 404–405; 9. С. 71–72. Прим. 2; 3. С. 289–290; 2. С. 235–240]; перечень Н. Барсукова [8. С. 404–405] полностью вошел в перечень В. Яблонского [9. С. 71–72. Прим. 2] вместе с ошибочным отнесением рукописи РГБ, ф. 228 (собрание Д.В. Пискарева), № 138, XVII–XVIII вв., л. 490об.–510об., содержащей Пространную редакцию, к Краткой редакции. Последний по времени археографический обзор Б.М. Клосса [2. С. 235–240] насчитывает 32 списка Краткой редакции (не учтены 13 списков Яблонского), 2 списка – Особой и 15 – Пространной (не учтены 14 списков Яблонского) и не является исчерпывающим. При подготовке статьи были просмотрены 27 списков, отнесенных ранее к Краткой редакции (23 из перечня Клосса и 4 из перечня Яблонского, не учтенных в перечне Клосса). 12 из этих списков были отнесены к 3-й Пахомиевской редакции. Еще один список был найден в сборнике XVII в. из собрания Е.Е. Егорова РГБ.

1-я Пахомиевская (Краткая) редакция	2-я Пахомиевская (Особая) редакция	3-я Пахомиевская редакция
–	Елма бл҃гоизволи бѣ҃ и вь послѣ(д)ни(х)| дн҃ѣхь рода нашего <рѹскы(х) стран-(х)>[3] многи(м) и вели|кымь мѹжемь вь добродѣтеле(х) про|сїати	–
Съ бл҃женыи бг҃оносныи ѿц҃ь никѡ(н).	ѿ ни(х)же бы(с) и сьи бл҃жени ѿц҃ь| никонь ꙗкоже ми повѣда ѹченикь ег(о)| присни игнатїе вѣди исперва	Сеи бл҃жныи дх҃оносныи ѡц҃ь нико|нъ,
рож(д)е|нїе **имѣше** гра(д) юрьєвъ зовѡ(м). еще же **ѿ юна(г)| възраста. изволи бо҃у работати. и прихо(ди)|ть къ бл҃жномоу сергїю. и молить є(г) въ еже| облещи въ иночьскыи ѡбразъ.**	роже|нїе и жи(т)е гра(д) юрьевь зово(м). еще юнь| си	рож(д)енїє **имѣаше** гра(д) юръєвъ| зовомъ, єще же **ѿ юнаго възраста| изволи бо҃у работати, и приходи|ть къ бл҃жномоу сергию, и моли(т)| єго въ еже ѡблещи въ иночьскы|и ѡбразъ**,
он же посы|лаеть є(г) в манастырь высокое нарица҂ємъ.| къ своемѹ оученикѹ а҃ѳанасью именемъ. и та|мо повелѣнїємь бл҃жнаго сергїа, възлагаю(т)| на нь иночьскыи ѡбразъ. (*Тр. 116*, л. 415: 3–11).	възлагаетъ на се иноческы ѡбра(з)| вь монастыри высокое нарицаемь| (*Тр. 763*, л. 407: 4–12).	**ѡн҃ же посылаєть єгѡ| въ монастырь высокоє нарица҂(м),| къ своємоу оучн҃коу а҃ѳанасїю| именемъ, и тамо повелѣнїємъ| бл҃жнаго сергїа** възлагають на нь| ино(ч)скыи ѡбразъ, (*Тр. 762*, л. 60об.: 4–15).
и не| ꙗко на чл҃ка възираѧ, нъ ꙗко пре(д) б҃мь стоати мн҂(с)‖ И елика повелѣнна бывахоу ѿ бл҃жнаго. тъ| ꙗко ѿ **самы(х)** х(с)выхъ оустъ прїимаше. и вс҂| с҆ вѣрою послѹшааше. (*Тр. 116*, л. 415: 26–415об.: 3).	и не ꙗко на члв҃ка вьзи|рае но ꙗко пре(д) б҃мь стоꙗти мнѣс҂| и елика повѣлѣннаа бывахѹ ѿ бл҃же|наго тьи ꙗко ѿ х(с)вы(х) ѹсть прїимаше| и вс҂ сь вѣрою послѹшааше. (*Тр. 763*, л. 407об.: 10–14).	и не ꙗко на члв҃ка въ|сираа, но ꙗко пре(д) б҃мъ слоужа(а)-ше| мн҂с҂. и ꙗко ѿ **самыхъ** х(с)выхъ.| оустъ ѿ ст҃го ре(ч)н҆наа прїимаше,| (*Тр. 762*, л. 61: 15–18).
и сице в малѣ(х) дн҃ѣхъ промеж(д)ю ѡнѣ(х) старець.| [в]–**тако сїаше ꙗко плотїю єдиною оумаленъ| ѿ агг҃лъ познавати(с).**–[в] (*Тр. 116*, л. 415об.: 6–8).	и сице въ| малѣ(х) дн҃ѣхь промѧжѹ ѡнѣ(х) старець| ꙗко свѣтило сїаше. (*Тр. 763*, л. 407об.: 17–19).	и сице въ малѣ(х)‖ дн҃ехъ посредѣ ѡнѣхъ старець, [в]–**та|ко сїаше, ꙗко плотїю єдиною оу|маленъ ѿ агг҃лъ познаватис҂,**|–[в] (*Тр. 762*, л. 61: 22–61об.: 3).
бл҃жномоу никоноу съ прочими братїа|ми нѣчто мало **оуклонившюс҂ мѣсто дае| гра҂дѹщемѹ гнѣвѹ.** (*Тр. 116*, л. 416об.: 26–28).	бл҃женомѹ же никонѹ сь прочими бра|тїами на бѣжанїе ѿ гра҂дѹщаго гнѣ‖ (sic!) оуклонис҂ (*Тр. 763*, л. 409об.: 20–410: 1).	бл҃жномоу| же съ братїами **оуклоньшоус҂| мѣсто даа гра҂доущемоу гнѣвѹ,**| (*Тр. 762*, л. 63об.: 8–10).

[3] Дописано на поле, последняя буква срезана краем листа.

събравъ бо живопис҆ци| моужи въ добродѣтели съвръшеньны(х).|	сьбрав же жи|вописци мѹжи вь добродѣтели сь|вершени(х)	и събира|єть скоро живописци моужїє и|зрѧ(д)ны ѕѣло, всѣхъ превъсходѧи| в҆ добродѣтелехъ съвръ(ше)ни,
данила именемь и спо(с)тника єго ан(д)реа.| **и нѣкы(х) с ними**. и абїє дѣлоу касаютсѧ.| (*Тр. 116*, л. 417об.: 12–15).	данїила именемь и сьпо(с)|ника его ан(д)реꙗ – и абїе дѣлѹ касае(т)сѧ| (*Тр. 763*, л. 411: 5–8).	дани|лъ именемъ, и ан(д)рѣа спостни(к) єго| **и нѣкыхъ с ними**, спѣшно бо тво|рѧше дѣло сїє, (*Тр. 762*, л. 64об.: 16–22).
ꙗкоже и са|ма доброта цр҃квьнаꙗ, и прочѧа.	ꙗкоже и самаа доброта цр҃ковнаа| и прочаа.	ꙗ|коже и сама доброта цр҃квнаа,| и прочаа строєнїа монастырь|скаꙗ
Y–аще и| не гл҃сомъ вещми же паче	Y–аще и не гл҃омь вещми| же паче	Y–аще и не гл(с)мъ вещьми же,| азъ же гл҃ю и гл҃сы чю(д)ными ѿ| вещеи
ꙗко трѹбою|	ꙗко троубою	ꙗкоже троубами гласѧ|ще. и
проповѣдоують ст҃го по(д)виги.	проповѣдѹ|ють ст҃го по(д)виги.[4] –Y (*Тр. 763*, л. 411об.: 7–10).	проповѣдоують ст҃го подвї||гы,
И еже **на| неви(ди)мыа врагы боренїѧ.** –Y (*Тр. 116*, л. 418: 13–17).	–	неже **на невидимыа врагы| боренїа,** –Y (*Тр. 762*, л. 65об.: 16–66: 2).
Q–ꙗкоже свѣ(д)тельствѹють тогови поти и| трѹди еще в҆ тѣле ѡбрѣтающїисѧ тоа же| ѡбители иноци **свѣ(д)тели извѣстни.**|-Q (*Тр. 116*, л. 418об.: 2–4).	Q-ꙗкоже свѣ(д)тельствѹють тоговы| поти и трѹди. єще вь тѣлѣ ѡ|брѣтающеисѧ тоꙗ же ѡбытели| иноци.-Q – (*Тр. 763*, л. 412: 7–10).	Q-ꙗко| свѣдѣтельствоуєть того поты| и троуди єще въ телѣ ѡбрѣтаю|щїисѧ тоа ж(д)е ѡбители иноцї| **свѣдѣтеле извѣст҆нии,** -Q (*Тр. 762*, л. 66: 18–22).

Доказательством того, что первоначальным был текст 1-й редакции (а не 3-й), могут служить заимствования из Похвального слова патриарху Евфимию G–G и V–V, которые в 3-й редакции были сокращены:

Похвальное слово патриарху Евфимию	1-я Пахомиевская (Краткая) редакция	2-я Пахомиевская (Особая) редакция	3-я Пахомиевская редакция
И не бѣ погрѣшено ѡтнѫд никогдаже **тоговых оучителствь** сѣанїе. Понеже слышѫщеи таковаа прѣжде очима на оучителѣ зрѣхѫ, образь бѣ къ наказанїоу и крѡмѣ слѡвесе, и о ихже добродѣтелех бесѣдѹаше,	G-и не бѣ погрѣшно| ѿноу(д) **тоговы(х) оучительств**ы(х). понеже бо| преж(д)е слышанїа такова на оучители ѡчи|ма зрѧще. ѡбразъ бѣ к наказанїю дово|лень и кромѣ словесъ.	G-и не бѣ погрѣшно| ѿнѹ(д) таковы(х) **ѹчителств**ы(х). понеже| преже слышанїꙗ таковаа на ѹчи|тели ѡчима зрѧще ѡбразь бѣ кь| наказанїю доволень и кроме слове(с)|	G-и не бѣ погрѣшно ѿнѹ(д),| – – понеже бо и преж(д)е слышанїа та|коваꙗ на оучители ѡчима зрѧ|ще ѡбразъ бѣ къ наказанїю, до|воленъ и кромѣ словесъ

[4] В рукописи знак выноски «+», но на полях никакого текста нет.

себе показовааше въсего дѣлы пръвоѡбразна [12. S. 44, 13–17].	себе пре(д)лагаа дѣли| всѣ(м) прьвоѡбразна-G (*Тр. 116*, л. 416: 8–13).	себе пре(д)лагае дѣлы всѣми перво|ѡбразна.-G (*Тр. 763*, л. 408 об.: 9–15).	себѣ пре(д)|лагаа дѣлы всѣмъ пръвоѡбра||зна-G (*Тр. 762*, л. 62: 17–62об.: 1).
«Ты же, чѧдо, **мѫжай сѧ,** **и да крѣпит сѧ** **ср[ъ]дце твое**, – рече – ѫзам бо сподобиши сѧ и гоненїоу апостолскомоу» [12. S. 34, 7–9].	V-**ты же чадо** не скорби| нъ **моужаисѧ** **и да крѣпитсѧ** **ср(д)це твоє**|-V аще бо искѹшенїє в малѣ боудеть. нъ ко|нечнаго запоустѣнїа свобѡ(д)- но боуде(т), и бо|лми распространитсѧ ѡбитель. (*Тр. 116*, л. 416об.: 8–12).	V-**ты же чадо** не ско|рби но **мѹжаисѧ.**-V – аще бо|| искѹшенїе вь малѣ бѹдеть. но ко|нечнаго запѹстѣнїа свободно бѹде|ть мѣсто сїе. и по си(х) болми распро|странитсѧ ѡбитель. (*Тр. 763*, л. 409: 20–409об.: 4).	V-**ты же| чадо** не скръби,-V – – аще бо и наказанї|є бж҃їє къ покаанїю посласѧ, но| в малѣ боудеть и кон(е)чнаго запоу|стѣнїа свободно, ѡбитель *же* бо|лми распространитсѧ, (*Тр. 762*, л. 63: 8–13).

По крайней мере в двух случаях кроме 1-й редакции привлекается также 2-я редакция. Этот факт можно расценить как дополнительный аргумент в пользу того, что у 2-й и 3-й редакций был один автор:

1-я Пахомиевская (Краткая) редакция	2-я Пахомиевская (Особая) редакция	3-я Пахомиевская редакция
и абїє црк҃вь прьвѣе древѧ|ноу въз(д)визаеть въ славоу ст҃ыа тр(о)цѧ.| (*Тр. 116*, л. 417: 18–19). –	и абїе црк҃вь первее древе|нѹю вьз(д)визаеть вь славѹ ст҃ыѧ| троица **и прочаꙗ** строенїꙗ. (*Тр. 763*, л. 410об.: 1–3).	и абїє прь|вѣє црк҃вь малоу въздвизає(т) въ| славоу ст҃ыа тр(о)ца, по семъ же **и про|чаа** трѧпеза и келїи и всѧ єже въ| потребоу ноужноую монастырѧ о|ного, (*Тр. 762*, л. 64: 12–17).
и елико оубо сего блж҃наго нико|на по чл҃чьскомоу бѣ єго тщанїє. соу|гоубо помощь бж҃їа поспѣшьствоваше.| (*Тр. 116*, л. 418: 19–21). –	и елико ѹбо се|го бл҃женаго никона по члв҃чьско|мѹ бѣ его тщанїе. сѹгѹбо помо|щь бж҃їꙗ поспѣшьствоваше.| **ꙗкоже бы рещи ѡнь** **начинае| бь҃ же всѧ** **вьскорѣ сьвершаше|** (*Тр. 763*, л. 411об.: 12–17).	и єлико бо єго по чл҃вчь|скомоу потщанїє, соугоубо по|мощь бж҃їа поспѣшьствоваше| ємоу, **ꙗкоже бы рещи ѡнъ** **на|чинаа, б(г)ъ же въскорѣ** **всѧ съвръ|шаше**, (*Тр. 762*, л. 66: 2–7).

Еще два примера могут рассматриваться и как возможное использование автором 3-й редакции текста 2-й редакции, и как утрата в списке *Тр. 116* 1-й редакции. Тем не менее они приводятся здесь как вспомогательный материал для будущей реконструкции первоначального текста Жития:

елико многы(м) образъ| быти зрѧщимъ ѿ него. (*Тр. 116*, л. 415об.: 3–4).	єлико мно|гы(м) ѡбразь быти зрѧщи(м) **таковаа**| ѿ него. (*Тр. 763*, л. 407об.: 14–16).	и єлико многымъ ѡбразъ быти| зрѧщи(м) **таковаа** ѿ него, (*Тр. 762*, л. 61: 19–20).

[H-]ꙗко ѿ видѣнїа токмо| и ѿ обычаа оустроенїю доволнꙋ пре(д)- подава|ше зрѧщи(м) ползꙋ.[-H] (*Тр. 116*, л. 416: 13–15).	[H-]ꙗко ѿ **единого** видѣнїа| тькмо и ѿ ѡбычаꙗ ꙋстроенїю до|волнꙋ преподаваше зрѧщимь по|лзоу. [-H] (*Тр. 763*, л. 408об.: 15–18).	[H-]ꙗко ѿ **єдинаго** видѣнїа токмо| и ѡбычаꙗ оустроенїю доволи́ноу| преподаваше зрѧщимъ плъзоу,|[-H] (*Тр. 762*, л. 62об.: 1–3).

Другие источники при создании 3-й Пахомиевской редакции не привлекались.

2. Редакторские изменения

Изменения в 3-й Пахомиевской редакции по сравнению с 1-й (Краткой) редакцией по большей части могут быть охарактеризованы как стилистическая правка. Но некоторые отличия более существенны.

В частности, нужно отметить последовательное исправление эпитетов, не всегда объясняемое литературными соображениями. Только в одном фрагменте (чудо об Акакии) замена эпитета «святый» была вызвана устранением повторов: Никон называется святым трижды в трех рядом стоящих фразах.

1-й Пахомиевская (Краткая) редакция	3-я Пахомиевская редакция
по преставленїи| же блж̑наго никона. пред́ре(ч)нныи акакїє| завѣнїю предавь ре(ч)ннаа **ст̑ымь**.	по преста|вленїи же блж̑наго никона пре(д)- ре(ч)|н́ныи акакїє завѣнїю предавь ре(ч)|ннаа *ѿц̑емъ*,
ѿходить| въ пре(д)ре(ч)нноую весь. и тако постиже єго| сѵ(д) прореченныи **ст̑ымь**. истоупивъ бо оу|мѡ(м) и тако братїами приведенъ бы(с) въ| манастырь.	ѿходить въ пре(д)ре(ч)нь|ноую весь, и тамо постиже єго соу(д)| проре(ч)нныи **ст̑мъ**, ис́с́тоупивъ бо| оумомъ, и тако братїами приве|денъ бы(с) въ монастырь,
и ꙗвисѧ ємоу **ст̑ыи** никѡн́.| дружа жезлъ в роуцѣ (*Тр. 116*, л. 419об.: 9–16).	и ꙗвисѧ| ємоу *ѡц̑ь* никонъ дружа жезлъ‖ в роуцѣ своєи (*Тр. 762*, л. 68: 14–68об.: 1).

Причины остальных замен нуждаются в дополнительном анализе. Так, примененный к Никону эпитет «богоносный» заменяется эпитетом «духоносный»:

Съ блж̑еныи бг̑оносныи ѿц̑ь никѡ(н). рож(д)е|нїе имѣше гра(д) юрьєвъ зовѡ(м). (*Тр. 116*, л. 415: 3–4).	Сеи блж̑ныи *дх̑оносныи* ѡц̑ь нико|нъ, рож(д)енїє имѣаше гра(д) юръєвъ| зовомъ, (*Тр. 762*, л. 60об.: 4–6).

Примененный к Сергию эпитет «блаженный» заменяется эпитетами «великий» и «святый», при этом в первом случае добавляется уточнение «въ ѡбитель», а во втором случае устраняется, по-видимому воспринимаемое как избыточное, уточнение «сергїе».

и пакы прихо(ди)ть къ блж̑еномꙋ сергїю. (*Тр. 116*, л. 415: 17).	и пакы приходи(т),| къ *великомоу* сергїю *въ ѡбитель*,| (*Тр. 762*, л. 61: 1–2).
сего бо блж̑нныи сергїє.| [A-]словѡ(м) оученїа ꙗко дъж(д)ь напаꙗше того дш̑ю.| (*Тр. 116*, л. 415: 19–20).	сѣло бо люблѧше сего *ст̑ыи* и [A-]сло|вомъ оученїа ꙗко дож(д)ь напоаше| дш̑оу єго, (*Тр. 762*, л. 61: 5–7).

В одном случае был заменен эпитет «блаженные», примененный к Сергию и митрополитам Петру и Алексею:

и ꙁбо ѿврѣзъ| видить ꙗвленно блж̑ны(х) ѿ келїи грѧдоущи(х).| (*Тр. 116*, л. 416об.: 17–18).	и оубо ѿвръ|зъ видить ꙗвлено *ст̑хъ* ꙗвльшихъ|сѧ ѿ келїа грѧдоущихъ, (*Тр. 762*, л. 63: 19–21).

Кроме того, в 3-й редакции появляется упоминание о том, что Никон был любимым учеником Сергия:

и ѿ сего| навыкъ ꙗко ѿ искѹсна вож(д)а всемѹ иночь|скомѹ житїю. сего бо блжн̑ныи сергїє.| A-словѡ(м) оученїа ꙗко дъж(д)ь напаꙗаше того дш̑ю.| (*Тр. 116*, л. 415: 17–20).	и ѿ сего навыкъ ꙗко ѿ искоусна во|ж(д)а всемоу иночьскомоу житїю, *сѣло бо люблѧше* сего с̑тыи и A-сло|вомъ оученїа ꙗко дож(д)ь напоаше| дш̑оу єго, (*Тр. 762*, л. 61: 3–7).

Подвергается редактированию описание строительства церкви:

N-и абїє цр̑квь прьвѣе древѧ|ноу въз(д)визаеть въ славоу с̑тыа тр(о)ца.|-N По сем же [еже][5] <времени>[6] тщитсѧ еже въз(д)вигноути| цр̑квь камѧн(н)оу надъ гробѡ(м) своєго ѡц̑ѧ.| и зъдчи ѿвсюдоу събравъ и всемогущо|моу бг̑ѹ по его произволенїю поспѣшьство|вавшю. цр̑квь прекраснѹ въз(д)вижеть.| въ имѧ иже на се поспѣшьствовавшомѹ.| въ тр(о)ци славимомоу бг̑ѹ. и въ похвалоу| своемоу ѡц̑ю O-**иже сего поборникь**.-O (*Тр. 116*, л. 417: 18–27).	N-и абїє прь|вѣє цр̑квь *малоу* въздвизає(т) въ| славоу с̑тыа тр(о)ца,-N по семъ же *и про|чаа трѧпеза и келїи* *и всѧ єже въ| потребоу ноужноую* *монастырѧ о|ного*, и *по малѣ съвѣщеваєть сѧ| братїєю* єже въз(д)вигноути *храмъ| с̑тыꙗ тр(о)ца* цр̑квь камена на(д) гробо(м)| своєго ѡц̑а, и зъдчїи ѿвсю(д) събравъ,| и тако всемогущемоу бо̑у произво|ленїю єго поспѣшьствоующоу, цр̑квь‖ прекрасноу въздвиже въ похвалѹ| своємоу ѡц̑ю — єгоже мл̑твы непре|стан̑но пре(д)варѧюще в помощь прї|сномоу чѧдоу, (*Тр. 762*, л. 64: 12–64об.: 4).

Устраняется сравнение исцелений и чудес от мощей Никона с «кипящим» источником. По всей видимости, агиограф устранил его при исключении чуда о Семене Антонове из Жития Никона Радонежского (см. ниже п. 3), в результате чего в тексте остались всего два чуда. Как известно, сравнение чудес святого с источником, рекой (реками), морем и т.п. является «общим» местом агиографических и гимнографических сочинений. Данный пример свидетельствует о рационалистическом подходе редактора.

идѣже| ѡбрѣтаютсѧ и донн̑ѧ. ч(с)тныа его и цѣ|лебныа мощи. исцѣленїа всѣмь подава|юще иже вѣрою приходѧщи(м). **и чюдеса ꙗко|же нѣкыи источникь кыпѧще.** ѿ ни(х)же| нечто речемь ѿ мнѡгы(х) мало. (*Тр. 116*, л. 419: 20–25).	идѣже ѡбрѣтаютсѧ| и донн̑ѣ ч(с)тныа єго и цѣлебны|а мощи, исцѣленїа всѣмъ по|дающе и(ж) вѣрою приходѧщи(м),| ѿ нихже нѣчто рече(м) ѿ многы(х) мало,‖ (*Тр. 762*, л. 67об.: 18–22).

Первые строки чуда о Матфее-архимандрите в 3-й редакции полностью переписываются. Нужно отметить, что в старшем списке 1-й редакции *Тр. 116* этот текст тоже подвергся редакторской правке (исправлен другим почерком).

Не по(до)бає(т) и сего забытїю предати,| *єже въ нынѣшнѧа наша лѣта бы(с)*|

[5] Зачеркнуто.
[6] Вписано над строкой.

Инъ же с̄щенникь	*моужь ч(с)тнъ бл̄говѣинъ всѣ||ми знаємъ,*
манасты|рѧ того ж(д)е. матѳеи именемь.	*начало имѣа ѡби|тели великаго сергїа.*
изыде из́ ма|настырѧ того на архиман(д)ритью въ градѣ.|[7]	*сѣдрѣжа|и высочаишоую* архиман(д)ри|тїю *госпо(д)ствоующаго* града| *мо́сквы,*
и тамо емоу пребывшю нѣколико времѧ.| въ болѣзнь впаде. (*Тр. 116*, л. 420об.: 16–20).	и тамо ємоу пребы|вшоу нѣколико времѧ, и в бо|лѣзнь в́паде, (*Тр. 762*, л. 68об.: 20–69: 7).

3. Чудо о Семене Антонове

Это чудо в 1-й Пахомиевской редакции Жития Никона является заимствованием из Жития Сергия Радонежского [1. С. 153]. В 3-й редакции Жития Никона текст чуда был заменен кратким указанием: «Се же ино скажемъ писано въ жи\|тїи ст̄го сергїа ѡ сїмеѡнѣ анто\|новѣ чюдо чти ·:·» (*Тр. 762*, л. 68об.: 17–19). В. Яблонский отметил, что процитированная выше ссылка читается во всех известных ему списках Краткой редакции, и предположил, что она могла быть сделана самим автором [9. С. 73–74]. В действительности указание на Житие Сергия содержится только в списках 3-й Пахомиевской редакции и, по всей видимости, является ее отличительной особенностью.

В списках 3-й редакции *Погод. 648* и *Погод. 640* на месте указания на чудо о Семене Антонове содержатся вставки из Жития Сергия Радонежского. В *Погод. 648* после чуда об Акакии вставлен текст чуда о Семене Антонове (л. 62: 10–63: 12), ср.: [13. Стлб. 1456–1457], и после чуда о Матфее-архимандрите и заключительной главы Жития – глава «ѡ преставленїи прп(до)бна(г) никона игѹмена» из Жития Сергия (л. 64: 7–64об.: 6), ср.: [13. Стлб. 1451–1452]. В *Погод. 640* после чуда об Акакии читаются три дополнительных чуда из Жития Сергия: чудо о Семене Антонове (л. 13об.: 8–15: 13), ср.: [13. Стлб. 1456–1457], чудо о слепом (л. 15: 13–15об.: 18), ср.: [13. Стлб. 1459–1460], и чудо о слепой отроковице (л. 15об.: 19–16: 5), ср.: [13. Стлб. 1460], затем следует чудо о Матфее-архимандрите и заключение.

Оба списка содержат ряд вторичных чтений, которые говорят о том, что вставки в этих списках сделаны независимым образом, и о том, что в *Погод. 648* и *Погод. 640* отражены поздние этапы истории текста. Поскольку эти чтения служат также аргументом в пользу того, что в первоначальном тексте 3-й редакции Жития Никона текст чуда о Семене Антонове отсутствовал, они приводятся ниже.

Погод. 648: заглавие «М(с)ца ноемъврїа в́. з̄і. дн̄ь. ѡ житїа прп(до)бнаго\| ѡц̄а нашего. никона оучн̄ка бывша блажен́на(г)\| сергїа. сведено вкра́тце. г̄и бл(с)ви ѡч̄е» (л. 57: 21–23); «ꙗкѡ *дож(д)емь* напааше\| дш̄оу его» (л. 57об.: 13–14) вместо «*дождь*»; «и оубо *ѿверзъ двери*» (л. 59: 4) вместо «ѿверзъ»; «что ѹбо не *побараше*, бл̄жен́ои\| ѡнои дш̄и печалны(х) въспрїати» (л. 59: 18–19) вместо «подобааше»; «и скорбнаа с радостїю *прете\|рпѣти* наказавь» (л. 59об.: 3–4) вместо «преносити»; «цр̄квь *каменоу* въз(д)виже в пѡ\|хвалоу своемоу ѡц̄ю» (л. 59об.: 12–13) вместо «прекрасноу»; после слов «цр̄квь све\|ршеноу» (л. 59об.: 21–22) пропущены слова «и симъ оукрашеноу»; «могоуща\| *зрѧщи(х) ѡчеса* всѣ(х) оудиви(ти) и донн̄ѣ» (л. 60: 6–7) вместо «*зрѧщи(х)*»; «и елико *бо* по чл̄ческомоу тщанїе» (л. 60об.: 4) вместо «бо его»; «за еже *повѣдати*\| тѣ(м) дх̄овноую

[7] Воспроизводится первоначальный текст. После правки текст читается следующим образом: «Инъ же с̄щенникь манасты\|рѧ того ж(д)е. матѳеи именемь.\| пребы(с) на архиман(д)ритьи въ градѣ.\|».

пищоу» (л. 61: 2–3) вместо «подати»; «жив же с҃тыи *в то*(*м*) настоателс҆твѣ» (л. 61: 6) вместо «в то(м) добромъ»; «въ ѡно свѣтлое *покоище*» (л. 61: 23) вместо «жилище»; «исцѣленїа *пода*|*вающе*» (л. 61об.: 7–8) вместо «всѣмь подавающе»; «*забвенїю*| предати» (л. 63: 13–14) вместо «забытїю»; «к на(м) же *николиже* при|ходи» (л. 63об.: 16–17) вместо «никакоже»; «сїе же мало нѣчто *писанїю* предахо(м)» (л. 64: 2) вместо «писанїємъ».

Погод. 640: заглавие «ѿ житиѧ прп(д)бна ѿца҃ нш҃го. ни|кона. оучн҃ка бывшаго сергиѧ| ввено (sic!) в҆кра(т)цѣ. г(с)и блг(с)ви. ѡче҃» (л. 6: 1–3); «Се блж҃ныи. дх҃оносныи *никонъ*» (л. 6: 4) вместо «отець никонъ»; «еще же *ѿ юностнаго* во|зраста» (л. 6: 6–7) вместо «ѿ юнаго»; пропущены слова «начало сътвори прп(д)бныи сергїє» (л. 6: 16); «и пло(д) дхв҃ныи по ап(с)лꙋ.| послꙋшанїа *прїимаше*» (л. 6об.: 6–7) вместо «приношаше»; «и єлико *мно*|*гы*(*х*) ѡбра(з) быти. зрѧщи(м) такова(а).| ѿ него» (л. 6об.: 15–17) вместо «многы(м)»; «и ѿсюдꙋ|| показꙋѧшесѧ *на конци. и* свер҆ше|н҆наго возраста боуде(т)» (л. 6об.: 22–7: 2) вместо «како на конци»; «*єже* ѿ перваго| прозѧбенїѧ» (л. 7: 3–4) вместо «єгда»; «но множае паче| *ѡ дꙋшевны*(*х*)» (л. 7об.: 2–3) вместо «ѡ дꙋховны(х)»; «*ѿ оустъ* (*ж*) *єго* мл҃тву» (л. 7об.: 21) вместо «постъ же єго и»; «и(ж) свѣтило *пре*(*ди*) стекла| оутаити хотѧщемꙋ» (л. 8: 4–5) вместо «посре(ди)»; «всѧ попранна *ѿ безбожны*(*х*)» (л. 9: 11) вместо «ѿ беззаконны(х)»; «*не* оубо| не ниспаде печа(л)ю» (л. 9: 11–12) вместо «но»; «*та*|*кова* любом(д)рїа» (л. 9: 14–15) вместо «тогова»; «и *абиє*» (л. 9об.: 3) вместо «абие первее»; «цр҃квь| малꙋ *воз*(*д*)*виже*» (л. 9об.: 3–4) вместо «воз(д)визає(т)»; «на(д) гробо(м) *ст҃го* ѿца»» (л. 9об.: 10) вместо «своєго»; «*изы*|*дꙋчи* ѿвсюдꙋ собравъ» (л. 9об.: 10–11) вместо «и зъдчии»; после слов «великимъ| желаниє(м)» (л. 10: 2–3) пропущены слова «и вѣрою»; «*спѣшно* творѧ|ше дѣло сиє» (л. 10: 10–11) вместо «спѣшно бо»; «дани(л)| же *вїдѣ* андрѣа» (л. 10об.: 11–12) вместо «ꙗко вїдѣ»; после слов «ѕѣло веселѧсѧ дх҃мъ» (л. 10об.: 18) пропущено «гл҃ѧ»; «и *с прочї*|*а* строєнїа монастырьскаѧ» (л. 11: 2–3) вместо «прочаа»; «*аще*| *не гл҃емъ*» (л. 11: 3–4) вместо «аще и не гласомъ»; «аз же гл҃ю *гл҃ы*| чю(д)ными ѿ вещеи» (л. 11: 4–5) вместо «и гласы»; «ꙗко(ж) трꙋбами| *гласѧщими*» (л. 11: 5–6) вместо «гласѧще»; «согꙋбо (sic!) помощь| бж҃їа *поспѣваше* ємꙋ» (л. 11: 9–10) вместо «поспѣшьствоваше»; «ꙗко(ж) *б҃гъ жи*|*вы*(*м*) *бы реклъ. и ѡ*(*н*) *реченнаѧ* воскорѣ| всѧ свершааше» (л. 11: 10–12) вместо «бы рещи ѡ(н) начинаа б҃гъ же»; «*пост҆ническы*(*м*) *собо*|*ромъ*» (л. 11об.: 8–9) вместо «и постническы(х) собори»; «и єлико *имꙋщи*(*х*) лице б҃га иꙗковлѧ» (л. 11об.: 11) вместо «ищꙋщи(х)»; «*прози*|*рахꙋсѧ* имѣнїа» (л. 11об.: 16–17) вместо «презирахꙋсѧ»; «повсюдꙋ бо бѣ *никоново* слышати» (л. 11об.: 20) вместо «никоново имѧ»; после слов «сїа же и ина многа пооучивъ» (л. 12: 16) пропущено «и(х)»; «*Нѣкто бѣ* инокъ тоѧ (ж) ѡбители» (л. 12об.: 19) вместо «Нѣкыи бо»; «во єдинꙋ ѿ весе(и)|| *монастырьскы*(*х*)» (л. 12об.: 22–13: 1) вместо «монастырѧ оного»; «послѣди (ж)| ре(ч) емꙋ *блж҃ныи*» (л. 13: 5–6) вместо «прп(д)бныи»; «єда *ка*|*ко*» (л. 13: 6–7) вместо «когда»; «и тамо *до*|*стиже* єго соу(д)» (л. 13: 12–13) вместо «постиже»; «во|племъ *великы*(*м*) вопиѧ» (л. 13: 21–22) вместо «крепкы(м)»; «*мо*|*лѧ* с плаче(м)» (л. 13об.: 3–4) вместо «молѧсѧ»; «и *тако* ємꙋ пребы(в)шю нѣколико вре|мѧ» (л. 16: 12–13) вместо «тамо»; «пакыи| *в болѣзнь впа*(*де*)» (л. 16об.: 10–11) вместо «болѣзни нашедши на нь»; после слов «во ѡбитель прп(до)бны(х)» (л. 16об.: 14) пропущено «отець»; «*что* лїцемѣрѧсѧ[8]» (л. 16об.: 17) вместо «что оубо»; «идѣже во|злюбилъ єси *житиє*» (л. 16об.: 21–22) вместо «жити»; «к на(м) же ника||коже *приходиши*» (л. 16об.: 22: 17: 1) вместо «приходи»; «сиє же мало| нѣчто *написахо*(*м*) *и предахо*(*м*)» (л. 17: 15–16) вместо «писаниємъ

[8] Буква «ї» исправлена из «е» более светлыми чернилами.

предахо(м)»; «к ревно|сти *предателемъ*» (л. 17: 16–17) вместо «послѹшателемъ»; «*прочиє* слово» (л. 17: 18) вместо «прочее зде»; «конець. да *восприи|ме*(*м*)» (л. 17: 18–19) вместо «восприиме(т)».

Заключение

Рассмотренная версия Жития Никона Радонежского содержит изменения текста, которые можно расценить как сделанные сознательно и единовременно, и по своему текстологическому статусу должна быть признана редакцией памятника. В тексте содержатся 24 из 25 заимствований из Похвального слова патриарху Евфимию Тырновскому, включенных Пахомием Логофетом в текст 1-й редакции Жития Никона; исключено было только самое короткое, состоящее всего из 3 слов (О–О). Эта редакция восходит сразу к двум редакциям Жития Никона (1-й и 2-й), подобно тому как 3-я Пахомиевская редакция Жития Сергия Радонежского объединяет чтения 1-й Пахомиевской и 2-й Пахомиевской редакций того же памятника. Некоторые изменения в ее тексте находят параллели среди изменений, которым подвергался текст Жития Сергия Радонежского при его редактировании Пахомием Логофетом. Вероятнее всего, новая редакция Жития Никона связана с очередным пересмотром Жития Сергия Радонежского, в результате которого возникла 5-я Пахомиевская редакция. Установлено, в частности, что в 5-ю Пахомиевскую редакцию было включено сообщение из Жития Никона о росписи Троицкой церкви Андреем Рублевым [2. С. 207]. Примечательно, что в пяти рукописях содержатся списки 3-й Пахомиевской редакции Жития Никона и 5-й Пахомиевской редакции Жития Сергия: *Тр. 762*, *Тр. 643*, *Соф. 1384*, *Солов. 518/537*, *Q.I.999* [2. С. 207–209. № 1, 6, 4, 5, 8]. Не менее примечательно, что старшие списки всех трех пахомиевских редакций Жития Никона сохранились в собрании Троице-Сергиевой лавры РГБ (*Тр. 116*, *Тр. 763*, *Тр. 762*).

Таким образом, мы имеем достаточные основания считать рассмотренную редакцию принадлежащей агиографу XV в. Пахомию Логофету. Старший список *Тр. 762* датируется 60-ми годами XV в. [2. С. 235. № 2], поэтому датировку 3-й Пахомиевской редакции Жития Никона нужно относить к периоду не позднее этого времени.

Творческую историю памятника следует дополнить новыми данными. Житие Никона Пахомий Логофет перерабатывал по крайней мере дважды (первый раз не позднее 1450-х, второй раз – не позднее 1460-х годов), по всей видимости в связи с переработкой Жития Сергия Радонежского. Все три редакции Жития Никона были составлены во время пребывания агиографа в Троицком монастыре, вследствие чего наиболее ранние и наиболее исправные из известных списков каждой из редакций оказались в собрании Троице-Сергиевой лавры РГБ. Однако изучение рукописной традиции памятника должно быть продолжено. По данным предварительного текстологического анализа старший список 3-й Пахомиевской редакции *Тр. 762* содержит наименьшее число ошибок и лучше других списков представляет авторский текст. Этот список публикуется в приложении к статье.

3-я Пахомиевская редакция Жития Никона Радонежского

В основу издания положен список РГБ, ф. 304/I (главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой лавры), № 762, 60-е годы XV в., л. 60об.: 1–70об.: 5. Текст публикуется по тем же правилам, что и 1-я Пахомиевская (Краткая) редакция Жития [14. С. 366–374].

В примечаниях приводятся некоторые чтения списков *Больш. 20*, *Вяз. Q.273*, *Соф. 1384*, *Солов. 518/537*, *Тр. 643*, *Q.I.999*, подтверждающие чтения издаваемого списка или отражающие изменения в поздней рукописной традиции, которые могут помочь выявлению общих ошибок списков и построению stemma codicum. В некоторых неочевидных случаях даются также чтения списка 1-й Пахомиевской редакции *Тр. 116* и списка 2-й Пахомиевской редакции *Тр. 763.*

Издается впервые.

(л. 60об.) [9]**ѿ ЖИТЬѧ**[9] **ПРП(Д)БНАГО ѡЦ҃А НАШЕГО НИКОНА ꙋ҃|ченика бывша блж҃наго сергїа,| сведено въкратцѣ ѡ(ч) блг(с)ви** ·:·|[10]

1. О рождении, приходе к Сергию и пострижении в Высоцком монастыре

Сеи блж҃ныи дх҃оносныи ѡ҃ць нико|нъ, рож(д)енїє имѣаше гра(д) юръєвъ| зовомъ, єще же ѿ юнаго възраста| изволи б҃оу работати, и приходи|ть [12]къ[11] блж҃номоу[12] сергию, и моли(т)| єго въ єже ѡблещи[13] въ иночьскы|и ѡбразъ, ѡн҆ же посылаєть єгѡ| въ монастырь высокоє нарицає(м),| къ своємоу оучн҃коу аѳанасїю| именемъ[14], и тамо повелѣнїємъ| блж҃наго сергїа възлагають на нь| ино(ч)скыи ѡбразъ, ибо того пре(д)ре|ченаго монастыр҃а начало сътво|ри прп(д)бныи сергїє, и тамо блж҃же|номоу никоноу пребывающоу въ| вс҃акомъ послоушанїи, и сми|ренїи,

2. О поставлении в священники и о втором приходе к Сергию

доспѣвшоу (ж) ємоу съвръше|наго възраста, и сщ҃еньствоу та‖мо (л. 61) сподобльшоус҃а, и пакы приходи(т),| къ великомоу сергїю въ ѡбитель,| и ѿ сего навыкъ ꙗко ѿ искоусна во|ж(д)а всемоу иночьскомоу житїю,| sѣло бо люблѧше сего с҃тыи и [A]-сло|вомъ оученїа ꙗко дож(д)ь напоаше| дш҃оу єго, коупно же и тои раст҃|ше оуср(д)ьємь и вѣрою єже къ с҃то|моу, и плодъ дх҃вныи по ап(с)лоу по|слоушанїа приношааше,[-A] (Рим 6: 16–23) єлма же| ѡ҃ць зр҃а сего блг҃очинїє, повелѣ|ваєтьємоу съ собою въ келїи пре|бывати, тои же съ вс҃акымъ тща|нїємъ оуср(д)но повелѣн҆наа ѿ ст҃го| сътвор҃аше, и не ꙗко на чл҃вка въ|sираа, но ꙗко пре(д) б҃мъ слоужа(а)ше| мн҃ос҃а, и ꙗко ѿ самыхъ х(с)выхъ| оустъ ѿ ст҃го ре(ч)н҆наа прїимаше,| и єлико многымъ ѡбразъ быти| зр҃ащи(м) таковаа ѿ него, тѣм҆же| и ѡ҃ць sѣло весел҃шес҃а зр҃а сего до|броє произволенїє, и сице въ малѣ(х)‖ (л. 61об.) дн҃ехъ посредѣ ѡнѣхъ старець, та|ко сїаше, [B]-ꙗко плотїю єдиною оу|маленъ ѿ агг҃лъ познаватис҃а,|-[B] и ѿсоудоу [C]-показоуашес҃а како на| конци

---

[9] «М(с)ца того (ж) въ. з҃і. дн҃ь. житїе» *Больш. 20*, л. 302: 1; «м(с)ца ноꙗ(б)р҃а. в҆. з҃і.| дн҃ь. житїе» *Q.I.999*, л. 226: 23–24.

[10] На нижнем поле листа запись другим почерком: «никона пам҃ть ноєвриа въ. з҃і.».

[11] Буква «ъ» исправлена из «о».

[12] «къ с҃то|моу» *Соф. 1384*, л. 242об.: 7–8; *Солов. 518/537*, л. 424: 18; *Тр. 643*, л. 165: 6; *Q.I.999*, л. 226об.: 6; *Больш. 20*, л. 302: 7

[13] Буква «щ» исправлена из «н».

[14] В рукописи «имememъ».

съвръшен҆наго възраста бꙋ|де(т), ꙗкоже и въ бл҃горо(д)ныхъ садѡ(х)| бываєть, єгда ѿ пръваго проѕѧбе|нїа пре(д)възвѣщають дѣлателю| настоащимъ видомъ цвѣта и|же напослѣдокъ добротоу плода,|-C тако ж(д)е и сего ра(з)соудителны(и) ѡц҃ь| сматрѧа вноутренима ѡчима| познаваше напослѣдокъ хотѧ|щаа быти, и помышлѧше сего па|стырѧ ѡбители своєи оустроити| єже и бы(с),

3. О предсмертном завещании и преставлении Сергия. О поставлении в игумены

и по нѣколицѣхъ време|нехъ, преж(д)е шести(х) м(с)ць своєго пре|ставленїа, призыває(т)| весь ликъ| ѡц҃ь своєа ѡбители, и семоу пре(д)| всѣми, аще томоу и не хотѧщоу| монастырьскоє строенїє, ꙗко искꙋ|сноу вож(д)оу блж҃номоу никоноу|| (л. 62) предаєть ра(з)соудителныи ѡц҃ь, D-са|мъ же краинеє безмлъвїа любомꙋ|дръствоваше,-D E-єлма же ѡнъ пови|новашесѧ повелѣнїю ѿч҃ю и бра|тїи попеченїа прохож(д)аше слоу(ж)бꙋ,|-E не токмо ѡ телесныхъ но множає| паче ѡ дхв҃ныхъ, F-по малѣ же вре|мени и[15] дх҃оноснаго ѡц҃а къ г(с)оу ѿ|ше(д)ша, многыми почитаєть сле|ѕами, и ч(с)тнѣ гробоу предаєть,| новы(и) исаакъ новаго авраама,| или ꙗкоже дроугыи єлесеи в҆мѣ|сто милоти тѣло наслѣдова ѿч҃е|є,-F

4. Об исправлении научений Сергия

и ꙗко видѣ блж҃ныи ѿц҃а къ г(с)ꙋ| ѿше(д)ша, и всѧ єлика слыша нака|занїа ѿ него, тщашесѧ собою и|справити, G-и не бѣ погрѣшно ѿнꙋ(д),| понеже бо и преж(д)е слышанїа та|коваꙗ на оучители ѡчима зрѧ|ще ѡбразъ бѣ къ наказанїю, до|воленъ и кромѣ словесъ себѣ пре(д)|лагаа дѣлы всѣмъ пръвоѡбра||зна-G (л. 62об.) H-ꙗко ѿ єдинаго видѣнїа токмо| и ѡбычаꙗ оустроєнїю довол҆ноу| преподаваше зрѧщимъ пльзоу,|-H постъ же єго и млт҃воу и нощноє| стоанїє, равностоателнѣ приоу|подобити бесплотнымъ, что же| пакы оутаити сїа ѡчима зрѧщи(х)| тщашесѧ I-страдаше подобнѣ ѡно|моу, иже свѣтило посредѣ сть|кла оутаити[16] хотѧщемꙋ,|-I

5. О нашествии Едигея и о видении Сергия и Петра и Алексея митрополитов

в҆ремени же прише(д)шоу ѕѣло съ|кръби велицѣ, понеже слышаше|сѧ безбож҆наго єдегеꙗ съ прочи|ми вар҆вары нашествїє съ сила|ми оубо великыми, и бѧше оубо| все православїє въ страсѣ ѕѣло| оутѣснѧємо, что же блж҃ныи, оу|мнѣи ѡчи на н҃бо възве(д) коупно же| и роуцѣ въ своємъ правилѣ в нощї| молѧшесѧ, и мл҃твы ст҃го ѿц҃а прї|зываше помолитисѧ къ ѡбщему| вл(д)цѣ х(с)оу, ꙗко да не предасть въ за||поустѣнїє (л. 63) мѣсто ѡно ѿ безбожь|ныхъ, семоу же бываємоу, сѣдъ| мало почити, и абїє ꙗко въ истꙋ|плени бы(с), ꙗвисѧ ємоу великыи се|ргїє съ двѣма архїєреѡма съ петро|мъ новымъ чюдотворцемъ и але|ѯѣємъ, ꙗвлѧюще ꙗко тако ре(ч) сꙋ|д҆бамъ бж҃їимъ изволисѧ, V-ты же| чадо не скръби,– V аще бо и наказанї|є бж҃їє къ покаанїю посласѧ, но| в малѣ боудеть и кон(е)чнаго запоу|стѣнїа свободно, ѡбитель же бо|л҆ми распространит҆сѧ, и тако чю|дотворивии блг(с)вивше блж҃наго| никона миръ прирекше, и абїє| невидимы быша, възбноувъ же| блж҃ны ѿ видѣнїа скоро притече| къ дверемъ келїи, и видить келї|ю затвореноу ѡбычно, и оубо ѿвръ|зъ видить ꙗвлено ст҃хъ ꙗвльшихъ|сѧ ѿ келїа грѧдоущихъ, и ѿ сего ра|зоумѣ истиноу быти безбожны(х)|| (л. 63об.) нашествїє, что же блж҃ныи ꙗко| пре(д)оувидѣ волѧ г(с)нѧ да боудеть ре(ч)| бываємоє,

---

[15] Нет *Тр. 116*, л. 416: 1; *Соф. 1384*, л. 243об.: 18; *Солов. 518/537*, л. 425: 19–20; *Тр. 643*, л. 166об.: 14; *Q.I.999*, л. 227об.: 21; *Вяз. Q.273*, л. 249: 16; *Больш. 20*, л. 303: 10

[16] Первая часть слова «оу» написана поверх замытого текста, затем идут несколько замытых букв, затем по чистому листу оставшаяся часть «таити».

6. Об исполнении пророчества и разорении монастыря

и понеже [J-]мало времѧ| преиде, и проречен҃наа начало прї|имахоу, и варваромъ страны ѡнї| плѣноующимъ[-J] доспѣша и блж҃на|го ѡ҃ца ѡбители, и всѧ єлика ѡбрѣ|тоша ѡгню предаша, блж҃номоу| же съ братїами оуклоньшоусѧ|[17] мѣсто даа гр҃ѧдоущемоу гнѣвꙋ,| варваро(м) же ѿшедшимъ, пакы бла|женыи къ ѡбители възвращаєть(с),| и видить възлюбленнoє ѡно мѣ|сто и троуды ѡц҃а ѡгнемъ съжъ|же|ни, что оубо не подобаше блж҃нои| ѡнои д҃ши печалныхъ въспрїати| и сѣло рыдати тогда зр҃ѧ єлика бѧ|хоу ст҃го єго ѡц҃а пам҃ѧте(м) достои|на, всѧ попранна ѿ безаконн҃ныхъ,| [K-]но оубо не ниспаде печалїю, не оу|ны или ѡслабѣ[18] ѿ подвига, или па|кы ч҃то провѣща мало или велико‖ (л. 64) тогова любомоу(д)рїа недостоинъ гл҃ъ.| никакоже,[-K] но абїє въстаєть моу|жьскы [L-]ꙗкоже нѣкыи доблествъ|ныи воєвода побѣж(д)енъ бывъ ѿ| съпротивныхъ[19], не даєть плещи| въ конець, но пакы съвъкоупль|сѧ, съставл҃ѧєть побѣдоу, тако| ж(д)е и сеи[-L] чю(д)ныи моужь,

7. О строительстве монастыря

[M-]понеже| цр҃кꙋь съгорѣвшю видѣвъ, множа|ишимъ подвигомъ въдає(т) себе[-M] и| бра(т)ю събравъ, и скрꙋбнаа с радость|ю приносити наказавъ, [N-]и абїє прь|вѣє цр҃кꙋь малоу въздвизає(т) въ| славоу ст҃ыа тр(о)ца,[-N] по семъ же и про|чаа тр҃пе|за[20] и келїи и всѧ єже[21] въ| потребоу ноужноую монастыр҃ѧ о|ного, и по малѣ съвѣщеваєть съ| братїєю єже въз(д)вигноути храмъ| ст҃ыꙗ тр(о)ца цр҃кꙋь камена[22] на(д) гробо(м)| своєго ѡц҃а, и зъдчїи ѿвсю(д) събравъ,| и тако всемогоущемоу бо҃у произво|ленїю єго поспѣшьствоующоу, цр҃кꙋь‖ (л. 64об.) прекрасноу въздвиже въ похвалꙋ своємоу ѡц҃ю єгоже млт҃вы[23] непре|стан҃но пре(д)вар҃ѧю|ще в помощь прї|сномоу ч҃ѧдоу, и тако многами| добротами оукрасивъ тоу, но оу|бо зр҃ѧ сию по(д)писанїємъ неоукра|шеноу, сѣло болѣзноваше[24] дх҃мъ,| и тщашесѧ всѧко и симъ оукраси|ти ю, но оубо ѿ нѣкыхъ братїи въ|збран҃ѧємъ бѣ прилоучив҃шихсѧ| прискрꙋбныхъ скоудости ради,| но прп(д)бныи побѣж(д)аємъ великы|мъ желанїємъ и вѣрою и в семъ| пребываа непреложенъ єже оузрѣ|ти своима ѡчима цр҃кꙋь съврꙋше|ноу и симъ оукрашеноу и събира|єть скоро живописци моужїє и|зр҃ѧ(д)ны сѣло, всѣхъ превъсход҃ѧ и| в҃ добродѣтелехъ съвръ(ше)ни, дани|лъ именемъ, и ан(д)рѣа спостни(к) єго| и нѣкыхъ с ними, спѣшно бо тво|р҃ѧше дѣло сїє, ꙗко нѣчто прови‖дѣ (л. 65) дх҃мъ въскорѣ дхвн҃ныхъ ѡ|нѣхъ моужїи живописцевъ| ѿ житїа сего и своє преставле|нїє, єже по малѣ и по съврꙋше|нїи дѣла и бы(с), но бо҃у помогаю|щоу скончати дѣло прп(д)бнаго| абїє касаютьсѧ ємоу оуср(д)но,| и сѣло различными по(д)писа|н҃ми чю(д)нѣ оудобрив҃ше тоу, мо|гоуща зр҃ѧщихъ всѣхъ оудиви(т)| и дон҃нѣ, конечноє се роукодѣ|лїє въ пам҃ѧть себѣ прп(д)бнїи ѡ|ставльше[25], и по семъ мало нѣ|что пребыв҃ше, абїє

---

[17] Далее затерты 2 буквы, предположительно «въ».
[18] Буква «ѣ» исправлена из «и»; «ѡслаби» *Соф. 1384*, л. 245: 18; *Больш. 20*, л. 304: 21; «ѡслабѣ» *Солов. 518/537*, л. 426об.: 4; *Тр. 643*, л. 168об.: 18; *Q.I.999*, л. 229: 21; *Вяз. Q.273*, л. 250об.: 15
[19] Первая буква «ъ» исправлена из «о».
[20] «трапезоу» *Соф. 1384*, л. 245об.: 8; *Солов. 518/537*, л. 426об.: 15; *Тр. 643*, л. 169: 15; *Q.I.999*, л. 229об.: 11; *Больш. 20*, л. 304об.: 9
[21] «ꙗже» *Соф. 1384*, л. 245об.: 8; *Солов. 518/537*, л. 426об.: 15; *Тр. 643*, л. 169: 16; *Q.I.999*, л. 229об.: 12; *Больш. 20*, л. 304об.: 9
[22] «камѧ(н)ноу» *Тр. 116*, л. 417: 21; «каменꙋ» *Тр. 763*, л. 410об.: 5; *Соф. 1384*, л. 245об.: 12; *Солов. 518/537*, л. 426об.: 18; *Тр. 643*, л. 169: 20; *Q.I.999*, л. 229об.: 15; *Вяз. Q.273*, л. 251: 8–9; *Больш. 20*, л. 304об.: 12–13
[23] «млт҃ва» *Соф. 1384*, л. 245об.: 17; *Больш. 20*, л. 304об.: 17
[24] «болѣ‖зноваша» *Солов. 518/537*, л. 426об.: 25–427: 1
[25] «ѡстави|вше» *Соф. 1384*, л. 246: 18–19; *Больш. 20*, л. 305: 16

смѣреныи| ан(д)рѣа ѡставль сию жизнь къ| г(с)оу ѿиде преж(д)е, таже послѣ|-ди и спостникъ єго даниилъ| преч(с)тныи ѡба добрѣ поживъ|ша, и въ старости ч(с)тнѣ блг҃ы|и конець приаша, єгда бо хотѧ|ше данилъ телеснаго съоуза ра|зрѣшитисѧ, абїє видить въ||злюбленнаго (л. 65об.) ємоу преж(д)еѿше(д)|шаго, ан(д)рѣа въ радости призыва|юща єго, данилъ же ꙗко видѣ а|н(д)рѣа єгоже желаше, сѣло радо|сти исплънивъсѧ, и братїи пре(д)|стоащимъ ємоу исповѣдаше| пришествїє спостника єго, и та|ко въ радости предасть дх҃ъ свои| г(с)ви, видѣвъ же блж҃ныи нико|нъ цр҃квь съвръшеноу, сѣло ве|селѧшесѧ дх҃омъ, <гл҃ѧ.>[26] бл҃годарю тѧ| х(с)е всѣхъ ц(с)рю ꙗко не презрѣлъ| єси моє прошенїє, но даровалъ| ми єси сїа всѧ моима оузрѣтї| ѡчима, многыми и иными| добротами оукрасивъ тоу, ꙗ|коже и сама доброта цр҃квнаа,| и прочаа строєнїа монастыры|скаꙗ [Y-]аще и не гл(с)мъ вещьми же,| азъ же гл҃ю и гл҃сы чю(д)ными ѿ| вещеи ꙗкоже троубами гласѧ|ще. и проповѣдоують ст҃го подвї‖гы, (л. 66) неже[27] на невидимыа врагы| боренїа,[−Y] и єлико бо єго по чл҃вчь|скомоу потщанїє[28], соугоубо по|мощь бж҃їа поспѣшьствоваше| ємоу, ꙗкоже бы рещи ѡнъ на|чинаа, б(г)ъ же въскорѣ всѧ съвръ|шаше, єлма же єлика скръбна|а бѧхоу ѡчима зрѧщихъ мона|стырьскоую красотоу съгорѣ|вшоу, соугоубо веселїє приима|ша[29] тѣхъ дш҃а второє сеꙗ зрѧ блг҃о|лѣпїє,

8. О процветании монастыря

[P-]тѣмъ и ѿсѯдоу повсю|доу ꙗвлена бѧше моужа добро|дѣтель, и ꙗко пръстомъ того| показоуаше єже ѿ житїа, и є|же ѿ слова солїю растворен҃на,| єже ѿ смѣренїа и єже ѿ самого| строєнїа монастырьскаго,[-P Q-]ꙗко| свѣдѣтельствоуєть[30] того поты| и троуди єще въ телѣ ѡбрѣтаю|щїисѧ тоа ж(д)е ѡбители иноцї| свѣдѣтеле извѣстнии,[-Q R-]къ си(м)‖ (л. 66об.) и слово ап(с)льскоє исплънѧємо ві|дѧше-сѧ, єже роуцѣ мои послоу|жиста мнѣ и соущимъ со мно|ю, (Деян 20: 34) и дѣломъ оувѣрѧше[31] гл҃емоє,|[-R S-]къ симъ и оучн҃къ ликъ зрѧше|сѧ и пост҃ничьскыхъ събори, є|лико ч(с)тнъ, и єлико доволенъ,| нарицатисѧ такова ѡц҃а чѧдо(м),| єлико ищоущихъ лице б҃а иꙗко|влѧ,[-S] и что многогл҃ю всѧ соугѯба познавахоусѧ блг(д)тью х(с)вою,| єлико при блж҃нѣмъ ѡц҃и сергї|и много множае[32] н҃нѣ, [T-]и бѣ чю(д)|но видѣти, и промысла бж҃їа| достоино творимоє, презира|хоусѧ имѣнїа, дѡмы и ѿчьства,| и сеи чю(д)ныи никонъ искашесѧ,| за єже подати тѣмъ дхвнoую пї|щю,[-T U-]повсюдоу бо бѣ никоново и|мѧ слышати, ꙗко сщ҃енїє нѣко|є ѡбносимо,[-U] и всѧкыми оусты| чл҃чьскыми хвалимо,

9. О преставлении

живъ же‖ (л. 67) ст҃ыи в томъ добромъ настоате|льствѣ приложивъ се(д)мь къ трї|десѧтимъ лѣтомъ, ничтоже| ѿ подвига погрѣшивъ єлика вї|дѣ ѿ ѡц҃а всѧ добрѣ исправивъ,| и вроученноє ємоу стадо ѡ х(с)ѣ| оупасъ, и къ вышнимъ подви|затисѧ наказавъ, и м(с)ца ноєврї|а телеснымъ недоугомъ ѡбїа|тъ

---

[26] Дописано на поле.
[27] «неже» *Соф. 1384*, л. 246об.: 18; *Солов. 518/537*, л. 427об.: 19; *Тр. 643*, л. 171: 10; *Q.I.999*, л. 231: 4; «и е(ж)» *Вяз. Q.273*, л. 252: 21
[28] «тщанїє» *Тр. 116*, л. 418: 20; «тщанїе» *Тр. 763*, л. 411об.: 14; «тщанїе» *Соф. 1384*, л. 246об.: 20; *Солов. 518/537*, л. 427об.: 20; *Тр. 643*, л. 171: 12; *Q.I.999*, л. 231: 5; «почтанїе» *Вяз. Q.273*, л. 252: 23
[29] «прїи|маше» *Q.I.999*, л. 231: 11–12; *Вяз. Q.273*, л. 252об.: 2
[30] «свѣ(д)тельствѯ[е]<ю>ть» *Соф. 1384*, л. 247: 7; «свѣдѣтель|ствѯеть» *Солов. 518/537*, л. 428: 5–6; «свидѣте|ль(с)твѯють» *Тр. 643*, л. 171об.: 6–7; «свѣдѣтель|ствѯю(т)» *Q.I.999*, л. 231: 18–19; «сви(д)тельствѯю(т)» *Вяз. Q.273*, л. 252об.: 11
[31] Буква «ш» исправлена из «щ».
[32] доб. «паче» *Соф. 1384*, л. 247: 20; *Солов. 518/537*, л. 428: 16; *Тр. 643*, л. 172: 2; *Q.I.999*, л. 231об.: 8

бы(с), и призываєть братїю и| всеωсщен҃ныи съборъ, пооучи|въ ихъ ω пльзѣ, [X]-заповѣдеи г(с)нї|хъ дръжатиса, и вѣроу съхра|нити непорочноу, єюже ради| не токмо къ вл(д)цѣ познаваєть|са любовъ, но и сла(в) послѣдоує(т)| иже сїа съхран҃шимъ,[-X] сїа же и ї|на многа пооучивъ и(х), проюавле|но же ємоу бы(с) юако(ж) пре(д) ре(ч)са ωше|ствїє єго в малѣ времени по пре|ставленїи ωнѣхъ живописце|въ, тако ж(д)е и зде съ блж҃нымъ‖ (л. 67об.) ωцмъ оуготован҃ное ємоу поко|ище, и пре(д)стоюащимъ ємоу оуче|нико(м) глш҃е, ѿнесете ма прочеє| въ ωно свѣтлоє жилище, иже оу|готоваша ми ѿц҃а моєго млт҃вы,| сїа же на многъ ча(с) горѣ къ высо|тѣ роукою показоуюа глш҃е, и а|бїє ч(с)тноє и пр(с)тоє тѣло и кровь| г(с)а нашего і(с)с х(с)а добраго споутнї|ка приимъ, и братїи послѣ(д)нее| блг(с)внїє ωставль, ч(с)тноую и трд҃олюбноую дш҃оу съ млт҃твою| г(с)ви ѿдасть того же м(с)ца въ. ѕ҃.| братїа же проводивше єго ч(с)тно| ѱлмопѣнїемъ, и на(д)гробными| юакоже достоить ѿц҃а почет҃ше,| близь ракы прп(д)бнаго сергїа поло|жиша, идѣже ωбрѣтаютса| и донн҃ѣ ч(с)тныа єго и цѣлебныа мощи, исцѣленїа всѣмъ по|дающе и(ж) вѣрою приходащи(м),| ѿ нихже нѣчто рече(м) ѿ многы(х) мало,‖ (л. 68)[33]

10. Чудо первое, об Акакии

Нѣкыи бо инокъ тоюа ж(д)е ωбите|ли, акакїє имя ємоу, єще в се|и жизни блж҃номоу никоноу,| посылаємъ бы(с) ѿ него на слоуж҃бд҃| въ єдиноу ѿ весеи монастыра о|ного, ωнъ же не повиновашеса| гл҃а. юако не на се ѿрекох҃са[34] мира,| въ єже веси и грады ωбходити мї,| и много блж҃номоу молившоу є(г)| но тои не послоуша, послѣди же ре(ч)| ємоу прп(д)бныи, блюди брате єда| ког(д)а[35] своимъ произволенїемъ| ωбращешиса тамо и мьздоу ωсъ|лоушанїа въспрїимеши, по престa|вленїи же блж҃наго никона пре(д)ре(ч)|н҃ныи акакїє завѣнїю предавъ ре(ч)|ннаа ѿц҃емъ, ѿходить въ пре(д)ре(ч)нь|ноую весь, и тамо[36] постиже єго соу(д)| проре(ч)нныи ст҃мъ, исх҃стоупивъ бо| оумомъ, и тако братїами приве|денъ бы(с) въ монастырь, и юависа| ємоу ωц҃ь никонъ дръжа жезлъ‖ (л. 68об.) в роуцѣ своєи прѣта ємоу гл҃а,| на се ли ѿре(ч)са мира ω (а)какїє въ| єже веси и грады ωбходити ми| реклъ єси, ωнъ же начатъ тре|петати страхомъ сѣлнымъ о|дръжимъ на многы дн҃и воплемъ| крѣпкымъ вопїа ωле ноуж(д)а ѿц҃ь| никонъ немл(с)тивно повелѣ ма| моучити, и тако ємоу стражд҃щоу и пребывающю оу ракы прп(д)ω|бныхъ моласа съ плачемъ ω съ|грѣшенїи своємъ, тако же и бра|тїамъ молящемса ω немъ, и| блг(д)тїю х(с)вою и млт҃вами ст҃ыхъ| раз(д)рѣшенїє полоучивъ братъ,| бы(с) здравъ и смысленъ, юако(ж) и преж(д)е·:|

11. Чудо об исцелении больного, о Семене Антонове

Се же ино скажемъ писано въ жи|тїи ст҃го сергїа ω сїмеωнѣ анто|новѣ чюдо чти ·:·[37]

12. Чудо о Матфее архимандрите

[38]**о ма(т)фѣї архїман(д)рї|тѣ|**[38]

Не по(до)бае(т) и сего забытїю предати,| єже въ нынѣшняа наша лѣта бы(с)| моужь ч(с)тнъ блг҃оговѣинъ всѣ‖ми (л. 69) знаємъ, начало имѣа ωби|тели великаго сергїа. съдръжа|и высочаишоую архиман(д)ри|тїю госпо(д)ствоующаго

---

[33] Далее следует киноварный заголовок: **«чю(до). а҃, е. ω акакїи инокѣ»** *Q.I.999*, л. 232об.: 7
[34] Буквы «рек» написаны поверх замытого текста.
[35] Буква «а» исправлена из «о».
[36] Буква «м» исправлена из «к».
[37] Конец списка *Вяз. Q.273*
[38] доб. **«чю(до). в҃, е»** Q.I.999, л. 233об.: 1; нет *Тр. 643*, л. 174: 12

града| мос҆квы, и тамо ємоу пребы|в҆шоу нѣколико времѧ, и в бо|лѣзнь в҆паде, и привезенъ бы(с) въ| монастырь ст҃го сергїа, и мало| ємоу тоу пребыв҆шоу, и[39] абїє мо|литвами бл҃жныхъ ѿц҃ь исцѣ|ленїє полоучи, но славою сана| побѣж(д)аємъ ꙗкоже и въ мно|зѣхъ слоучаєтсѧ, пакы въ|звращаєтсѧ въ пре(д)речен҆ныи| монастырь на ар҆хїман(д)рить|ство, ꙗко тамо ч(с)ти и покланѧ|нїю ѿ всѣхъ и събранїю многꙋ| сподоблѧємоу, и пребы(с) тамо| времѧ вѣроу имѣа великоу къ| ѡбители ст҃хъ, но г(с)оу б҃оу м҃лтва|ми прп(д)бныхъ полезнаꙗ строа|щоу ѡ немъ, абїє в недꙋгъ в҆паде,|| (л. 69об.) и пакы ѿвезеноу ємоу бы|въшоу въ ѡноу ѡбитель[40] ст҃ыхъ,| и оу ракы бл҃жныхъ пребыв҆шꙋ| и пакы исцѣленїє полоучивъ|шоу, но и тако не позна наказа|нїа. абїє възвращаєтсѧ въ пре(д)|ре(ч)н҆ноую ємоу, ар҆хїман(д)ритїю,| и по малѣ времени пакы болѣзь|ни наше(д)ши[41] на нь и тако сълежа|щꙋ ємоу въ немощи и въ истоу|плении бывъшоу, зрить себе прї|ше(д)шоу[42] въ ѡбитель прп(д)бныхъ|[43] ѡц҃ь, и срѣте єго бл҃жныи ѡц҃ь| никонъ дръжа жезлъ въ роуцѣ| своєи ѡбличаа єго и гл҃ѧ, что оу|бо лицемѣрѧсѧ к намъ прихо|диши болѣзнью оутѣснѧємъ,| и исцѣлениє полоучивъ пакы| ѿходиши ѿ на(с) к наслаж(д)енїю| соуєтномоу, но ѿн҃нѣ пребоудї| тамо идѣже възлюбилъ єси жї|ти, к намъ же никакоже при||ходи, (л. 70) възбноувъ же пре(д)ре(ч)н҆ны|и ар҆хїман(д)ритъ ѿ видѣнїа стра|хомъ ѡдръжимъ позна себе по|грѣшивша истин҆наго поути,| ѡ наказанїи г(с)ни неб҆рег҆ша исхо|дѧща[44] ѿ обители бл҃жныхъ ѡц҃ь,| и абїє ѿходить скоро къ ѡбите|ли ст҃ыхъ, и помысли не възвра|титисѧ въспѧть, исповѣда|ше же братїи мл(с)тивноє наказа|нїє бл҃жнаго ѡц҃а никона, и тако| мало поболѣвъ въ покаанїи и| добрѣ исповѣданїи [45]къ г(с)оу[45] ѿи|де, и положенъ бы(с) съ ѡц҃и,

13. Заключение

мно|га же и ина чюдеса бл҃жнаго ꙗже| преминоухомъ множьства ра(ди)| ꙗже въ животѣ и по см҃рти, сїє (ж)| мало нѣчто писанїємъ преда|хо(м), къ ревности послꙋшателемъ,| ᶻ-мнѣ же ѡ немъ прочеє зде слово| конець да въспрїиметь, иде(ж) ѡнъ| конець житїа въспрїатъ и нача||ло (л. 70об.) жизни вѣчныа, єꙗже боу|ди всѣмъ намъ получити ѡ| х(с)ѣ ї(с)сѣ г(с)и наше(м) ємоуже слава| съ ѡц҃емъ и съ ст҃ымъ д҃хомъ| н҃нѣ и пр(с)но и в вѣкы вѣко(м) ам+|-ᶻ

Сокращенные названия библиотек и древлехранилищ

РГБ Российская государственная библиотека (Москва), Научно-исследовательский отдел рукописей

РНБ Российская Национальная библиотека (С.- Петербург), Отдел рукописей

Сокращенные обозначения рукописей

Больш. 20

РГБ, ф. 37 (собрание Т.Ф. Большакова), № 20, 60-е годы XVI в., л. 302: 1–308об.: 16 [2. С. 237. № 23].

Вяз. Q.273

РНБ, собрание П.П. Вяземского, Q.273, начало 50-х годов XVI в., л. 248: 1–254об.: 10 [2. С. 237. № 17].

---

[39] нет *Соф. 1384*, л. 249: 2

[40] В рукописи «битель».

[41] «напад҆ши» *Соф. 1384*, л. 249: 19

[42] «прише(д)шꙋ» *Соф. 1384*, л. 249: 21; *Солов. 518/537*, л. 430: 5; *Q.I.999*, л. 234: 17; «пришедша» *Тр. 643*, л. 175: 5

[43] Написано поверх замытого текста.

[44] Буква «а» исправлена из «е».

[45] «къ б҃оу» *Соф. 1384*, л. 249об.: 14; *Солов. 518/537*, л. 430: 21; *Тр. 643*, л. 175об.: 6; *Q.I.999*, л. 234об.: 22

Погод. 640

РНБ, собрание М.П. Погодина, № 640, 1 пол. XVII в., л. 6: 1–17: 22 [9. С. 71. Прим. 2; 15. С. 21–23].

Погод. 648

РНБ, собрание М.П. Погодина, № 648, сер. XVI в., л. 57: 21–64об.: 6 [9. С. 71. Прим. 2; 15. С. 29–31].

Солов. 518/537

РНБ, собрание Соловецкого монастыря, № 518/537, 1494 г., л. 424: 11–430об.: 6 [2. С. 235. № 5].

Соф. 1384

РНБ, Софийское собрание, № 1384, 1490 г., л. 242об.: 1–249об.: 27 [2. С. 235. № 4].

Тр. 116

РГБ, ф. 304/I (главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой лавры), № 116, середина 40-х годов XV в., л. 415: 1–421об.: 6 [2. С. 235. № 1].

Тр. 643

РГБ, ф. 304/I (главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой лавры), № 643, конец XV в., л. 164об.: 17–175об.: 19 [2. С. 235. № 6].

Тр. 762

РГБ, ф. 304/I (главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой лавры), № 762, 60-е годы XV в., л. 60об.: 1–70об.: 5 [2. С. 235. № 2].

Тр. 763

РГБ, ф. 304/I (главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой лавры), № 763, 50-е годы XV в., л. 407: 1–415: 7, между л. 412 и 413 утрачены 2 листа [2. С. 238. № 1].

Q.I.999

РНБ, ОСРК, Q.I.999, перв. четв. XVI в., л. 226: 23–235: 25 [9. С. 71. Прим. 2][46].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Ключевский В.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.
2. *Клосс Б.М.* Избранные труды. Т. I: Житие Сергия Радонежского. М., 1998.
3. *Клосс Б.М.* Жития Сергия и Никона Радонежских в русской письменности XV–XVII вв. // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописных книг. М., 1990. Вып. 3. Ч. 2.
4. *Тихонравов Н.С.* Древние жития преподобного Сергия Радонежского. М., 1892.
5. *Творогов О.В.* О «Своде древнерусских житий» // Русская агиография. Исследования. Публикации. Полемика. СПб., 2005.
6. *Кузьмин А.В.* Никон, прп., игум. Троице-Сергиева мон-ря // Православная энциклопедия. М., 2018. Т. 50.
7. *Пак Н.В.* О неизвестном источнике Жития Никона Радонежского // Slavia (в печати).
8. *Барсуков Н.* Источники русской агиографии. СПб., 1882.
9. *Яблонский В.* Пахомий Серб и его агиографические писания. Биографический и библиографически-литературный очерк. СПб., 1908.
10. *Насонов А.Н.* История русского летописания XI – начала XVIII века: Очерки и исследования. М., 1969.
11. *Лурье Я.С.* Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976.
12. *Kałużniacki E.* Aus der panegyrischen Litteratur der Südslaven. Wien, 1901.
13. Великие Минеи Четии, собранные Всероссийским митрополитом Макарием. Сентябрь. Дни 25–30. СПб., 1883.
14. *Пак Н.В.* Об источниках Жития Александра Свирского: глава «о списавшемъ житие святаго» // Slověne. 2017. Т. 6. № 1.
15. Рукописные книги собрания М.П. Погодина: Каталог. СПб., 2004. Вып. 3.

[46] Список любезно указан мне Т.Б. Карбасовой.

АРХЕОГРАФИЯ И ТЕКСТОЛОГИЯ ПРАВЛЕНОГО СЛАВЯНО-РУССКОГО ПЯТИКНИЖИЯ XV ВЕКА: НОВЫЕ ДАННЫЕ

© 2020 г. А.И. Грищенко

Канд. филол. наук, доцент, профессор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН, старший научный сотрудник Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», ведущий научный сотрудник Российской государственной библиотеки

grishchenko.a@pstgu.ru

В статье приведены последние данные об археографии Правленого славяно-русского Пятикнижия – уникального памятника, оставившего глубокий след в истории и славянской Библии, и позднесредневековых иудео-славянских отношений. Особое внимание уделено составу рассмотренных списков, среди которых вводятся в оборот два новых, первой трети XVI в., – из Российской государственной библиотеки и Костромской областной универсальной научной библиотеки.

The article contains the latest data on the archaeographic traits of the Edited Slavonic-Russian Pentateuch that is a unique literature monument which left a deep mark both in the Church Slavonic Bible and in the late medieval Jewish-Slavic relationship. Particular attention has been paid to the composition of the copies considered; amongst them, there have been two new ones entered into academic circulation: these are copies from the first third of the 16th century which are deposited in the Russian State Library and in the Universal Academic Library of Kostroma Oblast.

Ключевые слова: славянская библеистика, четье Восьмикнижие, иудео-славянские отношения, текстология, рукописи, Российская государственная библиотека, Кострома.

Keywords: Church Slavonic Biblical studies, Full Version of the Octateuch, Jewish–Slavonic relationship, textual history, manuscripts, Russian State Library, Kostroma.

DOI: 10.31857/S0869544X0010421-6

После публикации монографии, представляющей данные предварительного лингвотекстологического исследования Правленого славяно-русского Пятикнижия XV в. [1], и итоговой статьи для XVI Международного съезда славистов в Белграде [2], а также серии последующих моих выступлений в том числе с научно-популярными лекциями концепция особой, специфически восточнославянской, с правками и глоссами по еврейским источникам, редакции четьего текста первых пяти книг, выделенных из состава старославянского

перевода Восьмикнижия, до сих пор не вызвали никаких возражений среди специалистов по славянской библеистике, включая датировку и локализацию этой редакции, названной мной Правленым славяно-русским Пятикнижием (далее *П*). Обозначу ключевые позиции, которые были выявлены при изучении *П*:

1) несмотря на наличие множества эмендаций и глосс еврейского происхождения, *П* целиком относится к православной книжной традиции, не будучи ни славянским таргумом[1], ни проводником каких-либо еретических идей[2],– но являясь плодом деятельности ранних восточнославянских христианских «гебраистов», которые занимались изучением библейских переводов на разные языки;

2) именно поэтому *П* – как проект незавершенный и дошедший до нас уже в довольно испорченных списках – находится в тесной связи с завершенным библейским проектом, а именно с Геннадиевской Библией (старший полный список 1499 г.);

3) источников глосс и правок *П* несколько: это не только библейские тексты, происходящие из иудейской среды (сам древнееврейский Масоретский текст и его переводы на диаспоральные языки), но и различные редакции самого церковнославянского перевода Восьмикнижия[3], а также западноевропейские библейские тексты (латинская Вульгата и чешская Библия);

4) ареалом создания *П* могут быть лишь восточнославянские земли Великого княжества Литовского по двум основным причинам: во-первых, это наличие среди глосс, эмендаций и текста «Оглавления» заимствований из «простой мовы» (западнорусского литературного языка), включая полонизмы, а во-вторых – возможность непосредственных контактов православных восточнославянских книжников с тюркоязычной иудейской традицией (в виде тюркского таргума, из которого в *П* имеются явные заимствования) только на указанной территории;

5) время создания *П* можно определить как широко – XV столетие (не ранее его начала в Восточной Европе появились тюркоязычные евреи Золотой Орды, правда известные лишь в караимских общинах[4]),– так и сузив до второй половины XV в., когда на волне европейских гуманистических веяний появился христианский гебраизм как первый этап в истории собственно научного изучения еврейской Библии, а также когда в Киеве действовал

---

[1] О том, что *П* никак не могло использоваться в качестве славянского таргума, писал прежде всего Алессандро Мария Бруни [3. С. 236], его аргументация была также дополнена серьезными аргументами [1. С. 123–128], в том числе о сомнительности происхождения кириллической буквы «Э», которая встречается в ряде списков *П*, из еврейской буквы «алеф» [4]. Однако А.А. Алексеев, которому принадлежит гипотеза о славянском таргуме (и о *П* как славянском таргуме), продолжает настаивать на ней без каких-либо новых аргументов [5. С. 414–415], которые ранее были подвергнуты критике.

[2] Еретический характер «жидовствующих» также ставится сейчас под вопрос (в том числе с учетом того, что *П* свободно функционировало в среде обличителей «жидовствующих»), ср.: «Ересь “жидовствующих” [...] была во многом сконструирована обличителями по образцам, весьма далеким от современной им иудейской религии» [6. С. 173],– тогда как реальным свидетельством взаимодействия православия и иудаизма является как раз *П*.

[3] Влияние на эмендации *П* чтений Полной Хронографической Палеи недавно предположила Т.Л. Вилкул [7. 26–27].

[4] О появлении караимских общин – достоверно тюркоязычных – в славяноязычном окружении Восточный Европы и о формировании их общинных структур в XV в. см. в [8. С. 282–292]. Кроме того, есть данные о том, что и раввинистические, а не только караимские общины этого ареала были тюркоязычными [9].

книжный кружок, деятели которого занимались переводами библейских текстов с еврейских книг на «просту мову» [10. С. 309–310; 11. С. 173].

Однако эти выводы все еще требуют подтверждения в самой основе изучения любого памятника средневековой письменности – в полном описании его свидетелей, в данном случае рукописей (чем занимается археография), и в непротиворечивой истории текста, представленного в этих свидетелях (чем занимается текстология). И здесь приходится признать, что археография и текстология *П* работают пока с предварительными данными. Настоящая статья призвана дополнить эти данные, дав, во-первых, полное и точное археографическое описание двух новых списков *П*, обнаруженных мной уже после выхода монографии, где давался перечень с кратким описанием известных на тот момент 20 списков [1. С. 19–25], во-вторых, уточнив датировки тех известных списков, а также списков с текстами Восьмикнижия, близкими *П*, т.е. представляющими предшествующие редакции славянского Восьмикнижия. В-третьих, все списки *П* рассмотрены здесь с точки зрения их состава и текстуального конвоя, на основании чего можно делать некоторые выводы об их группировке. Особую роль в группировке списков *П* играет собственно текстологический фактор, а именно особенности глосс и эмендаций, однако, пока полный их перечень – хотя бы на материале какой-либо одной библейской книги – не опубликован и не проанализирован, делать окончательные выводы рано (при этом отдельные глоссы и их группы мной уже анализировались на материале всех списков, поэтому есть основания для некоторой группировки).

Место *П* среди иных редакций четьего типа славянского Восьмикнижия с опорой на работы А.А. Пичхадзе [12] и Т.Л. Вилкул [13] уже было определено и сведено в итоговую схему [14. С. 22]: *П* создано на базе Поздней русской редакции четьего Восьмикнижия (далее «Позднее русское Восьмикнижие» – *ПРВ*) со следами правки по Паримийнику Поздней редакции. *П* как отдельная редакция выделяется по следующим четырем признакам: 1) закрепленность в составе Пятикнижия, 2) деление на синагогальные недельные главы, 3) наличие особого Оглавления, 4) наличие сотен глосс на полях и эмендаций в тексте – из них определяющим для отнесения списка к *П* является совпадение в одном тексте второго и четвертого признаков, поскольку первый и третий могут быть нерелевантными как в силу утраты части библейских книг и Оглавления, так и в результате влияния *П* на синхронные списки *ПРВ*. Для более ранних редакций Восьмикнижия появление нескольких списков, включая старший – знаменитое пергаменное Лаврское Пятикнижие рубежа XIV–XV вв. (*Тр. 1*),– в составе Пятикнижия пока не получило убедительного объяснения: нельзя исключить возможность того, что такая компоновка оказалась случайной. Кроме заведомо раннего *Тр. 1*, относящегося к хронографической редакции (в составе группы «Троицких пятикнижий»), это список *Тр. 45* той же редакции и группы, а также *Тр. 44* ранней русской редакции и *БАН 45.10.6*, относящийся к *ПРВ*. Трех других признаков *П* эти четыре списка не содержат.

Поскольку полное археографическое описание всех списков *П* существенно превысило бы объемы стандартной журнальной публикации, ограничусь введением в научный оборот двух новых – *ЦR 401662.4* и *Муз. 10327* (перечень всех восточнославянских списков с их сиглами, а также списков, не относящихся непосредственно к *П*, см. в конце статьи, перед библиографическими ссылками).

Рис. 1. Заставка и инициал перед Оглавлением Костромского Пятикнижия (*ЦR 401662.4*, л. 1)

* * *

ЦR 401662.4 – Пятикнижие с прибавлением: Костромская областная универсальная научная библиотека. Сектор ценной и редкой книги, шифр хранения: ЦR 401662.4, 1° (31×20,8), 378 лл. + один литерный.

1520–1530-е годы. Датировка на основании водяных знаков бумаги: 1) книжного блока – сфера с крестом (парные знаки: л. 7 и 19: близ. *Piccard–Online* [15] № 161279 – 1528 г.; 2) переплета – голова быка с крестом сверху, обвитым змеей (парные знаки: лл. 374 и 378: подоб. *Piccard–Ochsenkopf* [16] XVI.221–223–1519 – 1521 гг.).

У переплета между страницами скопилась пыль, встречаются бурые пятна плесени. Надорваны лл. 28, 89–90, 93–94, прожжены лл. 344, 345, 359. Переплет (доски в коже, сильно потрескавшейся, без следов тиснения; медные основы застежек; из медных жуковин сохранились: центральная ромбовидная на верхней крышке, четыре угловых утрачено, на задней крышке – две круглые, центральная и в правом верхнем углу), судя по бумаге, синхронен времени создания рукописи (более того, ее водяной знак даже несколько старше знака основного блока). Украшения: 1) две заставки (перед Оглавлением на л. 1 и перед книгой Бытия на л. 8), сочетающие плетеный балканский орнамент с неовизантийским (часть орнамента, выполненная по золоченому фону, полностью осыпалась, золото сохранилось в хорошем состоянии), под ними – инициалы неовизантийского типа (см. *рис. 1 и 2*)[5]; 2) киноварные заголовки: декоративное письмо с элементами вязи в начале книги Исход (л. 91об.),

[5] По мнению А.А. Турилова и Л.В. Мошковой, высказанному в частной переписке, орнамент, скорее всего, не московского происхождения. Необычным им также кажется сочетание балканского стиля с золотом.

Рис. 2. Заставка и инициал перед книгой Бытия Костромского Пятикнижия (*ЦР 401662.4*, л. 8)

вязь в начале книг Левит (л. 156об.) и Числа (л. 206); 3) встречаются тонкие киноварные инициалы с засечками и небольшими отростками; 4) завершение текста в книгах Бытия (л. 91), Исхода (л. 155об.) и Чисел (л. 271) оформлено в виде воронки.

Почерк – четкий и изящный восточнославянский полуустав одной руки на всю рукопись; орфография с признаками «второго южнославянского влияния»: обильно используется юс большой (в том числе в неэтимологических позициях), написания *-рѣ-* и *-лѣ-* на месте слоговых плавных, при этом мена еров не наблюдается. Варианты букв разнообразны, выдают высокопрофессионального писца: имеется «*е* узкое» (в основном после согласных), «*є* широкое» и «*ε* греческое» (в основном после гласных и в начале слова); «*о* узкое» (в основном после согласных), «*ѡ*» и «*ѻ* широкое» (в основном после гласных и в начале слова), «*о* очное», «*о* очное двойное» и «*о* крестное» (в соответствующих корнях и формах). Из специфических начерков выделяются: «*з*» в форме тройки с большей верхней частью и выраженной петлей (наряду с обычной *z*-образной формой и буквой «*s*»), уникальная для XVI в. форма буквы «*ѳ*» (наряду с обычной) – в виде горизонтального эллипса с внутренней перекладиной, не выходящей за пределы эллипса (см. *рис. 3а*), лигатуры «*тр*» (*рис. 3б*) и «*тв*» (*рис. 3в*),

а) фита (лл. 20об.: *и Ѳарсисъ*; 21об.: *и Салеѳа*; 22об.: *Арѳаксад*; л. 271: *Ѳерса*)

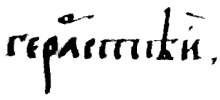
б) лигатура «*тр*» (л. 34об.: *сестра*)

в) лигатура «*тв*» (л. 34об.: *сътво*[*ри*])

г) выносное «*з*» (л. 81: *аз*)

д) выносное «*а*» (л. 238: *жрьца*)

е) выносное «*ц*» (л. 175: *жрец*)



ж) выносное «*р*» (л. 45: *Герарстьй*)

з) написания *пророкъ* (л. 6а) и *пророковаша* (л. 228об.)

Рис. 3. Образцы специфических начерков писца Костромского Пятикнижия (*ЦR 401662.4*)

выносное змеевидное «*з*» в конце строки (*рис. 3г*), выносное алефообразное «*а*» с хвостом в конце строки (*рис. 3д*), выносное «*ц*» с покрытием в конце строки (*рис. 3е*), выносное «*р*», лежащее на боку, как в скорописи (*рис. 3ж*), и написание слова *пророк* и его производных со сдвоенным выносным, под титлом, «*о*», как лежащая на боку восьмерка (*рис. 3з*).

На лл. 12, 13 и 14 имеется владельческая скорописная скрепа XVII в. (первой половины?): «Сия книга Живоначал*н*ыя ‖ Тро(и)цы Ипа*т*цкаго м(о)н(а) *с*т(ы)ря ‖ что на Костромѣ». О наличии в книжном собрании Троицкого собора костромского Ипатьевского монастыря в кон. XVI в. Пятикнижия с подходящими параметрами сообщают переписные книги 1595 г.[6]: «Книга Бытья въ десть на бумаге» [17. С. 33],– однако с уверенностью сказать, что речь идет именно об этой рукописи, нельзя. Не указано и имя вкладчика.

Перед *П* на лл. 1–7 находится Оглавление, имеющее окончание с 4-й синагональной главы Второзакония как в *Барс. 2.* Книги *П*: Бытие (л. 8–91), Исход (л. 91об.–155об.), Левит (л. 156об.–205об.), Числа (л. 206–271), Второзаконие (л. 272–329, в начале выделено место под заголовок, который так и не был выписан). Маргинальных глосс практически нет в Бытии (однако присутствуют эмендации в тексте), количество их увеличивается к двум последним книгам.

На лл. 330–373об. тем же почерком и на той же бумаге дописано «Пророчество Соломона, или Словеса святых пророк» (однако без заглавия и инициала, для которых было оставлено место, как и в начале Второзакония), нач.: «[С]оломонъ про*р*оч(е)*с*твова, усты его С(ы)нъ Б(о)жии проре*ч*(е), иже бѣ про*р*оченъ съ О(т)ц(е)мь», окончание: «И книгчиамъ, и су*диам* гл(аголе)ть се, си бо яко кръчемници воду примѣшаю*т* к вину, свою волю сребро*м* же наре*ч*(е)ть словеса книжная». «Пророчество Соломона» ранее было известно по пяти

[6] Благодарю А.А. Турилова за совет обратиться к этому источнику.

спискам, самый полный и самый исправный из которых – кирилло-белозерский (РНБ, Кир.-Бел. 67/1144),– датирован Е.Г. Водолазкиным первой третью XVI в. [18. С. 295. Прим. 129], при этом приведенные водяные знаки в целом не сильно старше знаков *ЦР 401662.4*, т.е. можно считать оба списка примерно синхронными. Более того, текст «Пророчества» оканчивается в *ЦР 401662.4* ровно так же, как в кирилло-белозерском списке, при том что все пять ранее известных содержат разные заключительные фрагменты. Упомянутая лишь в тексте кирилло-белозерского списка датировка, на основании коей создание «Пророчества Соломона» связывали с 1234 г. [18. С. 294, 308], читается в костромском так же, но без описки кирилло-белозерского: «[...] о*т* того бо полона Титова до нынѣшняго лѣта ва*м* уже работаючи у на*с* есть лѣ*т* 1000 и 200 без 34» (л. 359об.; в кирилло-белозерском: «безъ с т р и д е с я т е х ъ и трех лѣтех»).

Однако костромской список «Пророчества Соломона», в отличие от кирилло-белозерского, не имеет лакуны в тексте, толкующем Притч 30:9 [18. С. 300–301] (соответствующей этой лакуне текст см. на лл. 333–334), которая оказалась в Сказании о потире Соломона, выпавшем из списка Красинских (точнее, копии с него, сделанной, по-видимому, для А.А. Шахматова: БАН 34.2.6) [18. С. 301–302]. Судя по глухому упоминанию И.Е. Евсеева (с ошибочной датировкой): «Список библиотеки Костромской духовной семинарии, в лист, XVII в. Нам почти не известен» [19. С. 155],– список *ЦР 401662.4* – именно тот самый, принадлежавший Костромской семинарии, но впоследствии совсем выпавший из виду исследователей (Е.Г. Водолазкин написал о нем: «Мне он остался совсем неизвестным. [...] кроме костромской [рукописи. – *А.Г.*], о которой мне ничего не известно» [18. С. 305]). Однако в костромском списке имеются карандашные пометы в виде галочек на границах лакуны списка Красинских, и оставить их мог или сам И.Е. Евсеев, который упоминал эту лакуну [19. С. 154], или неизвестный исследователь рукописи, внимательно читавший публикацию И.Е. Евсеева.

Наличие «Пророчества Соломона» в конвое *П* оказалось не уникально: второй выявленный мной список, причем близкого времени, – *Муз. 10327* – также содержит в прибавлении этот текст.

Муз. 10327 – Пятикнижие с прибавлением (в описи: «Книги библейские (Пятикнижие) и пророчества о Христе»): РГБ, ф. 178.1 (Музейное собрание, русская часть), № 10327, 4° (20,6×14,5), 395+334а лл.

Переплет (втор. пол. XVIII в.): доски в коже с тиснением, корешок порван, кожа на середине нижней крышки вырвана. Обрезы книжного блока с резным орнаментом.

В рукописи утрачены: 1) первая тетрадь и два листа второй; восстановлены: в начале – тетрадью лл. 1–6 (неполная, с утраченными первыми двумя листами) и лл. 7–13 (лист между лл. 6 и 7 обрезан), старый текст начинается с неполной второй тетради (с л. 14: лл. 14–19 подклеены по краям и заново составлены из шести листов, сшивка между лл. 16 и 17); 2) последний лист 8-й тетради по новому счету (л. 59) и два листа (лл. 60–61) 9-й тетради; 3) в 18-й тетради лист между лл. 135 и 136 был обрезан еще до заполнения текстом, поскольку утраты текста нет; 4) в 48-й тетради от старого текста остались только первый и последний листы (лл. 370 и 377), остальные вставлены, но остались пустыми; 5) утрачено шесть последних листов заключительной, 51-й, тетради (последний лист, 395-й, подклеен по краям).

Восполненные листы – втор. пол. XVIII в. (возможно, 1750-х годов): лл. 1–13 и 59–61 с восполненным текстом Пятикнижия, лл. 371–376 – пустые; бумага русская; водяной знак – «Pro Patria» с литерами «ГУБР / ФСГП» (= «Города Углича бумажная рольная фабрика содержателя Г. Переяславцева», 1754 г.) [20. С. 46, № 213; 21. С. 21, № 211].

Бумага старого текста (лл. 14–58, 62–370, 377–395) – пер. четв. XVI в.; водяной знак – «Перчатка» («рука») трех схожих форм: 1) л. 278/279 – близк. *Piccard-Hand* [22] IV.1377 – 1517 г.; 2) л. 31/32 – подоб. тому же и следующему; 3) л. 212/217 – подоб.: [23. С. 375, № 792–794] – 1500–1510 гг.

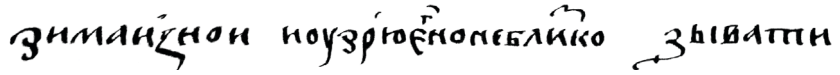
Надписи, записи и пометы: л. 1: «Сия книга богоглаг... | Библия, Семена Рома... | Андросава |1824-го года | [несколько слоев неразборчивой скорописи] | искони сотвори | богъ небо и землю | [цслав. шрифтом:] сия бгодуховная книга | нарицаемоя библия; | [другим почерком и синими чернилами:] За упокой раба Илїи»; л. 1об.: «Сия книга | библия прнадлежитъ [sic!] Семена Рама... | БИВЛЇЯ | Семена Рамана...»; л. 2: «Малороссїиской черниговскои | губернїи Стародубскаго повет[а] | Стародубскаго слабады Еленъки | мещенъ семенъ романовъ сынъ Анъдросо[в] | милостивои государь Илья (? зачеркнуто) Вавилъвичь | имеимъ честь поздравить»; на л. 349об. запись молитв скорописью XVIII в. и запродажная запись скорописью XVII в.: «Се аз Митка Сысоев продал есми К[о]стян|тину [нрзб.] а руку приложил | порутчик»; задний форзац: «петра димитрия ‖ елисаветы ‖ агрипины».

Художественное оформление старого текста весьма скромное: тонкие киноварные инициалы с орнаментальными отростками, заголовки декоративного письма с элементами вязи, завершение текста библейских книг в виде воронки.

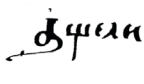
Согласно записи № 22 в книге поступлений Отдела рукописей, рукопись поступила в библиотеку в 1944 г., однако источник не указан. Под стародубской слободой «Еленкой», упомянутой в одной из записей XVIII в., имелась в виду современная Елионка (Стародубский район Брянской области) – известная промыслами старообрядческая слобода [24. С. 445–447]: вероятно, именно здесь в середине XVIII в. старообрядческими книжниками рукопись и была реставрирована.

Вся рукопись написана беглым восточнославянским полууставом одной руки; орфография имеет некоторые следы «второго южнославянского влияния»: большой юс употребляется довольно редко (иногда в значении буквы «*ю*»), встречаются написания *-рѣ-* и *-лѣ-* на месте слоговых плавных, однако мены еров не наблюдается. Разнообразие начертаний букв схоже с тем, что наблюдается в рукописи *Муз. 10327*, разве что «*о* очное» здесь одинарное, с двумя точками внутри, а форма 3-образного варианта буквы «*з*» еще более специфична: место соединения двух петель сильно загнуто вверх (см. *рис. 4а*); алефообразное «*а*» встречается в крупном начертании в строке, после точки (*рис. 4б*), а в виде небрежной петельки – выносное на конце строки (*рис. 4в*); оказавшееся в начале строки 3-образное «*з*» украшается часто длинным хвостом, иногда с засечкой (*рис. 4а*); выносное «*з*» – одним волнообразным росчерком (рис. 4а); встречаются элементы связного письма (*рис. 4г*).

Рукопись *Муз. 10327* содержит *П* и прибавление. Фрагменты книги Бытия были восстановлены по тексту Острожской Библии: Быт 1:1–8:9а (лл. 3–13), Быт 33:9б («...довлѣетъ ми брате») – 35:7а («и прозва имя мѣсту тому...») (лл. 59–61); старый текст Бытия: Быт 8:9б («...и възвратися к немоу в ковчегъ») – Быт 33:9а («рече же ему [исавъ]...») (лл. 14–58об.); Быт 35:7б («...вифеиль. ту бо ся емоу яви



а) варианты буквы «*з*» (л. 14об.: *зима и знои*; л. 267: *и узрю его неблизко*; л. 312: [*при*]*зывати*)



б) алефообразное «*а*» в строке (л. 325об.: *аще ли*)

г) лигатура «*въ*» (л. 318об.: *въ праздникъ*)

в) выносное алефообразное «*а*» в конце строки (л. 48: *ротна*[*го*]; л. 277: *и избиша*)

Рис. 4. Образцы специфических начерков писца Музейного Пятикнижия (*Муз. 10327*)

Богъ») – и до конца книги Бытия (лл. 62–92об.); Исход (лл. 93–165); Левит (лл. 165об.–218); Числа (лл. 218об.–288); Второзаконие (лл. 288об.–349).

Прибавление одно – «Пророчество Соломона», озаглавленное «Пр*о*роч(ес)тво о Х(ри)*с*(т)ѣ, еже пророчествова Соломо*н* усты его С(ы)нъ Б(о)жии» (как в МГАМИДовском списке [18. С. 296–297], т.е. это первый случай повторения заглавия в списках «Пророчества Соломона») – на лл. 350–395об., однако лл. 371–376 вставлены пустыми в XVIII в., из-за чего текст имеет большую утрату: с начала до слов «...проповѣдати плѣнником отпущение, слѣпымъ прозрѣние, нищи бо бяхом ‖» (л. 370об., в издании Е.Г. Водолазкина и Т.Р. Руди [18. С. 428]), затем со слов «‖ от Иаковля родитися Христу. Человѣкомъ нарече, понѣ бо человѣкъ бысть...» (л. 377, в издании: [18. С. 439]) и до слов «...червъ Христосъ, и родися от Духа Свята и от Приснодѣвы Мариа ‖» (в издании: [18. С. 467], с той же лакуной в этом месте, как и в кирилло-белозерском списке), так что в списке *Муз. 10327* оказалось утрачено еще и окончание памятника, однако эта утрата небольшого объема – в пределах одного листа рукописи. Как и в *ЦР 401662.4*, в списке *Муз. 10327* «Пророчество Соломона» также имеет хронологическое указание (и без описки) «...о*т* того бо полона Титова до нынѣшняго лѣта вамъ уже работаючи у насъ есть лѣ*т* 1000 и 200 бесъ 34» (л. 381), содержит текст на месте большой лакуны кирилло-белозерского списка (лл. 353об.–354об.) в составе Сказания о потире Соломона. Таким образом, оба выявленные мной списка «Пророчества Соломона», сопровождающие *П*, довольно близки друг другу и, возможно, лучше, чем привлеченный Е.Г. Водолазкиным кирилло-белозерский, отражают прототип памятника.

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ РУКОПИСИ СЛАВЯНСКОГО ВОСЬМИ- И ПЯТИКНИЖИЯ ЧЕТЬЕГО ТИПА

1. Хронографическая редакция (*ХВ*)

Группа Иудейского Хронографа

МГАМИД 279 – Восьмикнижие с толковыми и апокрифическими заменами и вставками в составе Архивского Хронографа (лл. 10–199), тр. четв. XV в.: РГАДА, ф. 181 (РО МГАМИД), оп. 1, № 279, Хронограф, 1°, 540 лл.; постатейная роспись: [25. С. 317–361]; описание и датировка: [26. С. 357–361]; использовано А.В. Михайловым для критического издания книги Бытия [27] под сиглом «Ар.» [28. С. XXIV–XVII], Т.Л. Вилкул – под сиглом «А».

Вил. 109 – Восьмикнижие с толковыми заменами и вставками в составе Виленского Хронографа (лл. 1–241), пер. треть XVI в.: БАНЛ, F. 19, № 109, Хронограф, 1°, 736 лл.; описание: [29. С. 246–255], уточненная датировка по [30. С. 42–43], подробное описание: [31. С. 48–61]; использовано Т.Л. Вилкул в качестве основного текста для критического издания книги Исход, см. под сиглом «Вил» [13. С. 50–51].

BOZ 83 – Восьмикнижие с толковыми заменами и вставками в составе Варшавского Хронографа (начало утрачено, с. 1–666), нач. XVI в.: Национальная библиотека Польши (Варшава), Отдел рукописей, BOZ 83, Хронограф, 1°, 810 с.; датировка и полное описание: [31. С. 95–107]; использовано Т.Л. Вилкул под сиглом «В».

Забел. 436 – Выборка из Иудейского Хронографа в сборнике ГИМ Забел. 436, 8°, тетради 1630–1640-х годов, лл. 270об.–301; описание: [31. С. 121–142], уточненная датировка и описание текстуального конвоя: [32].

Группа «Троицких пятикнижий»

Тр. 1 – Лаврское Пятикнижие, пергамен, конец XIV или начало XV в.: РГБ, ф. 304.I (Главное собрание Троице-Сергиевой лавры), № 1, Пятикнижие, 1°; датировка и описание: [33. С. 170–172]; использовано А.В. Михайловым под сиглом «Л.» [28. С. XLVIII–LXIII], Т.Л. Вилкул – под сиглом «Т1».

Тр. 45 – РГБ, ф. 304.I, № 45: Пятикнижие, втор. четв. XVI в., 1°, 212 + [3 ч.] лл. (датировка по водяным знакам бумаги – Т.В. Анисимовой); использовано Т.Л. Вилкул под сиглом «Т45».

Арханг. Д. 5 – Фрагменты из Восьмикнижия в составе сборника БАН, Арханг. Д. 5, кон. XV в., 4°, 226 лл.; краткое описание: [34. С. 12], расширенное описание с водяными знаками бумаги: [35. С. 112–113].

2. Ранняя русская редакция (*РРВ*)

Тр. 44 – Пятикнижие (лл. 7–179) с прибавлениями, 20–30-е годы XV в., новгородского происхождения: РГБ, ф. 304.I, № 44, 1°, VIII + 263 лл. (датировка по водяным знакам бумаги – Т.В. Анисимовой); прибавления написаны другим, более поздним (второй половины XV в.?), почерком, но на бумаге того же времени (в начале рукописи: лл. 1–6,– и в конце: последние строки книги Второзаконие на л. 179 – с маркировкой тетради древнепермской буквенной цифирью: «22» (?) – и прибавления на лл. 179об.–251об., далее чис-тые листы, среди которых на л. 259 об. нарисован лабиринт); о том, что рукопись могла быть создана новгородским книжником пер. пол. XV в. Серапионом «Мазой»: [36. С. 37]; использовано Т.Л. Вилкул под сиглом «Т44».

Унд. 1 – Восьмикнижие (лл. 4–176об.) в составе большого сборника преимущественно библейского содержания, переписанного под руководством и при участии Ивана Черного в скриптории московского Кремля предположительно в 1481–1484 гг.: РГБ, ф. 310 (Собрание В.М. Ундольского), № 1, Библейские книги, 1°, II + 476 + 3а лл.; роспись состава: [37. С. 1–9], датировка и непосредственные источники, среди которых и *Тр. 44* с пометами Ивана Черного: [36. С. 33–37]; использовано А.В. Михайловым в качестве основного текста для критического издания книги Бытия, см. под сиглом «Унд.»: [28. С. I–XX], Т.Л. Вилкул – под сиглом «У».

Добр. 13 – Восьмикнижие в составе неполного библейского сборника (лл. 3об.–224), втор. четв. XVI в.: БАН, Собрание еп. Павла (Доброхотова), № 13, Библия неполная (Восьмикнижие и Царства – до 4 Цар 19:4), 1°, 340 лл.; краткое описание и датировка (без росписи водяных знаков бумаги): [38. С. 383]; использовано Т.Л. Вилкул под сиглом «Дб».

3. Поздняя русская редакция (*ПРВ*)

Догеннадиевские списки

Барс. 1 – Восьмикнижие в составе библейского сборника, XV в. (рукопись более точно не датировалась): ГИМ, Собрание Е.В. Барсова, № 1, Книги библейские, 1°, 279 лл.; содержит Восьмикнижие и начало Царств (до 1 Цар 19:18); в XVII в. принадлежала, судя по записи, новгородскому Юрьеву монастырю.

Увар. 18 – Восьмикнижие (лл. 1–239об.) в составе библейско-хронографического сборника, посл. четв. XV в.: ГИМ, Собрание А.С. Уварова, № 18–1°, Библейские книги с прибавлениями, 638 лл.; содержит Восьмикнижие, Царства, Есфирь, «Три плена Иерусалимских», «Историю Иудейской войны» Иосифа Флавия, Александрию, «Рыдание» Иоанна Евгеника, фрагмент русской летописи и Книгу Еноха; роспись состава: [39. С. 5–8]; датировка по водяным знакам бумаги – А.Е. Соболевой; в Пятикнижии на полях сверху записаны номера недельных глав киноварью, но без регулярных отметок в тексте, имеется несколько глосс *П*; использовано А.В. Михайловым под сиглом «У» [28. С. LXXXVI–LXXXIX].

НСРК F.15 – Восьмикнижие в составе «ленинградского» списка Троицкого Хронографа, конец XV – начало XVI в., писец Иоанн, священник Покровской церкви на Вытегре (в Вытегорском погосте?): ф. 905 (Новое собрание рукописной книги), оп. 1 (F), инв. № 15 (старый шифр: НСРК, 1918, F.27), Сборник хронографический, 1°, I + 482 лл.; начинается Александрией, содержит Восьмикнижие, Царства, Есфирь, «Три плена Иерусалимских», «Историю Иудейской войны» Иосифа Флавия и «Рыдание» Иоанна Евгеника (возможно, списано с рукописи хронографа, находившегося у сосланного в Ферапонтов монастырь митрополита Спиридона-Саввы); датировка и описание: [40. С. 289–290].

Барс. 2 – Восьмикнижие (лл. 6–257) в составе библейского сборника, 1470–1480-е годы: ГИМ, Собрание Е.В. Барсова, № 2, Книги библейские, 1°, 391 лл.– конволют, составленный из трех частей: 1) Оглавление *П* (лл. 1–3, рубеж XV–XVI вв.); 2) фрагмент «Трех пленов Иерусалимских» (лл. 4–5, 1470–80-е годы); 3) библейский сборник: Восьмикнижие, Царства, Есфирь (лл. 6–391, 1470–1480-е годы).

БАН 45.10.6 – Пятикнижие (лл. 2–322), 1487 г. (закончено в декабре 6996 г.), писец Герман: БАН 45.10.6, Сборная рукопись, 4°, 519 лл.: 1) Пятикнижие (содержит несколько глосс и следы киноварной рубрикации *П*); 2) Летописец Еллинский и Римский первой редакции (три фрагмента памятника, см. об этом списке: [41. С. 111–112]); 3) Сборник полемических сочинений против латинян; в XVI в. рукопись хранилась в Спасо-Прилуцком монастыре; описание и датировка: [42. С. 89–100; 35. С. 110–112].

МДА 12 – Восьмикнижие (лл. 3–266), начинающее Академический Хронограф, 70–80-е годы XV в.: РГБ, ф. 173.I (Фундаментальное собрание Московской духовной академии), № 12, Библейские книги и История Иудейской войны Иосифа Флавия, 1°, 623 лл.: содержит Восьмикнижие, Царства, Есфирь,

«Три плена Иерусалимских», «Историю Иудейской войны» Иосифа Флавия, «Рыдание» Иоанна Евгеника и отрывок из русской летописи (датировка по водяным знакам бумаги – Т.В. Анисимовой); описание состава (по старой фолиации): [43. С. 1–5]; Пятикнижие разделено на синагогальные недельные главы, имеется небольшое количество глосс *П*; использовано А.В. Михайловым под сиглом «$В_3$» [28. С. XXXIV–XXXVI], Т.Л. Вилкул – под сиглом «Д».

БАН 45.13.4 – Восьмикнижие (лл. 1–107об.), начинающее Академический Хронограф, посл. четв. XVI в.: БАН 45.13.4, Хронографический сборник, 1°, 366 лл.: состав практически тот же, что и в списке *МДА 12*, но в конце добавлена Книга Еноха; Пятикнижие имеет деление на синагогальные недельные главы (отмечены не регулярно) и следы киноварной рубрикации (всего три заголовка); рукопись хранилась в Спасо-Прилуцком монастыре; описания: [44. С. 18–31; 35. С. 7–13].

Списки Геннадиевской Библии

Син. 915 – Восьмикнижие (лл. 1–154об. второй фолиации; лл. 17–169об. сквозной фолиации) в составе Геннадиевской Библии, основного (старшего) списка, 1499 г., Новгород, писцы Василий Иерусалимский, Гридя Исповедницкий и Климент Архангельский (работали под руководством Герасима Поповки – архидиакона новгородского архиепископа Геннадия): ГИМ, Синодальное собрание, № 915, Библия, 1°, 986 лл.; описание: [45. С. 1–2, 3–164]; имеется Оглавление *П* (лл. 8–10), также Пятикнижие разделено на синагональные недельные главы, но глосс и эмендаций нет; использовано А.В. Михайловым под сиглом «Ген.» [28. С. XXXIX–XL], Т.Л. Вилкул – под сиглом «Гб».

Син. 21 – Восьмикнижие (с л. 17) в составе полного библейского свода, написанного в 1558 г. в Иосифо-Волоцком монастыре иноком Якимом, постриженником суздальского Спасо-Евфимиева монастыря: ГИМ, Синодальное собрание, № 21, Библия, 1°, 1041 лл.; Оглавление *П* (лл. 8–10); описание: [45. С. 2, 3–164].

Син. 30 – Восьмикнижие (с л. 12) в составе полного библейского свода, сер. XVI в. (вложена рязанским епископом Сергием (?) ок. 1570–1571 г. в Солотчинский монастырь (?) Рождества Богородицы): ГИМ, Синодальное собрание, № 30, Библия, 1°, 1013 лл. (во втор. пол. XVII в. находилась, по-видимому, в библиотеке Московского печатного двора); Оглавление *П* (лл. 6об.–8); описание: [45. С. 2–164].

Увар. 652 – Восьмикнижие (лл. 13–164об.) в составе полного библейского свода, сер. XVI в.: ГИМ, Собрание А.С. Уварова, № 652, Библия, 1°, 885 л. (в XVII в. находилась в ярославском Спасо-Преображенском монастыре); описание: [39. С. 1–5].

4. Правленое славяно-русское Пятикнижие (*П*)

Датированные писцами списки

Волок. 8 – Волоколамское Пятикнижие Павла Васильева 1493 г. (окончено 12 сентября 7002 г., что ранее ошибочно пересчитывалось в 1494 г. без учета точной даты) в составе конволюта: РГБ, ф. 113 (Собрание

Иосифо-Волоцкого монастыря), № 8: Пятикнижие с прибавлениями, 4°, I–II+564 л.; конволют состоит из 1) *П* (лл. II, 1–376) и 2) антиудейской подборки на бумаге 1510-х годов («Иаков Жидовин» на лл. 377–483 и «Беседа (слово) на еретики» Козмы Пресвитера на лл. 484–563об.); рукопись подробно изучалась прот. Александром Горским [46], оставившим многочисленные карандашные пометы и разметку по современным главам, местами – с указанием стихов; использовано А.В. Михайловым под сиглом «$В_1$» [28. С. XXX–XXXIII].

Вил. 51 – Виленское Пятикнижие митрополичьего дьяка Федора 1513 г. (окончено 6 сентября 1513 г. в Вильне, писано при Успенском (Пречистенском) кафедральном соборе по повелению митрополита Иосифа II (Солтана) Киевского, Галицкого и всея Руси; ранее дата ошибочно пересчитывалась в 1514 г.): БАНЛ, F. 19, № 51, Пятикнижие, 1°, 279+I лл.; Оглавление *П* на лл. 1–5; описание: [29. С. 63–64], водяные знаки: [30. С. 20, 137–214]; использовано А.В. Михайловым под сиглом «Вил.» [28. С. XXIX–XXX].

Списки 1490-х годов

Егор. 648 – Егоровское Пятикнижие, начало 1490-х годов: РГБ, ф. 98 (Собрание Е.Е. Егорова), № 648, Пятикнижие, 4°, 351 лл.; Оглавление *П* на лл. 1–6; датировка по водяным знакам бумаги – Т.В. Анисимовой.

МГАМИД 354 – 1-е Архивское Пятикнижие (с утратами): РГАДА, ф. 181 (РО МГАМИД), оп. 4, № 354, Пятикнижие, 1°, 193+III лл.; состав: Быт 24:43–25:26, Быт 27:5 – Втор 4:24, Втор 5:22 – Втор 29:12; полное описание и датировка – Л.В. Мошковой: [26. С. 48–50].

БАН 17.16.33 – Академическое Пятикнижие: БАН, № 17.16.33, Пятикнижие, 4°, 405 лл.; начинается с Быт 1:12; есть перестановки листов при переплете; список близок *Кир.-Бел. 2/7*; датировка по водяным знакам бумаги – А.Г. Сергеева.

Кир.-Бел. 3/8 – 1-е Кирилло-Белозерское Пятикнижие: РНБ, Собрание Кирилло-Белозерского монастыря (ф. 351), № 3/8, Библия, 4°, 263+II лл.; Оглавление *П* на лл. 1–9об.; в конце (л. 464 об.) фрагмент из конвоя *П*: «Раздѣляеть же ся филосоѳїя...» (определение философии из славянского перевода «Диалектики» Иоанна Дамаскина); по устному сообщению М.А. Шибаева, рукопись, вероятно, написана не в Кирилло-Белозерском монастыре; по мнению О.Л. Новиковой, является первой частью ветхозаветного сборника, который завершается кодексом Кир.-Бел. 5/10, написанным на той же бумаге и содержащим книги Иисуса Навина, Судей, Царства и Есфирь [47. С. 353]; датировка по водяным знакам бумаги – М.А. Шибаева и А.Е. Соболевой; использовано А.В. Михайловым под сиглом «$К_3$» [28. С. XLIV–XLV].

F.I.1 – Большое Петербургское Пятикнижие: РНБ, Основное собрание рукописной книги (ф. 550), № F.I.1, Ветхий Завет: Пятикнижие, 1°, 479 лл.; Оглавление *П* на лл. 2–11; текст написан не просто на бумаге большого формата, но крупным и торжественным полууставом, с широкими полями; на л. 1 запись: «А сїа книга бытїискаа неправлена. И вы Б(ог)а ради исправите, а не правив не чтите»; в конце (л. 478об.) фрагмент из конвоя *П*: «Раздѣляеть же ся филосоѳїа...»; датировка по водяным знакам бумаги – А.Е. Соболевой; использовано А.В. Михайловым под сиглом «$П_1$» [28. С. LXVI–LXIX].

Списки рубежа XV–XV вв.

Рум. 27 – 1-е Румянцевское Пятикнижие: РГБ, ф. 256 (Собрание Н.П. Румянцева), № 27, Пятикнижие с прибавлениями, 4°, 412+II лл.; Оглавление *П* на лл. 1–6об.; прибавления: 1) фрагмент «Раздѣляет же ся фїлосоѳїя...» (л. 404об.); 2) фрагмент Втор 30:16b-20 (л. 405, оборот – чистый); 3) Слово Иоанна Златоуста «О твари Божией и о кончине смертной и о покаянии» (из «Златоструя»), нач.: «Бог премудростию Своею всю тварь сотвори...» [48. С. 22, № 31], не целиком, заканчивается словами: «...братне же сестрене рыдание, всея сердоболя хлипание» (лл. 406–409); 4) «Поучение от святых “О мужи христолюбци! Внимайте глаголы всякому наказанию отца своего, еже рече к сыну своему”» – восходящее к «Повести об Акире Премудром» «Поучение от святых книг о чадех», изданное по списку *Рум. 27* А.Д. Григорьевым [49. С. 275–278] (лл. 409–411об.); 5) «Ексарх Іоан. От 6-го слова», нач.: «Много же и добро, и велико есть от человѣколюбца Бога...» (лл. 411об.–412); 6) поучение «Хризостомово», нач.: «Сладостен убо цвѣтникъ и рай, много же и сладостнѣе того книженое прочитание и разум...» – из гомилии Иоанна Златоуста «Когда Евтропий, найденный вне церкви, был схвачен» (CPG 4528 [48. С. 125–126, № 377]) (лл. 412–412об.); датировка 80–90-ми годами XV в. по водяным знакам бумаги – А.В. Александриной, однако не учтены филиграни 1500–1510-х годов, из-за которых рукопись приходится пока датировать довольно широко; первое описание: [50. С. 29–32]; использовано А.В. Михайловым под сиглом «$Р_1$» [28. С. LXX–LXXII].

Кир.-Бел. 2/7 – 2-е Кирилло-Белозерское Пятикнижие: РНБ, Собрание Кирилло-Белозерского монастыря (ф. 351), № 2/7, Библия, 4°, 276+I лл.; Оглавление *П* – без начала, с конца 11–й недельной главы Бытия (лл. 1–5); рукопись происходит не из Кирилло-Белозерского монастыря, а была вложена в него неким монахом Аркадием (в 1536/35 г.? – такая дата имеется среди записей); В.А. Ромодановская предполагает новгородское происхождение кодекса, из Геннадиевского кружка, считая текст связанным с Геннадиевской Библией, в том числе потому, что он дополнительно разделен на главы в соответствии с Вульгатой (т.е. имеет общепринятое к настоящему времени деление на главы), см. ее описание и датировку: [51. С. 20–23]; использовано А.В. Михайловым под сиглом «$К_2$» [28. С. XLII–XLIV]; дополнительная датировка по водяным знакам бумаги – А.Е. Соболевой.

Арханг. Д.17 – Антониево-Сийское Пятикнижие: БАН, Архангельское собрание, № Д.17, Книги библейские, 4°, 465+II лл.; Оглавление *П* – разделено: к Бытию на лл. 1–2об., к Исходу – лл. 137об.–139об., к остальным книгам – лл. 461–465об.; ранее рукопись хранилась в Антониево-Сийском монастыре под № 179 и в этом качестве была известна А.В. Михайлову, использовавшему ее под сиглом «А.» [28. С. XX–XIV]; см. также описание: [34. С. 17]; уточненная датировка по водяным знакам бумаги – А.Г. Сергеева.

Q.I.1407-1 – Плигинское Пятикнижие, первая часть: РНБ, Основное собрание рукописных книг (ф. 550), № Q.I.1407, Ветхий Завет: Пятикнижие, 4°, 478 лл.; рукопись происходит из собрания саратовского купца-библиофила XIX в. Ф.О. Плигина, составлена из двух разновременных частей: 1) лл. 1–466 – рубежа XV–XVI вв. (датировка по водяным знакам бумаги – А.Е. Соболевой), Оглавление *П* – без начала, с конца 9-й недельной главы Бытия (лл. 1–8 об.); 2) лл. 467–478 – середины XVI в. (см. *Q.I.1407-2*); граница между частями (лл. 466об. / 467) проходит по стиху Втор 32:6 без

пропуска текста, так что вторая часть была специально дописана к первой через полвека, вероятно, чтобы восполнить утрату кодекса.

Списки XVI в.

Солов. 74/74 – Соловецкое Пятикнижие, 10–20-е годы XVI в.: РНБ, Собрание Соловецкого монастыря (ф. 717), № 74/74: Пятикнижие, 1°, 228 лл.; Оглавление *П* на лл. 109–112 об., после книги Исход; в самом конце – начало фрагмента (четыре строчки внизу листа) «Раздѣляет же ся философия...» (л. 228); вложено в Соловецкий монастырь дьяком Богданом Дементьевым в посл. четв. XVI в.; первое описание: [52. С. 1–3]; использовано А.В. Михайловым под сиглом «С.» [28. С. LXXX–LXXXIII]; уточненная датировка по водяным знакам бумаги – А.Е. Соболевой.

Муз. 3479 – Музейское Пятикнижие, 20–30-е годы XVI в.: ГИМ, Музейское собрание, № 3479, Пятикнижие, 4°; лакуны: Быт 2:20–3:20 и Втор 33:20–34:12; датировка по водяным знакам бумаги – А.Е. Соболевой.

ЦR 401662.4 – Костромское Пятикнижие (с прибавлением), 20–30-е годы XVI в.: Костромская областная универсальная научная библиотека. Сектор ценной и редкой книги, ЦR 401662.4 – см. подробное описание в основном тексте статьи.

Погод. 1435 – Большое Погодинское Пятикнижие (неполное), дописанное к Полной Хронографической Палее, 30-е годы XVI в.: РНБ, Собрание М.П. Погодина (ф. 588), № 1435, Полная Хронографическая Палея с неполным Пятикнижием, 1°, I+597 лл.: неполное Пятикнижие (без книги Бытия) следует сразу за Полной Хронографической Палеей (л. 454–595об., обрывается на Втор 34:4, Оглавление *П* находится после книги Левит на лл. 518–521); рукопись написана одним почерком с использованием залежной бумаги последней трети XV и начала XVI в. (датировка по водяным знакам бумаги – Т.В. Анисимовой).

ЦГАДА 790 – 2-е Архивское Пятикнижие (с прибавлениями), перв. четв. XVI в.: РГАДА, ф. 188 (РС ЦГАДА), оп. 1, № 790, Библейские книги: Пятикнижие Моисеево с добавлениями, 1°, 331+33а+I лл.; состав: 1) Пятикнижие (л. 1–239об.), л. 1 – восстановлен в конце XVI – начале XVII в., текст XVI в. начинается на л. 2 (Быт 1:21); 2) два фрагмента из Пророчеств: Ис 44:6–18 и Авв 2:18–20 (лл. 239 об.–240); 3) Азбучная молитва (лл. 240–240об.); 4) фрагмент «Раздѣляетъ же ся философѳия» (л. 240об.); 5) «Три плена Иерусалимских» (лл. 241–331 об.); полное описание И.Л. Жучковой (дополнительные сведения – Л.В. Мошковой): [53. С. 63–66].

Муз. 10327 – Музейное Пятикнижие, пер. треть XVI в.: РГБ, ф. 178.1 (Музейное собрание, русская часть), № 10327, Книги библейские (Пятикнижие) и пророчества о Христе – см. подробное описание в основном тексте статьи.

Тих. 453 – Тихонравовское Пятикнижие (с прибавлениями), перв. треть XVI в.: РГБ, ф. 299 (Собрание Н.С. Тихонравова), № 453, Пятикнижие Моисеево, с поправками по еврейскому тексту, 8°, 483 лл.; состав: 1) Оглавление *П* (лл. 1–11об.), 2) вклейка (лл. 12–13) – фрагмент «Прения с Ерваном» Жития Григория Омиритского (нач.: «архиепископъ рече. Якоже прежде свѣдѣтелствова Закон и пророци...», кон.: «...приидет тебѣ четверицею тожде, откуду ты не мниши»); 3) Пятикнижие, на полях которого вместо глосс приведены в основном их номера, соответствующие нумерованному индексу

из рукописи *Q.I.1407-2* (лл. 14–470об.; перестановки листов и утраты текста: отсутствует лист с текстом Быт 12:2b–13a между лл. 35 и 36, между лл. 81 и 83 – утрачены листы с текстом Быт 32:9–33:11, тогда как л. 82 содержит Исх 5:7b–19a и должен быть после л. 126, лакуна – Быт 36:5b–43; сильно перепутаны писцом фрагменты в тексте Лев 9:24–15:1 между лл. 229 и 246, правильная последовательность: Лев 9:24–11:47 – на лл. 236–241об., Лев 12:1–13:46 – на лл. 241об.–246, Лев 13:47–59 – на лл. 229–230, Лев 14:1–57 – на лл. 230–235об., Лев 15 – продолжается с л. 246); 4) отрывки из Пророчеств (лл. 471об.–475, состоят из Авв 2:18–20, Зах 8:23; Ис 5:20–24, 40:12–15a, 40:28b–31, 55:6–11, 56:1–2, Иез 18:5–9, Ис 51:7–8, 56:3–7, Иез 18:20 и апокрифического фрагмента, надписанного именем пророка Иеремии: «Есть кивот завѣта Господня лактеи полутретьих во длину, а во ширину полуторых, а во вышину полуторых же; а в нем скрижали камены, да манна, да жезлъ Ааронов҃ъ»); 5) краткие перечни «3-х сил умных», «3-х деятелей добрых», «9-ти плодов духовных», «5-ти чувств душевных и телесных», «4-х добродетелей», «8-ми помыслов», «7-ми добродетелей», «7-ми милосердий», «7-ми спасений» (лл. 475–476); 6) отдельные изречения (лл. 476–477): из Апостола (Рим 10:13–15a); «Иже разум писаниа или укаряет за еже възвысити и положити свои разум...»; «Всяк убо воистинну чясто вницаяи в сие душеполезное оглядало...»; «Всяк убо ища разума писанию, николи же поставляет свои разум добръ...»; «Горе послушающимь уных совѣта, а от старых слухы отвращающим...»; «Аще убо и тщишися, елико можеши, дѣлати благое...» (из «Диоптры» Филиппа Пустынника?); 7) псевдо-Иоанна Златоуста «О не дающих книг чести и преписати», нач.: «Братие, послушаите, что бо о нас пророкъ рече...» [48. С. 25, № 39] (лл. 477–479об.); 8) статьи из Исторической Палеи «О Святѣи Троици» (л. 480), «О явлении Святыя Троица» (лл. 480–481) и «О развращении Содома» (лл. 481–483об.) (ср. в издании А.Н. Попова: [54. С. 41–49]); использовано А.В. Михайловым под сиглом «Т.» [28. С. LXXXIII–LXXXVI], описано также Е.С. Морозовой [55].

Рум. 28 – 2-е Румянцевское Пятикнижие в составе библейского сборника, сер. XVI в.: РГБ, ф. 256 (Собрание Н.П. Румянцева), № 28, Библия (Ветхий Завет), с толкованиями на Книгу Иова и пророков, 1°, 443 л.; состав: 1) краткое оглавление всего сборника (л. 1); 2) Пятикнижие (лл. 2–152об.) с припиской в конце: «Раздѣляет же ся философїа...»; 3) книга Иисуса Навина (лл. 153–171об.); 4) книга Иова с предисловием и толкованиями (лл. 172об.–226); 5) книги 16 Пророков – Толковые Пророчества (лл. 227–413: Ос, Иоил, Ам, Авд, Иона, Мих, Наум, Авв, Соф, Агг, Зах, Мал, Ис, Иез, Иер, Дан); 6) книга Иисуса, сына Сирахова (лл. 414–443об.); первое описание: [50. С. 29–32]; использовано А.В. Михайловым под сиглом «$Р_2$» [28. С. LXX–LXXII]; датировка по водяным знакам бумаги – Т.В. Анисимовой.

Волок. 7 – Волоколамское Пятикнижие Паисия Мичурина (неполное), втор. четв. XVI в.: РГБ, ф. 113 (Собрание Иосифо-Волоцкого монастыря), № 7, Библейские книги, 1°, 159+V лл.; содержит только Бытие, Исход и Левит; Оглавление *П* на лл. 1–4об.; рукопись, судя по владельческой скрепе, была в собственности Паисия Мичурина – казначея и библиотекаря Иосифо-Волоколамского монастыря в посл. четв. XVI в.; в конце текста (л. 159об.) скорописная запись: «К сеи книге яз Шоксна руку приложил»; использовано А.В. Михайловым под сиглом «$В_2$» [28. С. XXXIII–XXXIV].

Кир.-Бел. 1/6 – Пятикнижие Кассиана, епископа Рязанского и Муромского, начинающее библейско-хронографический сборник, 50-е годы XVI в.

(до октября 1556 г.): РНБ, Собрание Кирилло-Белозерского монастыря (ф. 351), № 1/6, Еллинский летописец, 1°, 863 лл. новой фолиации; рукопись представляет собой первый том хронографического собрания, вложенного в Кирилло-Белозерский монастырь еп. Кассианом в 7065-м году (вкладная запись по лл. 3–7 и 860–863): содержит Восьмикнижие, Царства, Есфирь, книгу пророка Даниила, начинающую собственно Летописец Еллинский и Римский второй редакции (Академического вида) – до статьи «Царьство Малеонѣ в Риму и о убиении Февруариа»; второй том этого собрания, начинающийся Александрией,– в рукописи ГИМ Син. 86, которая содержит ту же вкладную запись еп. Кассиана и написана на бумаге того же времени [56. С. II–III, VIII]; Оглавление *П* в *Кир.-Бел. 1/6* на лл. 4–12 (новой фолиации), собственно Пятикнижие – на лл. 13–402 об.; использовано А.В. Михайловым под сиглом «$К_1$» [28. С. XL–XLII]; полная роспись водяных знаков бумаги – А.Е. Соболевой (ее датировка по бумаге – 50–60-е годы XVI в., но поскольку еп. Кассиан скончался 21 октября 1556 г. в том же Кирилло-Белозерском монастыре, то время вклада, и тем более создания рукописи, ограничивается сентябрем – октябрем 1556 г.); в списке *Кир.-Бел. 1/6* номеров глосс на полях в книгах после Бытия существенно больше, чем в *Тих. 453*.

Q.I.1407-2 – Плигинское Пятикнижие, вторая часть (см. первую: *Q.I.1407-1*), сер. XVI в.: РНБ, Основное собрание рукописных книг (ф. 550), № Q.I.1407, Ветхий Завет: Пятикнижие, 4°, лл. 467–478 – восполнение первой части со стиха Втор 32:6 до конца Пятикнижия и прибавление (лл. 475–478об.) – нумерованный индекс глосс, не отраженный в основном тексте Пятикнижия (*Q.I.1407-1*), но имеющий соответствия на полях в виде номеров в списках *Тих. 453* и *Кир.-Бел. 1/6*: это 63 глоссы в книге Бытия, 56 – в Исходе, 35 – в Левите, 64 – в Числах и 24 – во Второзаконии (итого 242 нумерованные глоссы).

Погод. 76 – Малое Погодинское Пятикнижие в составе сборника, тр. четв. XVI в.: РНБ, Собрание М.П. Погодина (ф. 588), № 76, Сборник, 8°, 377 лл.; состав: 1) Пятикнижие с Оглавлением занимает бóльшую часть кодекса – лл. 1–340 (Оглавление на 1–5об.); 2) хронологические выписки (л. 340об.); 3) «Учение, имже вѣдати человѣку числа всех лѣт» Кирика Новгородца (л. 341, один из пяти известных списков, самый полный и ранний, по которому оно впервые издавалось К.Ф. Калайдовичем и издается до сих пор); 4) индекс истинных и ложных книг (л. 346); 5) фрагмент из гадательной книги: «Пръвыи день мѣсяца небеснаго 2 из (?) сух велми...» (л. 346об., ср. у А.И. Соболевского: [57. С. 139]); 6) «Слово о семи днях творения» Епифания Кипрского (л. 347); 7) четыре статьи из «Толковой службы» в редакции, представленной в Чудовской кормчей: 7.1) «Слово истолкованное о святой и апостольстии и съборнеи церкви» (л. 348, известна под обобщенным названием «Толк апостольстей и соборней церкви», нач.: «Церкви есть земное небо...», ср.: [58. С. 147–150; 59. С. 542]), 7.2) «О приношении Ветхаго закона», нач.: «Почто повеле...» (л. 350, Толкование о приносе агнец бл. Феодорита Киррского, изначально известна по многим древнерусским компиляциям [58. С. 156–157; 59. С. 509]), 7.3) «Се Новаго Завѣта христианьского проскура» нач.: «Хлѣб чаша есть въправду...» (л. 351об., Толкование проскомидии [58. С. 157–160; 59. С. 509]), 7.4) «Толкование службы», нач.: «Глаголющу диакону...» (л. 353) [59. С. 454]; рукопись использовалась А.В. Михайловым под сиглом «$П_2$» [28. С. LXIX–LXX]; описание М.А. Моминой [60. С. 65–66]; уточненное описание водяных знаков бумаги, не меняющее, впрочем, датировки,– А.Е. Соболевой.

СОКРАЩЕННЫЕ НАЗВАНИЯ ДРЕВЛЕХРАНИЛИЩ

БАН – Библиотека Российской академии наук (С.-Петербург), Научно-исследовательский отдел рукописей;

БАНЛ – Библиотека Академии наук Литвы им. Врублевских (Вильнюс), Отдел рукописей;

ГИМ – Государственный исторический музей (Москва), Отдел рукописей;

РГАДА – Российский государственный архив древних актов (Москва);

РГБ – Российская государственная библиотека (Москва), Отдел рукописей;

РНБ – Российская национальная библиотека (С.-Петербург), Отдел рукописей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Грищенко А.И.* Правленое славяно-русское Пятикнижие XV века: предварительные итоги лингвотекстологического изучения. М., 2018.
2. *Грищенко А.И.* Славяно-русские пятикнижия XV–XVI вв. с правками и глоссами по масоретскому тексту и другим семитским источникам: новые лингвотекстологические данные // Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики. XVI Международный съезд славистов. Белград, 20–27 августа 2018 г. Доклады российской делегации / Отв. ред. А.М. Молдован. М, 2018.
3. *Bruni A.M.* 2.5.7 Old Church Slavonic Translations [of the Pentateuch] // The Hebrew Bible. Leiden, Boston, 2017. Vol. 1B. Pentateuch, Former and Latter Prophets / Ed. by A. Lange, E. Tov (= Textual History of the Bible. Vol. 1).
4. *Грищенко А.И.* Еще раз о происхождении кириллической буквы «Э»: кириллица, глаголица или еврейское письмо? // Slovo: časopis Staroslavenskoga instituta u Zagrebu. 2019. № 69. Str. 35–69. DOI: 10.31745/s.69.2
5. *Алексеев А.А.* Славянские глоссы средневековых еврейских сочинений // Slověne. 2019. Vol. 8. № 2. С. 412–418. DOI: 10.31168/2305-6754.2019.8.2.14
6. *Казаков А.А.* Конструируя ересь: два обличительных свидетельства об архимандритах «жидовствующих» // Novogardia. 2019. № 2. DOI: 10.25797/NG.2019.2.2.009
7. *Вилкул Т.Л.* Редакции Восьмикнижия в Полной хронографической палее (на материале Книги Бытия) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. Вып. 9 (83) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: https://history.jes.su/s207987840007831-3-1/ DOI: 10.18254/S207987840007831-3
8. *Ахиезер Г.* 3.3. Караимы Польско-Литовского государства до конца XVII в. // История еврейского народа в России. От древности до раннего Нового времени / Под ред. А. Кулика. М., 2010. Т. 1.
9. *Shapira D.* An Unknown Jewish Community of the Golden Horde // Competing Narratives between Nomadic People and their Sedentary Neighbours. Papers of the 7th International Conference on the Medieval History of the Eurasian Steppe. Nov. 9–12, 2018. Shanghai University, China / Ed. by Ch. Hao (= Studia uralo-altaica 53). Szeged, 2019.
10. *Темчин С.Ю.* Схария и Скорина: об источниках Виленского ветхозаветного свода (F 19–262) // Senoji lietuvos literatūra. 2006. Kn. 21.
11. *Темчин С.Ю.* Кириллический рукописный учебник древнееврейского языка (XVI в.): публикация и общая характеристика памятника // Naujausi kalbų ir kultūrų tyrimai / J. Jaroslavienė et al. (red. kolegija). Vilnius, 2012.
12. *Пичхадзе А.А.* Из истории четьего текста славянского Восьмикнижия // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 1996. Т. XLIX.
13. *Вилкул Т.Л.* Книга Исход: Древнеславянский полный (четий) текст по спискам XIV–XVI веков. М., 2015.
14. *Грищенко А.И.* Хронология «Родословия Адама» (Быт 5) в Правленом славяно-русском Пятикнижии XV века: К истокам календарных споров «жидовствующими» // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия III: Филология. 2018. № 56. DOI: 10.15382/sturIII201856.9-47

15. Landesarchiv Baden – Württemberg – Abt. Hauptstaatsarchiv Stuttgart – Bestand J 340, Wasserzeichensammlung Piccard (электронный ресурс; режим доступа: https://www.piccard-online.de/).
16. *Piccard G.* Die Ochsenkopf Wasserzeichen. Stuttgart, 1966. T. 3. (= Die Wasserzeichenkartei Piccard im Hauptstaatsarchiv Stuttgart. Find. II).
17. *Соколов М.И.* Переписные книги костромского Ипатиевского монастыря 1595 года // Чтения в Имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1890. Кн. 3. С. I–XI, 1–60 (отд. паг.).
18. *Водолазкин Е.Г.* Всемирная история в литературе Древней Руси (на материале хронографического и палейного повествования XI–XV вв.). 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 2008.
19. *Евсеев И.Е.* Словеса святых пророк – противоиудейский памятник по рукописи XV века // Древности. Труды Славянской комиссии Имп. Московского археологического общества. 1907. Т. IV. Вып. I / Под ред. А.С. Орлова.
20. *Клепиков С.А.* Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. М., 1959.
21. *Клепиков С.А.* Филиграни на бумаге русского производства XVIII – начала XX века. М., 1978.
22. *Piccard G.* Wasserzeichen Hand und Handschuh (= Die Wasserzeichenkartei Piccard im Hauptstaatsarchiv Stuttgart. Find. XVII). Stuttgart, 1997.
23. *Станковић Р.* Филигранолошки опис и албум грчких рукописа XV–XIX века Центра за словенско-византијска проучавања «Проф. Иван Дујчев» (Series catalogorum. Vol. XI). Софија, 2006 [= *Stanković R.* La description des filigranes et l'album des manuscrits grecs XVe–XIXe siècle du Centre de recherches slavo-byzantines « Prof. Ivan Dujčev ». Sofia, 2006. (Series catalogorum. Vol. XI)].
24. *Лазаревский А.*[*М.*] Описание старой Малороссии. Материалы для истории заселения, землевладения и управления. Киев, 1888. Т.I. Полк Стародубский.
25. *Истрин В.М.* Александрия русских хронографов: Исследование и текст. М., 1893.
26. *Жучкова И.Л.*, *Мошкова Л.В.*, *Турилов А.А.* Каталог славяно-русских рукописных книг XV века, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов. М., 2000.
27. *Михайлов А.В.* Книга Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе (Приложение к книге «Опыт изучения текста книги Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе). Варшава, 1900. Вып. I; 1901. Вып. II; 1903. Вып. III; 1908. Вып. IV.
28. *Михайлов А.В.* Опыт изучения текста книги Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе. Варшава, 1912. Ч.I. Паримейный текст.
29. *Добрянский Ф.*[*Н.*] Описание рукописей Виленской публичной библиотеки, церковнославянских и русских. Вильна, 1882.
30. *Морозова Н.* Кириллические рукописные книги, хранящиеся в Вильнюсе: Каталог. Vilnius, 2008.
31. *Lemeškin I.* Sovijaus sakmė ir 1262 metų Chronografas (pagal Archyvinį, Varšuvos, Vilniaus ir I.J. Zabelino nuorašus). Vilnius, 2009.
32. *Грищенко А.И.* «Забелинская подборка»: ранее неизвестный блок западнорусских библейских переводов с еврейских источников (по рукописи XVII века) // Judaic-Slavic Journal. 2020. № 2 (4) (в печати).
33. Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV век. М., 2002. Вып. 1 (Апокалипсис – Летопись Лаврентьевская) / Отв. ред. А.А. Турилов.
34. *Амосов А.А.*, *Белова Л.Б.*, *Кукушкина М.В.* Описание рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Л., 1989. Т. 8. Вып. 1. Рукописи Архангельского собрания.
35. *Копанев А.И.*, *Кукушкина М.В.*, *Покровская В.Ф.* Описание рукописного отдела БАН СССР. М.; Л., 1965. Т. 3. Вып. 2. Исторические сборники XV–XVII вв.
36. *Клосс Б.М.* О происхождении названия «Россия». М., 2012.
37. [*Ундольский В.М.*] Славяно-русские рукописи В.М. Ундольского, описанные самим составителем и бывшим владельцем собрания, с № 1 по 579-й. С приложением очерка собрания В.М. Ундольского в полном составе. М., 1870.
38. *Срезневский В.И.*, *Покровский Ф.И.* Описание рукописного отделения Библиотеки Императорской Академии наук. I. Рукописи. СПб., 1910. Т. 1 (I. Книги Священного Писания и II. Книги богослужебные).

39. *Леонид* (*Кавелин*), *архим*. Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания графа А.С. Уварова (с включением 750 №№ собрания И.Н. Царского, описанных П.М. Строевым в алфавитном порядке). М., 1893. Ч. I.
40. *Творогов О.В.* Материалы к истории русских хронографов. 3. Троицкий хронограф // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1989. Т. 42.
41. *Творогов О.В.* Древнерусские хронографы. Л., 1975.
42. *Срезневский В.И.* Сведения о рукописях, печатных изданиях и других предметах, поступивших в Рукописное отделение Библиотеки Императорской Академии наук в 1900 и 1901 годах. Приложение 1-е. СПб., 1903.
43. *Леонид* (*Кавелин*), *архим*. Сведение о славянских рукописях, поступивших из книгохранилища Св.-Троицкой Сергиевой лавры в библиотеку Троицкой духовной семинарии в 1747 году (ныне находящихся в библиотеке Московской духовной академии). М., 1887. Вып. 2.
44. *Срезневский В.И.* Сведения о рукописях, печатных изданиях и других предметах, поступивших в Рукописное отделение Библиотеки Императорской Академии наук в 1902 году. Приложение: Рукописи и книги, приобретенные В.И. Срезневским во время поездки в Вологодскую, Олонецкую и Пермскую губернии. СПб., 1905.
45. [*Горский А.В.*, *Невоструев К.И.*] Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. Отд. I. Священное Писание. М., 1855.
46. [*Горский А.В.*, *прот*.] О славянском переводе Пятокнижия Моисеева, исправленном в XV в. по еврейскому тексту // Прибавления к Творениям св. Отцев. 1860. Ч. 19. Кн. 1. С. 134–168 (1-я паг.).
47. *Новикова О.Л.* Опыты по составлению хронографа в Кирилло-Белозерском монастыре во второй половине XV – начале XVI века и происхождение «Криницы Досифея Топоркова» // Летописи и хроники. Новые исследования. 2015–2016. Сб. ст. памяти О.В. Творогова / Ред. О.Л. Новикова. М.; СПб., 2017.
48. *Гранстрем Е.Э.*, *Творогов О.В.*, *Валевичюс А.* Иоанн Златоуст в древнерусской и южнославянской письменности XI–XVI веков. Каталог гомилий (= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften. Bd. 100; Patristica Slavica, hrsg. von H. Rothe. Bd. 4). Opladen; СПб., 1998.
49. *Григорьев А.Д.* Повесть об Акире Премудром: Исследование и тексты. М., 1913.
50. *Востоков А.Х.* Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842.
51. *Ромодановская В.А.* Распространение переведенных с латыни частей Геннадиевской Библии. 1. Рукописи XV – первой трети XVI в. // Источники по русской истории и литературе: Средневековье и Новое время. Новосибирск, 2000.
52. Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Казань, 1881. Ч. I.
53. *Беляков О.В.*, *Жучкова И.Л.*, *Морозов Б.Н.*, *Мошкова Л.В.* Каталог славяно-русских рукописных книг XVI века, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов. М., 2005. Т. 1: Апостол – Кормчая.
54. *Попов А.*[*Н.*] Книга бытиа небеси и земли (Палея историческая), с прил. сокращенной Палеи русской редакции // Чтения в Имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1881. Кн. 1. С. I–XXIV, 1–172 (отд. паг.).
55. *Морозова Е.С.* Языковые и текстуальные особенности списка РГБ Тих.453 в контексте исследований Правленого Пятикнижия // Лингвокультурологические исследования развития русского языка в условиях полиэтнической среды: опыт и перспективы. Труды и мат-лы Междунар. конференции / Под общ. ред. Е.А. Горобец, О.Ф. Жолобова, М.О. Новак. Казань, 2018.
56. *Творогов О.В.* Летописец Еллинский и Римский. СПб., 1999. Т. 1. Текст.
57. *Соболевский А.И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII в. Библиографические материалы. СПб., 1903.
58. *Афанасьева Т.И.* Древнеславянские толкования на литургию в рукописной традиции XII–XVI вв.: исследования и тексты. М., 2012.
59. *Корогодина М.В.* Кормчие книги XIV – первой половины XVII века. М.; СПб., 2017. Т. II. Описание редакций.
60. Рукописные книги собрания М.П. Погодина. Каталог. Вып. 1 / ГПБ им. М.Е. Салтыкова–Щедрина; Под ред. О.В. Творогова, В.М. Загребина. Л., 1988.

НОМИНАЦИИ СУБСТАНТИВИРОВАННЫМИ ПРИЧАСТИЯМИ В СТАРОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

© 2020 г. В.С. Ефимова

Д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник и зав. отделом Института славяноведения РАН

E-mail: valeriefimova@yandex.ru

В статье употребление субстантивированных причастий в старославянских переводах исследуется в сопоставлении с употреблением причастных форм в греческих оригиналах. Автор утверждает, что единственным критерием при определении субстантивированности/отсутствия субстантивированности причастных форм в тексте является выполнение ими функции номинации лингвистических концептов. С этой точки зрения анализируются греческий и старославянский материалы и рассматриваются различные виды номинаций субстантивированными причастиями. Уделяется внимание не только однословным наименованиям в виде причастных форм, но и несколькословным наименованиям с причастными формами.

In the article, the use of substantivized participles in Old Church Slavonic translations is investigated in comparison with the use of participles in Greek originals. The author claims that the only criterion in determining the substantivization/absence of substantivization of the participial forms in the text is their fulfillment of the function of the naming of linguistic concepts. From this point of view, the Greek and Old Church Slavonic material is analyzed and various types of nominations by substantival participles are considered. Attention is paid not only to single-word nominations in the shape of participial forms but also to multi-word nominations with participial forms.

Ключевые слова: старославянский язык, греческие оригиналы, субстантивированные причастия, несколькословные наименования.

Keywords: Old Church Slavonic, Greek originals, substantival participles, multi-word nominations.

DOI: 10.31857/S0869544X0010422-7

Номинации субстантивированными причастными формами встречаются в старославянских текстах в больших количествах. Уже более полувека тому назад Р. Вечеркой было отмечено, что их обилие обусловлено влиянием языка греческих оригиналов. Вечерка, тем не менее, считал, что употребление субстантивированных причастий в старославянском языке не было механическим калькированием, «рабским» заимствованием этого языкового средства выражения из греческого, но что оно имело опору в «живой» (т.е. народной) языковой основе книжного старославянского языка [1. S. 15]. То, что употребление

причастных форм не было чуждо народной славянской речи той эпохи, показывает и исследование К. Штайнке, подсчитавшего в свое время, что в Саввиной книге около 16% причастных форм (но, главным образом, не в субстантивном употреблении) не имеют соответствий в виде причастных форм в греческом оригинале [2. С. 81]. Однако в том, что касается *субстантивного* употребления в старославянских текстах причастий (т.е. номинации предметов, в том числе и лиц), то, как будет видно из последующего изложения материала, здесь зависимость от греческих оригиналов в период становления старославянского лексического инвентаря (т.е. в IX–X вв.) достаточно сильна, а редкие примеры самостоятельного использования в этом качестве причастных форм представляются исключениями из общего правила. Среди последних можно указать на случаи (довольно редкие) перевода старославянскими причастными формами греческих субстантивно употребленных прилагательных, особенно отглагольных: (ὁ) ἐκλεκτός – ꙗзбꙑранъ(ꙑи) (Мт 24:22; Л 18:7 Зогр, Мар; Пс 17:27), ὁ ἀγαπητός – възлюбленꙑи (Пс 44:1) и т.п. Например:

Мт 24:22: διὰ δὲ τοὺς ἐκλεκτοὺς κολοβωθήσονται αἱ ἡμέραι ἐκεῖναι[1]

— за ꙗзбꙑранꙑѩ же прѣвратѧтъ сѧ дьне тн . Мар, Ас 83d, Зогр (ꙗзбꙑранꙑхъ);

Пс 44:11: ᾠδὴ ὑπὲρ τοῦ ἀγαπητοῦ

— пⷭ҇ѣ о възлюбленѣмъ . Син[2].

Основная же масса старославянских субстантивированных причастий следует за употреблением их в греческих оригиналах. Насколько распространено в греческих оригиналах старославянских текстов субстантивное употребление причастий, показывают подсчеты Джеймса Л. Бойера, который в греческом тексте Нового Завета насчитал 1467 таких примеров (the «substantive use» of the participle) [7. P. 165]. Еще более насыщен субстантивированными причастными формами поэтический текст Псалтыри.

Субстантивированные причастные формы встречаются в старославянских текстах во всех синтаксических позициях, обычно занимаемых существительными, и эти позиции уже были перечислены в монографии Р. Вечерки [1. S. 12–14]. Следует лишь учитывать, что определение синтаксических функций причастных форм, как никаких других, требует анализа достаточно большого контекста. Так, например, Р. Вечерка определял как выполняющие функцию подлежащего в Пс 32:15 причастные формы созъдавꙑ и разоумѣваѩи (в транслитерации, принятой в его монографии, *sozъdavy* и *razuměvajęi*) [1. S. 12]. Однако учет более широкого контекста показывает, что эти формы служат атрибутивами подлежащего господь:

Пс 32:13–15: ἐξ οὐρανοῦ ἐπέβλεψεν ὁ κύριος εἶδεν πάντας τοὺς υἱοὺς τῶν ἀνθρώπων ἐξ ἑτοίμου κατοικητηρίου αὐτοῦ ἐπέβλεψεν ἐπὶ πάντας τοὺς κατοικοῦντας τὴν γῆν ὁ πλάσας κατὰ μόνας τὰς καρδίας αὐτῶν ὁ συνιεὶς εἰς πάντα τὰ ἔργα αὐτῶν

---

[1] Греческий текст здесь и далее дается по изданиям [3–6].

[2] Но встречаются и «обратные» примеры (тоже довольно редкие), когда субстантивно употребленное в греческом оригинале причастие передается, особенно в несколько более поздних переводах, прилагательным или даже существительным. Ср., например, πονηρευόμενος – лѫкавꙑи в Пс 14:4: ἐξουδένωται ἐνώπιον αὐτοῦ πονηρευόμενος ... – оуниѵъженъ естъ прѣдъ нимъ лѫкавои ... Син; περισσεύων – ꙗзбꙑтъкъ в Мк 12:44: πάντες γὰρ ἐκ τοῦ περισσεύοντος αὐτοῖς ἔβαλον· – вси бо отъ ꙗзбꙑтъка своего въврьгошѧ . Зогр, Мар; ὁ γειτονεύων – сѫсѣдъ в ТК Иез 8,18: Καθάπερ γὰρ αὐτοὶ οὐ τὰ τῆς εὐσεβείας, ἀλλὰ τῆς ἀσεβείας ἐξέτειναν κλήματα, καὶ τὴν τῶν γειτονευόντων ἐπέτειναν βλάβην – ꙗкоже бо и҆ сни҆ бл҃гочьстїа· нѫ бесчьстїа прострѣшѫ лозѫ· и҆ прострѣшѫ сѫсѣдомъ врѣ҇· по F.I.461 л. 242а16.

— съ небесе прізрѣ гь . видѣ вьсѩ снꙑ чл҃скꙑѩ . съ готоваего жілишта своего . прізрѣ на вьсѩ живѫштѩѩ на земли . соꙁъдавꙑ единѣ сца ихъ. разоумѣваѩи вьсѣ дѣла ихъ . Син.

Поскольку старославянский перевод субстантивированными причастиями ориентирован на их употребление в греческих оригиналах, на субстантивированность старославянского причастия может указывать артикль при соответствующем причастии в греческом оригинале. В номинационном механизме греческого языка – как классического, так и византийского периодов – артикль играл важную роль, и в этом видится существенное отличие славянского грамматического строя от греческого. Как известно, одной из основных функций артикля в византийском греческом являлась функция субстантивизатора, посредством которого субстантивировались не только адъективы, но различные выражения, предложения и части предложений [8. P. 138–140]. Таким образом, посредством употребления артикля в греческом тексте причастные формы с легкостью могли превращаться в единицы номинации предметов (в том числе и лиц). Однако в греческих текстах артикль при субстантивированных причастиях употребляется хотя и часто, но все же не всегда [9. P. 619][3]. Кроме того, обычное и часто встречающееся явление в греческом языке – повторение артикля при атрибутиве, т.е. во второй атрибутивной позиции адъектива [9. P. 306–307], при этом расположение атрибутива в виде причастия с повторением артикля может быть, как в приведенном выше примере из Пс 32:13–15, на довольно большом расстоянии от определяемого слова, но артикль, будучи повторным, на субстантивированность причастия не указывает[4]. Также артикль может стоять при атрибутивах имен собственных, и в этом случае на него тоже, видимо, нельзя полагаться как на показатель субстантивированности, так как атрибутив в виде причастия с артиклем может оказаться как адъективом, так и так называемым приложением, т.е. выполнять роль субстантива. Например:

Мк 6:14: καὶ ἔλεγεν ὅτι Ἰωάννης ὁ βαπτίζων ἐκ νεκρῶν ἠγέρθη

— і гл҃ааше . ѣко іоанъ крьстѧі въста отъ мрътвꙑихъ . Зогр, Мар

(ср. Синодальный перевод: «говорил: это Иоанн Креститель воскрес из мертвых».)

И, наконец, в некоторых случаях (правда, достаточно редких) от артикля трудно отличимо местоимение, которое в таких случаях выступает, как правило, в сопровождении частицы δέ [8. P. 131], а причастие является не субстантивированным, а глагольным, выполняющим функцию второстепенного сказуемого. Как, например, в Мт 26:57:

Οἱ δὲ κρατήσαντες τὸν Ἰησοῦν ἀπήγαγον πρὸς Καϊάφαν τὸν ἀρχιερέα

— они же імъше нса ведошѧ и къ каіѣфѣ . архиереови . Зогр, Мар (емъше), Ас 91а, 101с (емъше), Сав 97, 111.

[3] Например, в греческих текстах артикль часто отсутствует, когда лингвистический концепт имеет обобщающее значение. Ср. в Пс 43:17: καὶ ἡ αἰσχύνη τοῦ προσώπου μου ἐκάλυψέν με ἀπὸ φωνῆς ὀνειδίζοντος καὶ παραλαλοῦντος ἀπὸ προσώπου ἐχθροῦ καὶ ἐκδιώκοντος – ї стоудъ лица моего кръı мѩ . ѡтъ гласа поносѩщаго и оклеветаѭщаго . отъ лица вражиѣ изгонѩщаго . Син.

[4] Ср., например, также Пс 40:10: καὶ γὰρ ὁ ἄνθρωπος τῆς εἰρήνης μου ἐφ᾽ ὃν ἤλπισа ὁ ἐσθίων ἄρτους μου ἐμεγάλυνεν ἐπ᾽ ἐμὲ πτερνισμόν – їбо чл҃вкъ мира моего на нъже оупъвахъ . ѣдꙑи хлѣбꙑ моѩ възвеличилъ есть на мѩ ковъ . Син. Примеры можно умножать.

Судя по использованию в качестве подлежащего местоимения они и краткой формы причастия[5] для перевода греч. κρατήσαντες, первые славянские переводчики воспринимали последнее в качестве второстепенного сказуемого (ср. с Синодальным переводом, где допущено переосмысление второстепенного сказуемого в субстантивированное причастие: «А взявшие Иисуса отвели Его к Каиафе первосвященнику»). Ср. также похожие примеры:

Мт 27:66: Οἱ δὲ πορευθέντες ἠσφαλίσαντο τὸν τάφον

— они же шьдъше оутвръдишѧ гробъ . Зогр, Мар, Ас;

Мт 28:9: Αἱ δὲ προσελθοῦσαι ἐκράτησαν αὐτοῦ τοὺς πόδας

— онѣ же пристѫпьши . ꙗсте сѧ ꙁа ноꙁѣ его . Зогр, Мар, Ас, Сав.

Таким образом, единственным критерием, на который можно положиться при определении субстантивированности / отсутствия субстантивированности причастных форм в старославянских текстах, – это выполнение ими функции номинации лингвистических концептов[6], и употребление причастных форм будет рассматриваться в настоящей статье с этой точки зрения. По большей части это номинации лиц, но встречаются также номинации явлений и конкретных предметов.

По характеру номинирования лингвистического концепта встречающиеся в старославянских текстах номинации лиц причастными формами можно разделить на два вида. К первому можно отнести наименования лиц, номинирующие их по постоянным действиям, постоянным состояниям и постоянным свойствам. Ко второму – наименования лиц, номинирующие их по непостоянным действиям и непостоянным состояниям.

Старославянские субстантивированные причастия, следуя в употреблении за греческими, максимально им подражают в использовании времени и залога – разумеется, в той мере, в какой это позволяют морфологические и семантические параметры исходных славянских глаголов. Субстантивированные причастия, номинирующие лиц по постоянным действиям, в своем большинстве переводят греческие презенсные причастия активного залога, реже медиального залога. Ср., например:

Пс 59:14: καὶ αὐτὸς ἐξουδενώσει τοὺς θλίβοντας (part. praes. act.) ἡμᾶς

– ї тъ оуничъжітъ сътѫжаѭщѩѩ намъ . Син;

Л 6:25: Οὐαὶ ὑμῖν, οἱ γελῶντες (part. praes. act.) νῦν...

— горе вамъ смѣѭштеи сѧ нꙑнѣ ... Мар (смѣѭштімъ сѧ Зогр);

Пс 36:22: οἱ δὲ καταρώμενοι (part. praes. med.) αὐτὸν ἐξολεθρευθήσονται

— клънѫщеї же его потрѣбѩтъ сѩ . Син.

Субстантивированные причастия, номинирующие лиц по постоянным действиям, близки по значению отглагольным существительным, особенно существительным с суффиксом *-tel'(ь)*. Однако на начальном этапе становления старославянского языка первые славянские переводчики стремились в данном

[5] На то, что в субстантивированных причастиях использовалась преимущественно полная форма, обратил внимание уже Р. Вечерка [1. S. 19–28].

[6] О нашем определении понятия «лингвистический концепт» применительно к старославянскому материалу см. [10. С. 35–39; 11. С. 355–356, 366]. При анализе старославянских текстов мы имеем дело с «конкретными» концептами, которые более традиционно можно бы было называть «стоящими за словами понятиями». См. [12. С. 43–62].

случае к соблюдению соответствий частей речи в переводе, т.е. суффиксальные существительные переводились ими суффиксальными существительными, а субстантивированные причастия – субстантивированными причастиями, что нам уже приходилось отмечать ранее [13. С. 147–150]. Таким образом, διώκτης переводилось ими как гонитель, а ὁ διώκων – как гонѩи, κτίστης – как ꙁиждитель, а ὁ οἰκοδομῶν – как ꙁиждѧи и т. п[7]. Ср.:

1Тим 1:13: θέμενος εἰς διακονίαν, τὸν πρότερον ὄντα βλάσφημον καὶ διώκτην καὶ ὑβριστήν·

— положи въ слоужьбоу бывъшаго инъгда хоульника и гонителѩ и досадителѩ Христ, Слепч, Шиш;

Пс 7:1: σῶσόν με ἐκ πάντων τῶν διωκόντων με καὶ ῥῦσαί με

— сп҃і мѩ . ѡтъ вьсѣхъ гонѩщіихъ мѩ ї҆ꙁбаві мѩ . Син

(ср., однако, Синодальный перевод: «спаси меня от всех гонителей моих»);

Супр 460,17: Ἐκεῖ Νῶε ὁ Χριστοῦ τύπος τῆς μεγάλης κιβωτοῦ θεοῦ ἐκκλησίας κτίστης, τῆς τὰ θηριώδη ἔθνη πάντα ἐκ κατακλυσμοῦ ἀσεβείας διὰ περιστερᾶς ἁγί ου πνεύματος διασωσάσης

— тоу ноѥ х҃совъи образъ . великоуоумоу ков'чегоу божии црък'ві ꙁиждитель . съпасъшии жестосръдыѧ вьсѧ ѧꙁыкы . отъ потопа нечьстию . голѫбемъ с҃таго доуха .

Пс 117:22: λίθον ὃν ἀπεδοκίμασαν οἱ οἰκοδομοῦντες οὗτος ἐγενήθη εἰς κεφαλὴν γωνίας

— камень ї҆же не врѣдоу сътворишѧ ꙁіждѫштеї . сь бꙑстъ въ главѫ ѫгълоу . Син = камень егоже не врѣдоу сътворишѧ ꙁиждѫштеи . съ бꙑстъ въ главѫ ѫгълѫ . Мф 21:42 Мар, Мк 12:10 Зогр, Мар.

От отглагольных существительных субстантивированные причастия – и греческие, и старославянские – отличаются прежде всего параметрами, обязанными глагольной стороне их двойственной природы: они наследуют не только различия по залогу и времени (часто формальные), но во многих случаях также и связи с зависимыми словами – как свободные, так и, что важнее, сильные[8]. Разумеется, сильных связей не имеют субстантивированные причастия, образованные от безобъектных глаголов, причем значение безобъектного может получить исходный (семантически мотивирующий) глагол не только непереходный объектный, но и переходный. Так, в вышеприведенных примерах наименования ὁ θλίβων и сътѫжаѩи, ὁ καταρώμενος и клънѩи, ὁ διώκων и гонѩи наследуют сильное управление исходных глаголов, тогда как οἱ οἰκοδομοῦντες и ꙁиждѫштеи образованы соответственно от переходных глаголов οἰκοδομεῖν и ꙁьдати в значении безобъектных[9]. Представляется, что субстантивированные причастия, образованные от безобъектных (или со значением безобъектных) глаголов и не

---

[7] Однако впоследствии субстантивированное причастие могло заменяться суффиксальным существительным. Показательна в этом отношении замена в Мк 4:3 субстантивированного причастия сѣѩи на существительное с суффиксом *-tel'(ь)* сѣѩтель в Галицком евангелии 1144 г.: ἰδού, ἐξῆλθεν ὁ σπείρων τοῦ σπεῖραι· – се иꙁиде сѣѩи сѣатъ . Мар – сѣѧтель Галиц (в Мт 13:8 и в Л 8:5 этот список сохраняет субстантивно употребленное причастие сѣѩи).

[8] Следует отметить, однако, что сохранение свободных связей наблюдается иногда в старославянском языке и у отглагольных существительных, что уже давно было отмечено К.И. Ходовой [14. С. 135. Прим. 27].

[9] Ср. употребление этих глаголов в качестве переходных, например, в Мф 23:29: ὅτι οἰκοδομεῖτε τοὺς τάφους τῶν προφητῶν – ѣко ꙁиждете гробꙑ пророчьскꙑѩ Мар, Остр.

имеющие сильных связей, легче приобретают статус наименований лиц по профессии. Например:

Мк 11:15: καὶ εἰσελθὼν ὁ Ἰησοῦς εἰς τὸ ἱερὸν ἤρξατο ἐκβάλλειν τοὺς πωλοῦντας καὶ ἀγοράζοντας ἐν τῷ ἱερῷ·

— і въшьдъ н҃с въ цръкъвь начѧтъ іꙁгонити . продаѭштаѩ і коупоуѭштаѩ въ цръкъве . Зогр, Мар;

И 4:36: ἵνα καὶ ὁ σπείρων ὁμοῦ χαίρῃ καὶ ὁ θερίζων.

— да сѣѩи въ коупѣ радоуетъ сѧ . і жьнѧі . Зогр, Мар, Ас, Остр;

Мт 28:4: Ἀπὸ δὲ τοῦ φόβου αὐτοῦ ἐσείσθησαν οἱ τηροῦντες

— ѡтъ страха же его сътрѧсошѧ сѧ стрѣгѫштеі . Зогр, Мар, Ас, Сав.

Субстантивированные причастия, номинирующие лиц по их постоянному состоянию, переводят греческие причастия как активного, так и медиального залога (главным образом, презенсные), иногда причастия пассивного залога. Эти причастия номинируют лиц по их постоянным состояниям любви, ненависти, надежды, веры, жажды, одержимости, страха и т.п. Особенно характерны номинации такими субстантивированными причастными формами во мн. ч. для поэтического текста Псалтыри: οἱ ἀγαπῶντες – любѩщеи (Пс 5:12; Пс 39:17; Пс 68:37; Пс 69:5; Пс 96:10; Пс 118:132; Пс 118:165; Пс 121:6), οἱ μισοῦντες – ненавидѩщеи (Пс 17:18; Пс 17:41; Пс 20:9; Пс 33:22), οἱ ἐλπίζοντες – оупьваѭщеи (Пс 5:12; Пс 16:7; Пс 17:31; Пс 30:20; Пс 30:25), οἱ πεποιθότες – надѣѭщіі сѩ (Пс 2:12; Пс 48:7), οἱ φοβούμενοι – боѩщеи сѧ (Пс 21:24; Пс 24:14; Пс 30:20) и т.п. Ср.:

Л 6:32: Καὶ εἰ ἀγαπᾶτε τοὺς ἀγαπῶντας (part. praes. act.) ὑμᾶς, ποία ὑμῖν χάρις ἐστίν; Καὶ γὰρ οἱ ἁμαρτωλοὶ τοὺς ἀγαπῶντας αὐτοὺς ἀγαπῶσιν.

— і ѣште ... любите любѧщаѩ вꙑ каѣ вамъ хвала естъ . ібо и грѣшьници любѧштаѩ ихъ любѧтъ . Мар, Зогр, Ас, Сав;

Пс 17:18: ῥύσεταί με ἐξ ἐχθρῶν μου δυνατῶν καὶ ἐκ τῶν μισούντων (part. praes. act.) με

— иꙁбавітъ мѩ отъ врагъ моіхъ . сілънꙑіхъ . і (о)тъ ненавідѩштіихъ мѩ . Син;

Пс 21:24: οἱ φοβούμενοι (part. praes. med.) κύριον αἰνέσατε αὐτόν

— боѩштеі сѩ г҃ѣ въсхваліте і . Син;

Мк 5:18: παρεκάλει αὐτὸν ὁ δαιμονισθείς (part. aorist pass.)

— молѣаше і бѣсъновавꙑ сѧ Зогр, Мар.

В переводах греческих перфектных причастий видим субстантивированные страдательные причастия – вообще встречающиеся в старославянских текстах в субстантивном употреблении гораздо реже, чем действительные: οἱ δεδιωγμένοι – иꙁгънани, οἱ τεθραυσμένοι – съкроушении, οἱ ἐμπεπλησμένοι – насꙑштении. Ср., например:

Л 4:18: ἀποστεῖλαι τεθραυσμένους (part. perf. pass.) ἐν ἀφέσει

— отъпоустиитъ съкроушенꙑѩ въ отрадѫ . Мар, Ас.

Также субстантивированные страдательные причастия видим в номинациях лиц по их постоянным свойствам, и часто такие наименования не имеют зависимых слов. Например:

Мт 25:41: Πορεύεσθε ἀπ᾽ ἐμοῦ, οἱ κατηραμένοι (part. perf. pass.), εἰς τὸ πῦρ τὸ αἰώνιον

— ıдѣте отъ мене проклѧтии въ огнъ вѣчънъı . Мар, Ас, Сав, Зогр (проклѧти);

Л 5:24: εἶπεν τῷ παραλελυμένῳ (part. perf. pass.)

— рече ослабленоумоу Мар, Зогр, Ас, Сав.

Видим, однако, среди номинаций лиц по их постоянным свойствам также иногда и действительные субстантивированные причастия. Ср.:

Пс 36:1: μὴ παραζήλου ἐν πονηρευομένοις (part. praes. med.)

— не ревъноуıте лѫкавьноуѭщиıмъ . Син

(ср. Синодальный перевод: «Не ревнуй злодеям»).

Достаточно распространены в старославянских текстах также наименования причастными формами, не имеющие отношения к постоянным характеристикам лиц, но номинирующие их по непостоянным действиям и временным состояниям: люди где-то что-то видят, слышат, где-то сидят, стоят (временно), едят, совершают всякие действия. Такие субстантивированные причастия по значению ближе к глагольным, и не всегда текст может быть истолкован однозначно, особенно если в греческом оригинале при причастии отсутствует артикль. Ср., например, в Мт 27:35:

Σταυρώσαντες δὲ αὐτόν, διεμερίσαντο τὰ ἱμάτια αὐτοῦ, βάλλοντες κλῆρον.

— пропьнъше же и . раздѣльше ризъı его меташѧ жрѣбиѩ . Зогр, Мар, Ас 109a (распеньше), Сав 118b (распьнъше).

В этом стихе причастная форма σταυρώσαντες употреблена без артикля. В Синодальном переводе она была понята как субстантивированная (ср.: «Распявшие же Его делили одежды Его, бросая жребий»), однако наши первые славянские переводчики восприняли ее, видимо, как глагольную (т.е. в качестве второстепенного сказуемого), о чем свидетельствует перевод именной (краткой) формой как в апракосах, так и в тетрах. Ср. также пример Мк 6:2:

καὶ πολλοὶ ἀκούοντες ἐξεπλήσσοντο, λέγοντες...

— ı мнози слъıшавъше дивлѣахѫ сѧ ... Зогр, Мар

(ср. Синодальный перевод: «и многие слышавшие с изумлением говорили...»).

Таким образом, при интерпретации текстов с подобными номинациями в качестве ориентиров как показателей субстантивированности причастной формы приходится опираться на наличие/отсутствие артикля в греческом оригинале и употребление именной/полной формы в старославянском переводе.

Субстантивированные причастия, номинирующие лиц по их непостоянным действиям, переводят по большей части греческие причастия активного залога – как презенсные, так и аористные. Ср.:

Мк 5:16: Διηγήσαντο δὲ αὐτοῖς οἱ ἰδόντες (part. aor. act.) πῶς ἐγένετο τῷ δαιμονιζομένῳ, καὶ περὶ τῶν χοίρων.

— и повѣдѣшѧ имъ видѣвъшеи . како бъıстъ бѣсъноуемоу . ı о свиниѣхъ . Мар, Зогр;

ТК Иез 17:1–3: ἵν᾽ ἀγνοοῦντες οἱ ἀκούοντες (part. praes. act.) τὰ λεγόμενα σπουδαιότεροι περὶ τὴν τούτων γένωνται ζήτησιν

— да не разоумѣѭще слышѧщеи҆ , паче сѧ потъщѧтъ ѡ҆ въпрашании҆· по F.I.461 л. 259б2;

Мт 26:68: Προφήτευσον ἡμῖν, χριστέ, τίς ἐστιν ὁ παίσας (part. praes. act.) σε;

— прорьци намъ х҃е кто естъ оударен тѧ . Мар, Зогр (оударꙑ), Ас, Сав (оударнꙇ).

Субстантивированные причастия, номинирующие лиц по их временным состояниям, переводят как презенсные, так и перфектные причастия. Например:

Мт 27:47: Τινὲς δὲ τῶν ἐκεῖ ἑστώτων (part. perf. act.) ἀκούσαντες ἔλεγον...

— етери же отъ стоꙗштихъ тоу . слꙑшавъше гл҃ахѫ . ... Зогр, Мар, Ас, Сав;

Иез 3:27: λέγει κύριος ... ὁ ἀπειθῶν (part. praes. act.) ἀπειθείτω διότι οἶκος παραπικραίνων ἐστίν

— се҃ гл҃еть а҆донаи г҃ь҅ непокарѣѭи да сѧ покорить· и҆҃мже домъ гнѣваѧи҆ е҆҃сть҃ по F.I.461 л. 233б 9.

Номинации явлений или конкретных предметов причастными формами встречаются в старославянских текстах гораздо реже, но такие номинации возможны. Как правило, эти субстантивированные причастия переводят греческие причастные формы, субстантивно употребленные в ср. р. ед. и мн. ч. В старославянском переводе видим также субстантивно употребленные причастные формы ср. р. ед. и мн. ч. Как и в других случаях, первые славянские переводчики стремились соблюдать соответствия в залоге: τὸ εἰρημένον (part. perf. pass.) – реченое, τὸ διατεταγμένον (part. perf. pass.) – повелѣное, τὸ ἐκπορευόμενον (part. praes. med./pass.) – исходѩщеѥ, τὰ ἐκπορευόμενα (part. praes. med./pass.) – исходѩщаꙗ, τὰ λαληθέντα (part. aorist pass.) – глаголанаꙗ, τὰ λαλούμενα (part. praes. pass.) – глаголѥмаꙗ, τὸ γεγονός (part. perf. act.) – бꙑвъшеѥ, τὸ ποιηθέν (part. aor. pass.) – сътворѥное и т.п. Ср.:

Л 2:33: Καὶ ἦν Ἰωσὴφ καὶ ἡ μήτηρ αὐτοῦ θαυμάζοντες ἐπὶ τοῖς λαλουμένοις (part. praes. pass.) περὶ αὐτοῦ.

— ꙇ бѣ иосифъ и мати его чюдѧшта сѧ . о гл҃емꙑихъ о немь . Мар, Зогр, Ас (гл҃емъиихъ), Сав;

Л 3:13: Ὁ δὲ εἶπεν πρὸς αὐτούς, Μηδὲν πλέον παρὰ τὸ διατεταγμένον (part. perf. pass.) ὑμῖν πράσσετε.

— онъ же рече къ нимъ . ничьтоже боле повелѣнааго вамъ творите . Мар, Зогр, Ас, Сав;

Супр 432,2–3: καὶ ἠνείχετο ἑλκόμενος ὁ δημιουργὸς παρὰ τῶν δημιουργημάτων, ὁ πλάστης ὑπὸ τοῦ πλάσματος, ὁ ποιητὴς ὑπὸ τοῦ ποιηθέντος (part. aor. pass.)

— и трьпѣѣше влѣкомъ творьць отъ твари . зъдатель отъ зъданиꙗ . творьць отъ сътворенааго.

Интересна редкая для старославянских текстов номинация причастной формой ж.р. конкретного предмета – мелющих камней в древней мельнице:

Мт 24:41: Δύο ἀλήθουσαι (part. praes. act.) ἐν τῷ μύλωνι· μία παραλαμβάνεται, καὶ μία ἀφίεται.– двѣ мелѭшти въ жрънъвахъ . едина поемлетъ сѧ . ꙇ едина оставлѣетъ сѧ . Зогр, Мар, Ас, Сав.

* * *

Рассмотренные выше виды номинаций субстантивированными причастиями, встречающиеся в старославянских текстах, представлены однословными наименованиями (хотя во многих случаях и сохраняющими глагольное управление зависимыми словами). Номинации «лингвистический концепт → однословная номинация» являются «центром» процессов номинации лингвистических концептов в системе языка[10]. Небезосновательно одну из своих статей Г. Боой начинает так: «Words are the linguistic expressions par excellence for the function of naming. Words are function as names for concepts» («Слова идеально подходят для функции номинации. Слова функционируют как имена для концептов») [16. P. 219]. Однако функцию номинации в языке выполняют не только однословные наименования, но и наименования несколькословные, причем предыдущие исследования в сфере номинации показывают, что наличие однословного наименования определенного лингвистического концепта в лексическом инвентаре языка далеко не обязательно [10. С. 39]. С точки зрения теории номинации субстантивированная причастная форма должна номинировать лингвистический концепт, однако встречаются примеры, когда субстантивно употребленная причастная форма лингвистического концепта не номинирует, не будучи включенной в несколькословное наименование. Условно – с точки зрения теории номинации – можно говорить о семантической недостаточности таких причастных форм. Следует отметить, что исследования старославянского языка прежних лет, проводившиеся в рамках формального линейного синтаксиса, «не замечали» такой особенности номинирования причастиями. Так, Р. Вечерка в своей уже упомянутой выше монографии первым же номером приводит пример употребления субстантивированного причастия в функции подлежащего: «*prieml'ęi proroka. vъ imę proroče. mъzdǫ proročǫ primetъ. i prieml'ęi pravedьnika. v imę pravedьniče. mъzdǫ pravedьničǫ primetъ.* Mt 10.41» [1. S. 12]. Судя по тому, что далее автор указывает греческий оригинал следующим образом «ὁ δεχόμενος ..., καὶ ὁ δεχόμενος», он считает δεχόμενος и *prieml'ęi* субстантивированными причастиями, употребленными в функции подлежащего. Однако сама по себе форма *prieml'ęi*, не будучи включенной в несколькословные наименования *prieml'ęi proroka* или *prieml'ęi pravedьnika*, лингвистического концепта не номинирует.

Ряд старославянских несколькословных наименований с причастными формами безусловно можно признать лексическими единицами-обозначениями, т.е. единицами лексического инвентаря старославянского языка[11]. Прежде всего это наименования с причастиями творѩн (или реже сътворꙑ) и дѣлаѩн (в формах ед. и мн. ч.): ποιῶν (part. praes. act.) ἀγαθόν – творѩн добра (Пс 52:2; Пс 52:4), ποιοῦντες κακά – творѩштеи ꙁълаѩ (Пс 33:17), ποιῶν χρηστότητα – творѩн благостꙑнѩ (Пс 13:1; Пс 13:3), οἱ ποιοῦντες τὴν ἀνομίαν – творѩштеи беꙁаконениѥ (Пс 36:1), οἱ ἐργαζόμενοι (part. praes. med.) τὴν ἀνομίαν – творѩштеи беꙁаконениѥ (Пс 5:6; Пс 6:9; Пс 13:4; Пс 35:13; Пс 58:3; Пс 58:6), ὁ ποιῶν δικαιοσύνην – творѧн

[10] Идею «центра» процессов номинации в лингвистической системе, обозначенного как «la position "adéquate" du signe», впервые высказал, видимо, Сергей Карцевский в статье «Du dualisme asymétrique du signe linguistique» 1929 г. [15. P. 7]. Впоследствии понятия «центра» и «периферии» языковых явлений стали широко использоваться лингвистами.

[11] О том, что словосочетания типа *mauvaise foi* в значении 'нечестность, вероломство' представляют собой в сущности одну лексическую единицу, впервые написал, видимо, Ш. Балли: «Psychologiquement, c'est un mot, une *unité lexicologique* ...» [17. P. 69]. Противопоставление единиц-обозначений (т.е. лексических единиц – как однословных, так и несколькословных) и единиц-описаний (аналитических дескрипций) среди единиц номинации было намечено в свое время Е.С. Кубряковой [18].

правдѫ (ТК Иез 9:6), οἱ ἐργαζόμενοι ἀδικίαν – творѧштен непрaвьдѫ (Пс 27:3), οἱ ποιοῦντες ὑπερηφανίαν – творѧштен гръдꙑнѫ (Пс 30:24), ὁ ποιήσας (part. aor. act.) τὸ ἔλεος – сътворы мълостꙑнѭ (Л 10:37), ὁ τὴν θεραπείαν δεόμενος (part. praes. med.) – цѣльбѫ творѧн (ТК Иез 18:17), ἐργαζόμενος δικαιοσύνην – дѣлаѭн правьдѫ (Пс 14:2), ἐργαζόμενοι τὴν ἀνομίαν – дѣлаѭщен непрaвьдѫ (Пс 63:3), οἱ ἐργαζόμενοι τὴν ἀνομίαν – дѣлаѭштеі бєzаконєнніе (Пс 52:5) и т.п. Например:

Пс 52:2: οὐκ ἔστιν <u>ποιῶν ἀγαθόν</u>

— нѣстъ <u>творѧн добра</u> . Син;

Пс 36:1: μηδὲ ζήλου <u>τοὺς ποιοῦντας τὴν ἀνομίαν</u>

— нн zавнди <u>творѧщнїмъ бєzаконєннє</u> . Син;

Пс 63:3: ἐσκέπασάς με ἀπὸ συστροφῆς πονηρευομένων ἀπὸ πλήθους <u>ἐργαζομένων τὴν ἀνομίαν</u>

— покрꙑи мѧ отъ сонмꙑа zълобнвꙑихъ . ї отъ дѣлаѭщіихъ непрaвьдѫ . Син.

Как видим, эти несколькословные наименования с причастными формами номинируют единые, цельные лингвистические концепты лиц с положительной или отрицательной характеристикой, причем семантически нагруженными оказываются не причастия, а зависимые слова. Поскольку старославянские несколькословные наименования семантически и морфологически достаточно точно передают соответствующие греческие наименования (за исключением, конечно, того, что последние по большей части употребляются с артиклем), подражая, как и в других случаях, в использовании времени и залога причастных форм, возникает предположение о калькировании греческих наименований. У нас нет свидетельств, что тип несколькословных наименований с причастиями творѧн или дѣлаѭн был присущ славянской народной речи того времени, но он хорошо «прижился» в старославянском лексическом инвентаре. Ср. пример перевода подобным наименованием однословного греческого οἱ ἐπηρεάζοντοι – творштен обндѫ в тексте Евангелия-тетр:

Л 6:28: προσεύχεσθε ὑπὲρ <u>τῶν ἐπηρεαζόντων</u> (part. praes. act.) ὑμᾶς.

— молнте сѧ zа <u>творѧштаѭ</u> вамъ обндѫ . Мар, Зогр.

Номинируют единые, цельные лингвистические концепты лиц также и некоторые несколькословные наименования с другими причастными формами: ὁ ἀγαπῶν ἀδικίαν – любѧн непрaвъдѫ (Пс 10:5), οἱ μισοῦντες τὰ καλά – ненавидѧщен добраѭ (Мих 3:2), λαλῶν ἀλήθειαν – глаголѧ истинѫ (Пс 14:2), οἱ θέλοντες κακά – хотѧщен zло (Пс 39:15), οἱ ἀνταποδιδόντες κακά – вzздаѭщен zло (Пс 7:5), οἱ ἀνταποδιδόντες κακά – вzздаѭщен zла (Пс 37:21), οἱ ζητοῦντες τὰ κακά – нскѫщеі zла (Пс 37:13), οἱ ζητοῦντες τὴν ψυχήν – нскѫщен доушѧ (Пс 39:15), οἱ ζητοῦντες τὰ πονηρά – вzzыщѫщен злаѧ (Мих 3:2), οἱ λογιζόμενοι κακά – мzыслѧщен zлаѧ (Пс 34:4), οἱ λαλοῦντες τὸ ψεῦδος – глаголѧщѧѧ лжѫ (Пс 6:7), οἱ προσδεχόμενοι λύτρωσιν – ѵаѭштен нzбавленнѣ (Л 2:38), οἱ τὰ χρήματα ἔχοντες – нмѫштен богатьство (Мк 10:23), οἱ συντετριμμένοι τὴν καρδίαν – сѣкроушенни срьдьцемь (Пс 33:19, Л 4:18), γεννητοὶ γυναικῶν – рожденнн женамн (Л 7: 28) и т.п. Ср.:

Пс 10:5: <u>ὁ</u> δὲ <u>ἀγαπῶν ἀδικίαν</u> μισεῖ τὴν ἑαυτοῦ ψυχήν

— а <u>любѧн непрaвъдѫ</u> ненавидитъ своеѧ дш̄ѧ. Син;

Л 7:28: μείζων <u>ἐν γεννητοῖς γυναικῶν</u> προφήτης Ἰωάννου τοῦ βαπτιστοῦ οὐδείς ἐστιν·

— болнн <u>рожденꙑихъ женамн</u> пр̄къ . іоана крzстнтелѣ ннктоже нѣстъ . Мар, Зогр.

В значениях несколькословных наименований с причастными формами более значимы семантические составляющие зависимых слов, и в этом отличие несколькословных наименований от однословных в виде причастных форм, сохраняющих глагольное управление зависимыми словами. Так, наименование любѩи неправъдѫ (ὁ ἀγαπῶν ἀδικίαν) почти синонимично наименованию дѣлаѩи неправьдѫ (ὁ ἐργαζόμενος τὴν ἀνομίαν), и для характеристики соответствующего лингвистического концепта значимо понятие «неправды» (ἀδικία), а не понятие «любви». В наименовании рожденни женами (γεννητοὶ γυναικῶν) значимо не понятие «рождения», а то, что речь идет о рожденных *женщинами*, т.е. о людях, а не о небожителях в Царствии Божием. И т.п.

Лексическими единицами следует, видимо, признавать также и старославянские несколькословные наименования с причастными формами, переводящие соответствующие греческие наименования, основанные на фразеологических сочетаниях[12]. Эти несколькословные наименования создавались славянскими книжниками путем калькирования – с точностью в той мере, в какой позволяли законы славянской грамматики. Ср., например, οἱ πίνοντες εἰς μέθην → пиѩщеи до пиѩньства, где наименование οἱ πίνοντες εἰς μέθην образовано от фразеологического сочетания πίνειν εἰς μέθην:

Иоил 1:5: ἐκνήψατε οἱ μεθύοντες ἐξ οἴνου αὐτῶν καὶ κλαύσατε θρηνήσατε πάντες <u>οἱ πίνοντες</u> οἶνον <u>εἰς μέθην</u>

— оутвръдите сѧ пиѩнии ѿ вина своего . и плачите сѧ . рыдаите въси <u>пиѩщеи</u> вино <u>до пианства</u> . по F.I.461 л. 185б 20.

В заключение поставим вопрос, насколько номинации несколькословными наименованиями с причастными формами были органичны для народной славянской основы старославянского языка, или же это были сугубо книжные номинации. Судя по наличию в евангельских стихах Мт 9:2 и Мк 2:3 наименования ослабленъ(ъıи) жилами, использованного для перевода греческого однословного παραλυτικός, народной славянской речи того времени не были чужды несколькословные наименования с причастными формами. Тем не менее в первых славянских переводах во многих случаях заметна склонность переводчиков к использованию конструкций с местоимением и личной формой глагола, иногда наблюдается и вариативность по спискам. Ср., например:

Мт 10:40: <u>Ὁ δεχόμενος ὑμᾶς</u> ἐμὲ δέχεται·

— <u>приемлѧı васъ</u> мене приемлетъ . Сав 30об., Сав 37об.

— <u>ıже въı приемлетъ</u> мѧ приемлетъ . Мар, Зогр (<u>приметъ</u>), Ас 39d.

Разумеется, этот вопрос требует дальнейшего изучения, однако в отношении подавляющего большинства старославянских несколькословных наименований с причастными формами можно с уверенностью говорить о своеобразном пословном калькировании соответствующих греческих наименований.

---

[12] О старославянских несколькословных наименованиях, переводящих греческие фразеологические наименования, восходящие иногда и к древнееврейским выражениям, см. [10. С. 42–43].

СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ РУКОПИСЕЙ

Ас – Ассеманиево евангелие, древнеболгарская рукопись X–XI вв.

Зогр – Зографское евангелие, древнеболгарская рукопись X–XI вв.

Мар – Мариинское евангелие, древнеболгарская рукопись X–XI вв.

Остр – Остромирово евангелие, древнерусская рукопись 1056–1057 г.

Сав – Саввина книга, древнеболгарская рукопись X–XI вв.

Син – Синайская псалтырь, древнеболгарская рукопись X–XI вв.

Слепч – Слепченский апостол, среднеболгарская рукопись XII в.

Супр – Супрасльская рукопись, древнеболгарская рукопись X–XI вв.

Христ – Христинопольский апостол, древнерусская рукопись XII в.

Шиш – Шишатовацкий апостол, древнесербская рукопись 1324 г.

F I.461 – среднеболгарская рукопись Ветхого Завета последней четверти XIV в. Изд-е: Старобългарският превод на Стария завет / Под ред. С. Николовой. Т. 1. Книга на дванадесетте пророци с тълкования. София, 1998; Т. 2. Книга на пророк Иезекиил с тълкования. София, 2003.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Večerka R.* Syntax aktivních participií v staroslověnštině. Praha, 1961.
2. *Щайнке К.* Наблюдения над употребата на старобългарските причастия // Palaeobulgarica. 1984. Год. 8. № 2.
3. *Robinson M.A., Pierpont W.G.* The New Testament in the original Greek: Byzantine Texform. Southborough, Mass., 2005.
4. Septuaginta / Ed.A. *Rahlfs*. Ed. 5. London, 1952. Vol. I–II.
5. *Заимов Й., Каналдо М.* Супрасълски или Ретков сборник. София, 1982–1983. Т. 1–2.
6. Patrologiae cursus completus. Series graeca / Ed. *Migne J.-P.* Paris, 1864. T. LXXXI.
7. *Boyer J.L.* The Classification of Participles: A Statistical Study // Grace Theological Journal. 1984. Vol. 5. № 2.
8. *Blass F., Debrunner A.* A Greek grammar of the New Testament and other early Christian literature. Cambridge; Chicago, 1961.
9. *Wallace D.B.* Greek Grammar Beyond the Basic: An Exegetical Syntax of the New Testament. Michigan, 1996.
10. *Ефимова В.С.*, *Желязкова В.* Несколькословные наименования лиц в древнейших славянских рукописях // Palaeobulgarica. 2014. Год. 38. № 3.
11. *Ефимова В.С.* К определению статуса несколькословных наименований лиц в старославянских текстах // Славянский альманах. 2015. № 3–4. М., 2015.
12. *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы. М., 2005.
13. *Ефимова В.С.* К проблеме выявления факторов, влиявших на выбор способа номинации в древнейших славянских переводах // Славянское и балканское языкознание. Палеославистика: Слово и текст. М., 2012.
14. *Ходова К.И.* Употребление падежей при синтаксических производных глагола в старославянском языке // Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964.
15. *Karcevski S.* Du dualisme asymétrique du signe linguistique // *Karcevski S.* Inédits et introuvables. Paris, 2000.
16. *Booij G.* Phrasal names: A constructionist analysis // Special issue on Words and Phrases. Word Structure. 2009. Vol. 2. № 2.
17. *Bally Ch.* Traité de stylistique française. 2-e ed. Heidelberg, 1921.
18. *Кубрякова Е.С.* О разноструктурных единицах номинации и месте производного слова среди этих единиц // Słowotwórstwo a inne sposoby nominacji. Katowice, 2000.

ЧЕТЫРЕ ПИСЬМА ГАЛИЧАН О I МЕЖДУНАРОДНОМ СЪЕЗДЕ СЛАВЯНСКИХ ФИЛОЛОГОВ

© 2020 г. Г.Ф. Матвеев[1]*, Т.Р. Семакина[2]**

[1]Д-р ист. наук, профессор, зав. кафедрой МГУ
[2]Аспирантка исторического факультета МГУ им. Ломоносова

**gfmatveev@yandex.ru; ***semakinaaa@gmail.com*

Материалы из фонда II отдела Главного штаба Войска Польского в РГВА о восприятии украинскими общественными деятелями съезда филологов-славистов в Праге в 1929 г.

Materials from the fund of the II department of the General Headquarters of the Polish Army in the RGVA about the perception by Ukrainian public figures of the Congress of Slavic Philologists in Prague in 1929.

Ключевые слова: I международный съезд славистов, украинская славистика, польские спецслужбы, перлюстрация.

Keywords: I international congress of Slavists, Ukrainian Slavic studies, Polish special services, censorship.

DOI: 10.31857/S0869544X0010423-8

В 2019 г. исполнилось 90 лет с момента проведения I Международного съезда славистов в Праге (6–13 октября 1929 г)*, посвященного 100-летию со дня смерти видного чешского филолога и историка Й. Добровского. Глубокое исследование о подготовке к съеду, составе советской делегации, ее участии в работе форума и последующей судьбе участников проведено М.А. Робинсоном на основании архивных и опубликованных источников и литературы [1. С. 589–607]. Определенный интерес для исследователей, занимающихся данной проблематикой, могут представлять четыре документа из фонда Второго отдела Главного штаба Войска польского, хранящиеся в Российском государственном военном архиве (РГВА). Одной из задач польских специальных служб, важнейшей из которых был II отдел Генерального/ Главного штаба (так называемая двуйка), был сбор сведений об украинском движении как в самой стране, так и за ее пределами. Эти сведения получали в том числе и путем перлюстрации переписки видных украинских политических и общественных

* В литературе этот форум называется по-разному: I Международный конгресс славистов, Международный съезд славистов, Международный съезд славянских филологов, посвященный 100-летию со дня смерти Й. Добровского.

деятелей. Публикуемые ниже документы – не оригинальные письма, а изложение содержания перлюстрированной корреспонденции. В связи с этим письма представляют собой двойной перевод оригиналов. Однако, учитывая их информативный характер, как представляется, это обстоятельство не имеет значения, поскольку смысл не искажен. Не все письма имеют адресатов, еще хуже обстоит дело с адресантами, они или вовсе отсутствуют, или же обозначены только инициалами.

Пристальный интерес спецслужб Польши к украинским деятелям был связан прежде всего с политической ситуацией в западноукраинских землях, вошедших в состав II Речи Посполитой по Рижскому мирному договору 1921 г. (западная часть Волыни), а также по решению Антанты в 1923 г. (Восточная Галиция). Правовой статус украинцев регулировался рядом обязательств, принятых Польшей по международным соглашениям и подтвержденных в конституциях 1921 г. и 1935 г., которые декларировали всем гражданам без учета национальности равенство в правах, свободу вероисповедания и пользования родным языком [2. С. 273]. В целом по переписи 1931 г. в Польше насчитывалось 14% населения, считавшего родным украинский и русинский языки[**]. Украинское национальное движение в 1920–1930-е годы, базой которого были восточногалицийские земли, приобрело значительный размах и состояло из немалого числа политических организаций различной направленности, в большинстве своем отстаивавших право украинцев на самостоятельное государственное существование. Ведущие позиции занимало центристское Украинское национально-демократическое объединение (УНДО), которое вышло на политическую арену в 1925 г. На учредительном съезде этой партии во Львове 11 июля 1925 г. было определено, что главной задачей УНДО является объединение украинской нации в Польше в политическую организацию, говорилось о национальном единстве всего украинского народа и стремлении к созданию независимого соборного украинского государства. На съезде 1926 г. политическая платформа партии была несколько изменена: смягчалось негативное отношение к Польше – из программы был исключен пункт о невозможности юридического признания польской власти на западноукраинских землях, зато выдвигался лозунг их самоуправления. УНДО стремилось активно добиваться прав для украинцев, но исключительно мирным путем, в первую очередь парламентским, Оообъединение имело большое влияние в образовательных учреждениях и кооперативном движении, издавало собственную прессу [3. С. 132–133]. С 1928 г. оно даже участвовало в выборах в польский парламент, получив тогда 26 мандатов в сейме и девять в сенате. В. Мудрый был одним из лидеров этой партии.

Положение украинцев в Украинской ССР, являвшейся советской формой украинской государственности, определялось в тот момент проводимой большевиками политикой украинизации. Об особенно активной ее фазе можно говорить, начиная со второй половины 1920-х годов [4. С. 359]. Основная цель этой политики заключалась в украинизации партийно-государственного аппарата, правоохранительных и судебных органов [5. С. 413]. В целом же украинизация была направлена как на поддержку украинского языка и культуры, так и на развитие социальной структуры украинского общества путем создания

[**] Перепись населения в 1921 г. частью украинцев, особенно в Восточной Галиции, бойкотировалась, поскольку вопрос о государственной принадлежности этой исторической области к Польше был решен Антантой только в марте 1923 г.

приоритетных возможностей для профессионального и карьерного роста представителям «коренной» национальности.

Обращают внимание различия в выборе адресантами сюжетов для освещения в письмах и явная корреляция сюжетов. Так, в выдержанных в конструктивном тоне письмах сенаторам от УНДО В. Мудрому и М. Галущинскому описываются организация и работа съезда. Совсем иное дело письмо в связанную с ОУН газету «Українськiй голос», использовавшее съезд славистов, который должен был продемонстрировать славянское единство, для разоблачения враждебных украинцам действий «Большевии» и критики мер чешского руководства, направленных против словаков и закарпатских украинцев.

Результаты конгресса оказались неоднозначными. С одной стороны, он стал проверкой состояния и статуса славистики, подтвердил ее достаточно широкий размах в Европе, и что особенно важно, способность славистов к конструктивному взаимодействию. Вместе с тем, чисто практические результаты в тот момент были незначительными. Так, отметил М.А. Робинсон, «во многом по вине советской делегации были созданы препятствия для начала серьезной работы над важнейшим международным проектом по созданию Славянского лингвистического атласа. Идея создания Общеславянского лингвистического атласа (ОЛА) возродилась почти через три десятилетия, в 1958 г. на IV Международном съезде славистов, проходившем в Москве» [1. С. 607].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Робинсон М.А.* Первый международный съезд славистов: несбывшиеся надежды, обмен мнениями ведущих русских славистов до и после съезда // Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики. XV Международный съезд славистов. Минск, 20–27 августа 2013 г. Доклады российской делегации. М., 2013.
2. *Ольховский С.В.* Основные тенденции развития украинского национального движения в межвоенной Польше // Проблемы истории, филологии, культуры: межвузовский сборник. 2013. Вып. 4 (42).
3. *Борисёнок Е.Ю.* Несоветская украинизация: власти Польши, Чехословакии и Румынии и «украинский вопрос» в межвоенный период. М., 2017.
4. *Борисёнок Е.Ю.* Национальная политика большевиков в отношении Украинской ССР в 1920-е – 1930-е гг. // Малороссы vs украинцы: Украинский вопрос в науке, государственной и культурной политике Российской империи и СССР. М., 2018.
5. *Дроздов К.С.* Украинское население на территории России / РСФСР в 1917–1933 гг.: политика украинизации, родной язык. Национальная идентичность // Малороссы vs украинцы: Украинский вопрос в науке, государственной и культурной политике Российской империи и СССР. М., 2018.

Документ № 1

Изложение

письма к Мудрому Василю[1]

Прага Рынок 10

Сегодня, 6 октября, начался первый съезд славянских филологов под председательством Мурко[2], Поливко[3] и Горака[4]. В половину одиннадцатого утра профессор Мурко открыл долгое заседание выступлением, в котором поприветствовал гостей. Также съезд приветствовал министр просвещения доктор

Штефанек (словак)[5], далее представители города Праги, а также председатель Академии наук профессор Зубаты[6]. Потом начались речи представителей научных институтов Америки, Англии, Франции, Эстонии, Финляндии, Литвы, Польши, Болгарии, Сербии, Хорватии, СССР, лужицких сербов, а также Научного общества им. Шевченко во Львове. Делегаты из Харькова и Киева (Пилипенко[7] и Синявский[8]) вовремя не прибыли. Делегат от СССР Глазунов[9] приветствовал съезд от имени Российской академии наук, Украинской академии наук и Белорусской академии наук, подчёркивая, что все эти три института могут свободно развиваться на своем родном языке. Его выступление произвело сильное впечатление, и ему долго аплодировали. Председатель Научного общества во Львове академик Студинский[10] высказался следующим образом: «Украинское научное общество моими устами сердечно приветствует участников первого съезда славянских филологов и желает удачи в работе над объединением славян. Пользуясь случаем, я хочу почтить память Добровского[11], первого патриота славянской филологии, поскольку он первый заложил фундамент объединения всех славян. И хотя на украинской территории, будь то в сердце Украины – Киеве, будь то в столице галицийской земли – Львове – Добровский никогда не был и украинского языка не знал, он, однако, сразу признал, что автором "Слова о полку Игореве", памятника 12 в., был сын этой его страны. Instituti ones lingnae slavicae были фундаментом, на котором строилась научная и национальная украинская жизнь. И сегодня мы стоим в одном ряду со славянами с нашими научными достижениями. И пусть те полторы тысячи печатных листов, которые каждый год издает "Всеукраинская академия наук" в Киеве и те 150 листов, которыми из года в год могут гордиться находящиеся в состоянии разрухи центры научной работы Научного общества им. Шевченко в галицийской земле, будут свидетелями нашей работы и нашей жизнедеятельности. Мы верим, что придет время, когда среди славян не будет народов свободных и несвободных, а будут свободные и равные нации. Мы верим, что сбудутся слова Шевченко, что «Славяне станут братьями и сыновьями солнца правды»[2]. Для славян новостью было сообщение, что Академия наук в Киеве характеризуется столь большой деятельностью и продукцией, тем более что ни одна из славянских научных институций не может этим похвастаться за исключением Российской академии в Ленинграде. Съезд подготовили отлично. Съезд закроется в четверг.

К.С[13].

Российский государственный военный архив. Ф. 308к. Оп. 19. Д. 155. Л. 174–175.

Документ № 2

Изложение письма

к сенатору Галущинскому[14]

Отправитель неизвестен.

Львов, Чарнецкого 24

Прага VIII.L.1315

Прага 14.X.1929 г.

Дорогой коллега!

Из письма М. Таранько[15] я узнал, что вы уже вернулись во Львов. Очень жаль, что болезнь не позволила вам принять участие во всемирном конгрессе. Я уверен, что только вы могли поднять настроение конгресса и должным образом организовать работу в секциях. По-моему, конгресс не дал никаких результатов, поскольку первая секция, которая была основой конгресса, не имела возможности провести обсуждение и голосование по вопросу прочтения докладов. В этом виноват орган[изационный] комитет, который собрал большое число докладов в первой секции, из-за чего председатель расставлял доклады по темам.

Не знаю, как справится главный отдел с этим материалом. Очень плохо, что члены конгресса разъехались с пустыми руками и никто из них не в состоянии даже составить содержательный отчет о ходе конгресса. По этой же причине я не могу подготовить обещанные статьи для заграничных газет. По этому вопросу я пишу также господину Магалясу[16], чтобы общество «Просвита» прислало мне копии всех рефератов, а также резолюции.

Подпись неразборчива.

Российский государственный военный архив. Ф. 308к. Оп. 19. Д. 155. Л. 197.

Документ № 3

Изложение письма
в редакцию «Українського голоса»
(в Пшемысле)[17]

Славянская общность!

Конгресс славянских филологов должен был быть исключительно научным конгрессом, но, к сожалению, там не обошлось без политических декораций, которые должны были продемонстрировать миру «славянскую общность». Под воздействием хорошего вина, пива и т.д. начались речи о единстве, славянской любви и т.п.

Радио разносило все это по миру, но оно не передавало, что, например, болгары сжимали кулаки при упоминании сербов и т.д., а когда московский профессор выступал от имени Российской акад[емии] наук и похвалялся, что они первыми ввели у себя эту «славянскую общность», один украинский ученый не выдержал и вполголоса сказал «неправда» так, что его соседи обратили на это внимание. Потому что это действительно была не какая-то там «славянская большевистская взаимность». Проф[ессор] Московского университета выступал от имени всех славянских институций в Большевии по-московски. Большевики не позволили Укр[аинской]акад[емии]наук отправить своего делегата. Зато в то же самое время укр[аинских] ученых, таких как Ефремов[18] и Крымский[19], большевики в качестве «делегатов» отправили на «Соловецкие гастроли». Действительно удивительная вещь, что от имени Укр[аинской] акад[емии] наук выступал москаль, хотя в зале было 5 академиков той же академии, то

есть проф[ессор] д[окто[р Смаль-Стоцкий[20], проф[ессор] д[окто[р Колесса[21], проф[ессор] д[окто[р Студинский, проф[ессор] д[окто[р Симович[22], проф[ессор] д[окто[р Днистрянский[23]. От имени Науч[ного] общ[ества] им. Шевченко выступал во Львове проф[ессор] д[окто[р Студинский. И снова удивительная вещь. Когда президент Конгресса подбегал к каждому оратору, чтобы поблагодарить его за речь и пожать руку, то украинского докладчика как будто не заметил, когда тот сходил с трибуны. Эту оплошность интерпретировали по-разному. Одни говорили, что это потому, что в этом можно было усмотреть политические аллюзии, а другие, что он вспомнил об Укр[аинской]акад[емии] наук. Как бы там ни было, можно было сделать вывод, что президент считал речь несоответствующей «славянской взаимности». Второй день конгресса был очень интересным для славянской общности. А именно в «Народних листах» был напечатан протест москалей, пребывающих в эмиграции, поскольку им не дали слова во время открытия конгресса. А протестовали люди, известные во всем мире своими работами по славянскому вопросу. «Народни листы», размещая этот протест, не преминули выступить против украинцев в Галиции за то, что они получили разрешение на выступление. Но это было еще ничто по сравнению с новостью, которая появилась в тот же день, об осуждении профессора университета словака доктора Туки[24] на 15 лет за «государственную измену». Это была бомба, брошенная в «славянскую общность». Знаменательно и то, что приговор был оглашен в газетах за 4 часа до его оглашения в суде. Как такой скандал мог случиться, я не знаю, но простые смертные говорят, что с чешской юстицией в Словакии что-то не так. Одновременно появились резкие протесты в словацких[b] газетах. Это цветочки той «славянской общности», которые появились как раз в дни заседаний конгресса. Если к этому прибавить то, что творится в Закарпатской Руси, как там проводится чехизация, то получится целостная картина «славянской взаимности» только на территории Чехословакии. За обедом выступал и один украинец из Харькова, Пилипенко. Выступление вообще не было интересным, но, когда он закончил, к нему подбежал какой-то еврейчик, советник советского представительства в Праге, и наболтал ему глупостей, а тот покорно выслушал. Конгресс славянских филологов только предоставил доказательство, что так называемая славянская общность – не что иное, как вымысел.

Без подписи.

Российский государственный военный архив. Ф. 308к. Оп. 19. Д. 155. Л. 199–201.

Документ № 4

Изложение письма к Мудрому Василю

Львов, Рынок 10

8.X.29.

II

Съезд славянских филологов

[b] В тексте ошибочно «славянских», что противоречит смыслу пассажа.

Первую часть моих впечатлений из Праги вы уже должны были получить. Сообщаю, что из Украины приехали украинские делегаты Пилипенко и Нимчинов[25]. Пилипенко должен был выступать от имени Укр[аинской]акад[емии] наук, но, поскольку он опоздал, от имени Укр[аинской] акад[емии] наук и Белор[усской] акад[емии] наук выступал проф[ессор]Сакулин[26], а не Глазунов. Всего на съезде было 460, потом число увеличилось до 600. Украинцев было до 27. Привожу их фамилии: Билецкий Леонид[27], доктор Брык Иван[28], Бурук (из Минского университета)[29], Чехович Кость[30], Дорошенко Димитр[31] из Берлина, Дорошенко Влад[имир][32], Греголинский Дмитр[ий][33], Калюжный Наум[34] (советник советского представительства), доктор Колесса О.[35], доктор Колесса Филарет, Любинецкий Муран[36], Огиенко Иван[37], Омельченко Гжегож[38] (из Германии), Пилипенко Сергей, Сичинский Влад[имир][39], доктор Симович Василь, Славинский Максим[40], Стоцкий Роман[41], Стоцкий Стефан, Студинский Кирилл, Студинская Леония[42], Свенцицкий Ил[ларион][43] (не приехал), Зайцев Павел[44], Желинский Ив.[45] Из Польши приехало 19 украинцев. В каждой секции выступал украинец из старых русофилов, приехали Яворский Юлиан[46] и Верхим[47]. Первый прочитал интересный доклад о Подкарпатской Руси. Из наших друзей на съезде были проф[ессор] Мазон[48] и Мартель[49] из Парижа, Фасмер[50] из Берлина и Майер[51] из Мюнстера. «Народни листы» очень недовольны, что на конгрессе выступал украинец. Чехи особенно приветствовали французов.

К.С.

Российский государственный военный архив. Ф. 308к. Оп. 19. Д. 155. Л. 203.

Примечания:

[1] Мудрый Василий Николаевич (укр. Василь Миколайович Мудрий, 1893–1966) – украинский общественный и политический деятель, журналист, депутат польского сейма IV и V созывов. В 1927–1935 гг. – редактор газеты «Дило».

[2] Мурко Матиаш (Матвей Мартынович) (словен. Matija Murko, 1861–1952) – югославский филолог и педагог. Член-корреспондент АН СССР с 06.12.1924 по отделению русского языка и словесности (славянская филология).

[3] Поливка Йиржи (чешск. Polívka Jiří, 1858–1933) – профессор славянской филологии Карлова университета. Член-корреспондент Санкт-Петербургской академии наук с 01.12.1901 по отделению русского языка и словесности.

[4] Горак Йиржи (чешск. Horak Jiří, 1884–1975) – чешский фольклорист, этнограф и литературовед. В 1928–1932 гг.–председатель Чехословацкого этнографического общества. Генеральный секретарь I Международного конгресса славянских филологов.

[5] Штефанек Антон (словацк. Štefánek Anton,1877–1964) – словацкий политик и социолог, в 1929 г. министр школьного образования и народного просвещения.

[6] Зубаты Йозеф (чешск. Zubatý Josef, 1855–1931) – чешский филолог, иностранный член-корреспондент РАН (1924), АН СССР (1925).

[7] Пилипенко Сергей Владимирович (укр. Сергій Володимирович Пилипенко, 1891–1934) – украинский писатель, баснописец, литературный критик, общественный деятель. Редактор ряда партийных и советских газет, заведовал издательством ЦК КП(б)У «Космос». С 1922 г. возглавлял основанный им союз крестьянских писателей «Плуг» и редактировал его издания. Репрессирован в 1934 г.

[8] Синявский Алексей Наумович (укр. Синявський Олекса Наумович, 1887–1937) – украинский языковед и педагог. С 1920 по 1928 г.– профессор Харьковского института народного образования. В 1928–1930 гг.– председатель диалектологической комиссии ВУАН.

[9] Глазунов, судя по письму, не приехал. С приветствием выступал П.Н. Сакулин.

[10] Студинский Кирилл Иосифович (укр. Студиньский Кирило Йосипович, 1868–1941) – украинский филолог-славист, литературовед, языковед, фольклорист, писатель, общественный деятель. В 1923–1932 г.– председатель Научного общества имени Тараса Шевченко (НОТШ).

[11] Добровский Йозеф (чеш. Dobrovský Josef, 1753–1829) – основатель славянского языкознания как науки, внес заметный вклад в кодификацию чешского литературного и изучение старославянского языка.

[12] Вольный пересказ стихотворения Т.Г. Шевченко «Славянам».

[13] Видимо Кузик Степан (укр. Кузик Степан, 1888–1947) – украинский общественно-политический деятель, член Центрального комитета УНДО, депутат польского сейма II и III созыва. Член правления общества «Просвита».

[14] Галущинский Михаил Николаевич (укр. Галущинський Михайло Миколайович, 1878–1931) – украинский политик и общественный деятель, один из основателей УНДО, вице-маршал сената с 1928 по 1930 г., депутат сейма III созыва. Член НОТШ.

[15] Видимо Таранько Михаил Николаевич (укр. Тара́нько Миха́йло Микола́йович, 1887–1956) – украинский издатель и редактор детской литературы, педагог.

[16] Магаляс Семен (укр. Магаляс Семен, 1885–1978) – украинский военный и культурный деятель. С 1922 г. – директор канцелярии общества «Просвита».

[17] Еженедельник «Українській голос», с 1929 г. связан с ОУН, издавался легально в г. Пшемысль. В 1929 г. редактором до № 44 был О. Сенечко, с № 45–З. Пеленский(Місило Є. Бібліографія української преси в Польщі (1918–39) і Західньо-Українській Народній Республіці (1918–19). Edmonton, 1991. С. 134).

[18] Ефремов Сергей Александрович (укр. Ефремов Сергій Олександрович, 1876–1939) – украинский учёный, критик и литературовед, академик, публицист. В 1929 г. был арестован и обвинен в организации и руководстве Союзом освобождения Украины.

[19] Крымский Агафангел (Агатангел) Ефимович (крымско-тат. Qırımlı Ağatanğel Efim,1871–1942) – украинский, крымско-татарский и советский историк, писатель, переводчик, востоковед, один из основателей Академии наук Украины при гетмане Скоропадском.

[20] Смаль-Стоцкий Степан Иосифович (укр. Степан Йосипович Смаль-Стоцький, 1859–1938) – украинский языковед, славист, историк литературы, педагог, профессор. Общественно-политический и хозяйственный деятель Буковины. Действительный член Научного товарищества им. Шевченко (НТШ) и Украинской академии наук (УАН).

[21] Колесса Филарет Михайлович (укр. Колесса Філарет Михайлович, 1871–1947) – украинский советский музыковед, композитор, этнограф, литературовед, академик АН УССР с 1929 г.

[22] Симович Василий Иванович (укр. Сімович Василь Іванович, 1880–1944) – украинский языковед, филолог, культурный деятель. В 1923–1933 гг. – профессор Украинского высшего педагогического института им. Драгоманова в Праге.

[23] Днистрянский Станислав Северинович (укр. Дністрянський Станіслав Северинович, 1870–1935) –украинский учёный-правовед, общественный деятель, педагог. Академик Всеукраинской академии наук (ВУАН) с 1927 г. Основоположник украинского правоведения.

[24] Тука Войтех Лазар «Бела» (словацк. Tuka Vojtech Lázar «Béla», 1880–1946) – профессор, словацкий политик. В 1929 г. был обвинен в шпионаже и государственной измене и приговорен к 15 годам лишения свободы.

[25] Нимчинов Константин Тихонович (укр. Німчинов Костянтин Тихонович, 1898–1937) – украинский языковед, славист, профессор.

[26] Сакулин Павел Никитич (1868–1930) – российский и советский литературовед. Академик АН СССР с 1929 г. Возглавлял советскую делегацию на I конгрессе филологов-славистов в Праге.

[27] Билецкий Леонид Тимофеевич (укр. Білецький Леонід Тимофійович, 1882–1955) – украинский литературовед, профессор. Действительный член НТШ. Действительный член пражского Славянского института АН Чехословакии.

[28] Брик Иван Станиславович (укр. Брик Іван Станіславович, 1879–1947) – украинский филолог-славист, историк, общественный деятель. Действительный член НТШ. Член главного комитета, впоследствии секретарь, директор канцелярии, председатель общества «Просвита».

[29] Правильно Бузук. Бузук Пётр Афанасьевич (1891–1938) – советский славист, основоположник белорусской лингвистической географии, автор первого в СССР диалектологического атласа, первый директор Института языкознания Белорусской академии наук (1931–1933), профессор Белорусского государственного университета.

[30] Чехович Константин Владимирович (укр. Чехович Костянтин Володимирович, 1896–1987) – доктор философии, филолог-славист. В 1926–1929 гг. работал в Украинском научном институте в Берлине. Действительный член НТШ.

[31] Дорошенко Дмитрий Иванович (укр. Дорошенко Дмитро Іванович, 1882–1951) – украинский политический деятель, историк, публицист, литературовед. В 1926–1931 гг. возглавлял Украинский научный институт в Берлине.

[32] Дорошенко Владимир Викторович (укр. Дорошенко Володимир Вікторович, 1879–1963) – литературовед, общественно-политический деятель, член НТШ.

[33] Греголинский Дмитрий (укр. Греголинський Дмитро,1880–1944) – учитель, в 1919–1929 гг. издатель пшемысльского еженедельника «Украинский голос», стоявшего на гетманских позициях.

[34] Калюжный Наум Михайлович (настоящая фамилия Шейтельман) (1886–1937) – революционер, политический деятель, дипломат, журналист. В 1926–1929 гг.– советник Полномочного представительства СССР в Чехословакии.

[35] Колесса Александр Михайлович (укр. Колесса Олександр Михайлович, 1867–1945) – украинский общественно-политический деятель, филолог, литературовед, языковед. В 1923–1939 гг. – преподаватель Карлова университета в Праге. Один из организаторов, профессор и неоднократный ректор Украинского свободного университета в Праге. Действительный член НТШ и Славянского института в Праге.

[36] Любинецкий Муран – скорее всего Любинецкий Роман Николаевич (укр. Любинецкий Роман Миколайович, 1885–1945)– певец, педагог. 1918–1929 солист Заґребского оперного театра, 1929–1944 гг.– профессор Львовской консерватории.

[37] Иван Иванович Огиенко (укр. Огієнко Іван Іванович, 1882–1972) – украинский общественный, политический и церковный деятель, министр просвещения и министр вероисповеданий Украинской народной республики, затем видный деятель украинской эмиграции. В 1926–1932 гг.– профессор церковнославянского языка и палеографии Варшавского университета. В 1940 г. принял постриг под именем Илларион, с 1944 митрополит Украинской автономной церкви.

[38] Сведений не выявлено.

[39] Сичинский Владимир Ефимович (укр. Січинський Володимир Юхимович, 1894–1962) – украинский и американский архитектор, график и искусствовед. В 1923–1945 гг. жил в Праге, учился в Карловом университете (1923–1926).

[40] Славинский Максим Антонович (укр. Славиньський Максим Антонович, 1868–1945) – украинский общественно-политический деятель, поэт-переводчик, дипломат, публицист, редактор. В эмиграции в Чехословакии с 1923 г. читал лекции по истории западноевропейской литературы в украинском педагогическом институте имени Михаила Драгоманова.

[41] Смаль-Стоцкий Роман Степанович (1893–1969) – украинский политический деятель, языковед; до 1939 г. преподавал славянскую филологию в Варшавском университете. С 1928 г. участвовал в организованном «двуйкой» антисоветском так называемом прометейском движении.

[42] Студинская Леония – скорее всего Студинская Леонтия (укр. Студинська Леонтія), жена Кирилла Студинского.

[43] Свенцицкий Илларион Семенович (укр. Свєнціцький Іларіон Семенович, 1876–1956) – украинский ученый, искусствовед, этнограф, филолог. Организатор и первый директор украинского Национального музея во Львове. Действительный член НТШ.

[44] Зайцев Павел Иванович (укр. Зайців Павло Іванович 1886–1965) – украинский, общественно-политический деятель, член Украинской Центральной рады. Ученый-литературовед,

дипломат, педагог. В 1921–1939 гг. преподавал украинский язык и историю литературы в Варшавском университете.

[45] Сведений не выявлено.

[46] Яворский Юлиан Андреевич (укр. Яворський Юліан Ондрієвич, 1873–1937) – литературовед, фольклорист, историк и поэт, общественный деятель русофильской ориентации. В 1925 г. эмигрировал в Чехословакию, где работал в Славянском институте.

[47] Сведений не выявлено.

[48] Мазон Андре (фр. Mazon André, 1881–1967) – французский славист, профессор, член Академии надписей и изящной словесности.

[49] Мартель Антуан (фр. Martel Antoine, 1899–1931) – французский языковед, славист, профессор университета в Лилле.

[50] Фасмер Макс Юлиус Фридрих (нем. Vasmer Max Julius Friedrich, 1886–1962) – русский и немецкий лингвист, лексикограф, славист и балканист. В 1925–1945 гг. – ординарный профессор Славянского института в Берлинском университете им. Фридриха-Вильгельма.

[51] Майер Карл Генрих (нем. Karl Heinrich Meyer, 1890–1945) – немецкий ученый, славист. С 1929 г. профессор славянской филологии и фактический основатель института славистики в Мюнстерском университете.

ОТЧЕТ О КОМАНДИРОВКЕ СОВЕТСКИХ УЧЕНЫХ НА МЕЖДУНАРОДНОЕ СОВЕЩАНИЕ СЛАВИСТОВ В БЕЛГРАДЕ В 1955 году

© 2020 г. М.А. Робинсон, А.С. Стыкалин

Д-р ист. наук, руководитель научного центра Института славяноведения РАН
Канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН

m.a.robinson@mail.ru
zhurslav@gmail.com

Публикуемый отчет советской делегации о результатах международного совещания славистов в Белграде в 1955 г. свидетельствует о том, что отечественному славяноведению удалось освободиться от чрезмерной идеологизации и политизации. Зависимость от навязанных советским руководством подходов повлияла на неудачное представительство советского славяноведения на I Международном съезде славистов в Праге в 1929 г. Столь же неудачной оказалась и попытка встроить славистику в «новое славянское движение» при подготовке несостоявшегося съезда славистов из славянских государств в Москве в 1948 г. Намеченная в Белграде программа будущего съезда свидетельствовала о возвращении к филологической проблематике, как основе славистики. Такой подход был определен еще Предварительным съездом русских филологов в Петербурге в 1903 г.

The publication of the report of the Soviet delegation on the results of the international conference of Slavists in Belgrade in 1955 testifies that the Slavic studies in the Soviet Union had freed from the earlier excessive ideologization and politization. Dependence on the approaches imposed by the Soviet authorities made an impact on the unsuccessful representation of the Soviet Slavic studies on the Ist International Congress of Slavists in Prague in 1929. Not less unsuccessful was the attempt to build the Slavic studies into the «new Slavic movement» during the preparation for the later cancelled congress of Slavists from Slavic countries in Moscow in 1949. The programme of the future congress shows the return to the philological problematics as the basis of the Slavic studies. This approach was defined on the Preliminary Congress of Russian Philologists in St. Petersburg in 1903.

Ключевые слова: славистика, международные съезды славистов, марризм, С.Б. Бернштейн, В.В. Виноградов.

Keywords: Slavic Studies, international congresses, Marrism, Samuil B. Bernstein, Viktor V. Vinogradov.

DOI: 10.31857/S0869544X0010424-9

Основной целью Международного совещания славистов, состоявшегося в Белграде 15–21 сентября 1955 г., являлась подготовка очередного, четвертого, международного съезда славистов.

К 1955 г. организация, проведение и участие в этих съездах отечественных ученых имели долгую и непростую историю. Сама идея проведения подобных международных конгрессов родилась в России. Ее инициатором выступило Отделение русского языка и словесности Академии наук (ОРЯС). Еще в апреле 1903 г. для выработки программы будущего съезда в Петербурге был проведен «Предварительный съезд филологов». На съезде обсуждались научные проблемы и научно-организационные проекты, решение которых планировалось на длительную перспективу (в литературе наиболее подробные сведения см. [1. С. 17–32]). Все их предполагалось предложить для обсуждения и на международном съезде. Созданная после съезда специальная комиссия утвердила и программу съезда, его дату и даже успела разослать приглашения российским и зарубежным ученым. Первоначально предполагалось более 700 участников, но окончательно остановились на приглашении 219 человек [2. С. 156]. Съезд планировалось провести с 31 августа по 10 сентября 1904 г., но начавшаяся русско-японская война нарушила эти планы. Новой намеченной дате проведения в 1906 г. уже помешала революция. В результате съезд в России так и не состоялся.

В создавшейся в 1920-е годы обстановке ОРЯС не могло и помыслить повторить попытку созыва съезда в Советской России. Так, в отчете о деятельности в 1922–1923 г. Отделение констатировало «нерасположенность со стороны властей ко всему славянскому» [3. Л. 5], при этом также не без сарказма отмечалось, что «такие слова, как “славянское”, “библия” в известных сферах в настоящее время возбуждают такой же страх, как “жупел” и “металл” у московских купчих времен Островского» [3. Л. 4].

Инициатива проведения съезда перешла Чехословакии, в которой развивались славистические исследования, отчасти не без влияния русских ученых-эмигрантов. В 1921 г. в Праге начал выходить международный славистический журнал «Slavia». Проведение Первого международного съезда славистов было решено приурочить к 100-летию со дня смерти Й. Добровского, о чем В.А. Францев сообщил 19 ноября 1928 г. академику М.Н. Сперанскому, участнику Предварительного съезда 1903 г.: «В окт[ябре] 1929 устраиваем Съезд славянских филологов в память Добровского. Столетие его смерти (6 янв[аря] 1929) почтим торж[ественным] заседанием ученых обществ и изданием (со временем) сборника статей о Добровском.– Těšim se, že navštívite, že bude našim hostem na siezdu»[1] [4. Л. 19].

Организаторы съезда с конца 1928 г. начали рассылку личных приглашений известным русским славистам. Так, Г.А. Ильинский сообщил 5 января 1929 г. М.Г. Попруженко, своему постоянному адресату в Болгарии: «На днях я имел честь получить приглашение на I Съезд славистов. Хотя получить командировку в наст[оящее] время чрезвычайно трудно, я все-таки попытаю счастья» [5. С. 145].

Академики П.А. Лавров и Б.М. Ляпунов, так же как и Сперанский, принимавшие участие еще в Предварительном съезде 1903 г., подали официальные прошения о командировках. В протоколе Отделения гуманитарных наук

[1] «Я надеюсь, что вы посетите нас и будете нашим гостем на съезде».

от 11 января 1929 г. зафиксировано: «§ 42. Академик-секретарь доложил о желательности командирования на Съезд Славянских Филологов, имеющий состояться в Праге с 6–13 октября 1929 г., П.А. Лаврова и Б.М. Ляпунова». Каких-либо возражений на уровне Отделения не возникло: «Положено: признать желательным и передать в Президиум» [6. Л. 4].

Ильинский 30 апреля поинтересовался у Ляпунова: «Есть ли надежда, что Вы и П.А. Лавров осуществите Ваше намерение съездить в Прагу в этом году? У нас только на днях в Главнауке будут решать принципиально вопрос о командировках на Съезд, но, конечно, я не смею и мечтать об этом счастье» [7. Д. 117. Л. 208об.]. Сомневался в своих возможностях и Н.Н. Дурново, хотя в это время он еще числился академиком Белорусской академии наук. Он смог лишь отправить в Прагу свой доклад.

Дата начала съезда приближалась, а определенности в составе делегации все еще не было. Ученые начали проявлять естественное беспокойство. Так, Лавров интересовался у Ляпунова в конце августа 1929 г.: «Не получен ли ответ по вопросу об участии русских ученых на съезде в Праге. Я пишу о том же и Е[вфимию] Ф[едоровичу] (Карскому.– М.Р., А.С.) [7. Д. 171. Л. 101]. Академик Карский также был участником Предварительного съезда 1903 г.

Как видно из переписки, несколько известных славистов, бывших еще участниками Предварительного съезда 1903 г. и обладавших международным авторитетом, предприняли попытки попасть на Съезд славистов. И вот, наконец, настал канун Съезда и с ним полное разочарование практически всех представителей русского академического славяноведения. Никому из них командировок не дали. Осталась только возможность заочного участия как, например, у Н.Н. Дурново. А в сборнике в честь юбилея Й. Добровского опубликовали статьи Лавров [8. S. 193–234] и Ляпунов [9. S. 114–137].

Ильинский эмоционально писал Ляпунову 5 октября 1929 г.: «Чуть не в последнюю минуту Главнаука назначила представителями московских славистов на Съезде славистов в Праге Сакулина (это еще куда ни шло) и... Волгина, специалиста по истории социализма! А из П[етрогра]да кто едет?» [7. Д. 117. Л. 227]. Столь поздние сроки формирования делегации привели к тому, что доклады участников не попали в напечатанную программу съезда, а были присоединены к ней дополнительно [10. S. 13].

Как видно, решение о московском представительстве было чисто политическим. П.Н. Сакулин, в январе 1929 г. избранный академиком и отличавшийся и до революции левыми взглядами, развивал теорию «социологизма», попал в категорию «попутчиков» и располагал доверием властей. Кандидатура В.П. Волгина, не имевшего ни малейшего отношения к славистике, в данном случае действительно выглядела столь странно, что, по-видимому, вызвала в более высоких, чем отдел Наркомпроса, властных сферах решение на съезд его все-таки не посылать.

Итак, Первый международный съезд славистов прошел в назначенное время, с 6 по 13 октября 1929 г. Вскоре после возвращения, 29 октября, на заседании Отделения гуманитарных наук (ОГН) «ак[адемик] П.Н. Сакулин сделал краткое сообщение о работах Конгресса Славянских Филологов в Праге [в] 1929 году, на котором он возглавлял Советскую научную Делегацию» [6. Л 47об.]. Позже, 3 апреля 1930 г., Сакулин выступил на Отделении гуманитарных наук со специальным докладом «Литературоведение на I Конгрессе филологов-славистов». Он сообщил, что делегация, прибывшая на Съезд,

состояла из семи человек, «председателем делегации (по назначению Отдела научных учреждений Совнаркома) был я; далее от РСФСР – С.Н. Быковский (из Вятки), Н.С. Державин и Н.М. Каринский; от Украины К.Т. Нимчинов и С.В. Пилипенко; от Белоруссии П. Аф. Бузук» [11. С. 415].

Из выступлений делегации Сакулин выделил доклад с методологическими новациями: «Особое место занял доклад Н.С. Державина с яфетической окраской "Перун в языковедении и в фольклорных переживаниях у славян"» [11. С. 421].

Почти обо всех участниках Съезда от Советского Союза мы можем обнаружить сведения и оценки в переписке славистов (и прежде всего Ильинского), не получивших разрешения посетить Прагу. Уже 27 октября 1929 г. Ильинский возмущенно написал Ляпунову: «Теперь окончательно выясняется: состав советской делегации в Прагу был назначен Марром. Только этим можно объяснить, почему в ее состав попал никому не известный Быковский из Перми[2]: он читал в Праге доклад о происхождении славян от яфетидов!! Странен также состав укр[аинской] делегации: она состояла из Нимчинова и никому не известного Пилипенка!» (цит. по: [12. С. 228]).

Сразу можно отметить, что собственно ученых, которых можно отнести к славистам, в делегации было немного. Державин, активный приверженец учения Марра, авторитетом среди славистов явно не пользовался. «От статей Державина и Быковского у меня волосы на голове буквально стали дыбом»,– писал Ильинский Ляпунову. Он прямо называл эти доклады «ерундой» [7. Д. 117. Л. 346об.].

Труды С.Н. Быковского, воинствующего марриста, к славистике и в целом к академической филологической науке отношения не имели. С.В. Пилипенко, писатель, публицист, борец за возрождение украинской культуры, был фигурой очень заметной в общественной жизни Украины. В конце 1920-х годов являлся директором научно-исследовательского института Тараса Шевченко в Харькове, но единственным его достижением в славистике остались несколько лет учебы в Киевском университете (1909–1912), откуда он был исключен за революционную деятельность. К.Т. Нимчинов, национально ориентированный лингвист, занимался изучением истории украинского языка, возводя его непосредственно к праславянскому. Кстати, следует отметить, что никаких следов участия двух украинских делегатов в деятельности съезда обнаружить не удалось. Их нет ни в программе съезда, ни в числе авторов опубликованных докладов, ни в изданиях, подготовленных к съезду.

С полным основанием к славистам можно отнести Н.М. Каринского, участника Предварительного съезда 1903 г., и П.А. Бузука. Но и тот и другой стремились быть на хорошем счету у властей, что не могло остаться незамеченным их коллегами. Репутация Каринского в академических кругах уже давно была неважной (см., например, [13. С. 205–206]). Это подтвердило и его поведение на съезде при обсуждении предложения организовать международную комиссию по созданию Славянского лингвистического атласа. На специальном закрытом заседании делегации «Н.С. Державин решительно выступил против участия советских ученых в совместной работе с зарубежными лингвистами, отрицающими новое учение о языке Н.Я. Марра. Н.С. Державина поддержали Н.М. Каринский и руководитель делегации литературовед П.Н. Сакулин» [14. С. 6]. Правда, через полтора года после съезда Бузук попытался

[2] С.Н. Быковский был доцентом в Педагогическом институте им. В.И. Ленина в г. Вятке.

включиться в международный проект атласа, возглавив его с советской стороны, но у него ничего не получилось (см.: [15. С. 603–606]).

Можно смело утверждать, что отправленная на съезд делегация не могла достойно представить достижения отечественного славяноведения, так как формировалась из соображений политико-идеологических. Совершенно ясно, что на фоне почти двух десятков представителей русской научной эмиграции, участвовавших в съезде, она выглядела очень слабо. Поэтому особого интереса у зарубежных славистов делегация от Советского Союза не вызвала.

Единственным сколько-нибудь полезным эффектом от участия советской делегации в съезде было то, что большой международный славистический форум, судя по всему, произвел на Сакулина, чьи научные интересы с данной областью филологии до этого не пересекались, большое впечатление. Это сказалось на его позиции при обсуждении вопроса о перспективах институционализации славяноведения в ОГН АН СССР. ОРЯС прекратило существование в 1927 г., поэтому идея создания какого-либо подразделения, которое объединило бы славистов, начала обсуждаться на заседании Группы по языковедению и литературе (ГЯЛ) при ОГН весной 1929 г. Когда на заседании ГЯЛ 19 декабря 1929 г. было предложено создать Институт русского языка и в качестве одного из его подразделений Институт славяноведения, то «П.Н. Сакулин выдвинул идею организации специального Института по славяноведению параллельно с Институтом русского языка и словесности» [6. Л. 23].

Во втором (Варшава, Краков 1934 г.) и третьем (Белград, 1939 г.) международных съездах славистов ученые Советского союза участия не принимали. К тому же полностью подготовленный Белградский съезд не состоялся из-за начавшейся войны.

В первые послевоенные годы в рамках «нового славянского движения» [16. С. 175–178] возникла идея проведения съезда славистов. Резолюция о проведении такого съезда была принята на Славянском конгрессе в Белграде в 1946 г., его подготовку взял на себя Славянский комитет СССР (о подготовке конгресса см. [17. С. 412–423]). Оргкомитет возглавил ректор ЛГУ экономист А.А. Вознесенский, проведение съезда назначили на октябрь-ноябрь 1947. Состав Оргбюро по подготовке съезда утверждался на заседании Политбюро ЦК ВКП(б).

С самого начала было очевидно, что в основу будущего мероприятия положены политико-идеологические цели, научная составляющая этого мероприятия должна была продемонстрировать успехи «передовой методологии и теории». Рекомендовалось отсеивать слабые в «идеологическом отношении» доклады. Как писал Вознесенский: «Целью Конгресса мы ставим – добиться коренного перелома в методологии работ по славяноведению, очистить славяноведение от буржуазных и реакционных теорий» (цит. по [17. С. 418]). Документы, посвященные подготовке съезда, изобилуют формулировками о «марксистской и коммунистической направленности Конгресса», о «стремлении будущих докладчиков “быть на высоте требований боевой марксистской науки”» [17. С. 417].

На заседаниях Президиума Славянского комитета СССР, пленумах Общеславянского комитета (ОСК), совещаниях в ЦК ВКП(б) неоднократно обсуждались возможные темы и намечались доклады и докладчики. Организация съезда находилась не в руках научного сообщества, хотя и с привлечением видных ученых-славистов, что вело к выстраиванию программы в зависимости от реакции партийных органов. Те, в свою очередь, часто меняли свои

представления о необходимости той или иной секции съезда. Так, на Пленуме ОСК в программу съезда предложили включить секции экономическую и юридическую как особо актуальные. Докладчиком по теме «Экономическое строительство в славянских странах» был предложен небезызвестный Д.Т. Шепилов, в те годы сотрудник аппарата ЦК. 23 марта 1948 г. предложение поддержали в ЦК, а уже 15 апреля А.А. Жданов, член Политбюро, секретарь ЦК, ответственный за идеологию и внешнюю политику, решительно отклонил правомерность подобных секций в программе съезда славистов. С этим решением нельзя не согласиться, хотя оно было продиктовано, прежде всего, политическими и идеологическими соображениями. Также были исключены из программы секции философии и географии. В окончательной программе остались секции: история, филология, археология, этнография и фольклор, искусствоведение, педагогика.

В процессе обсуждения то возникали новые формулировки задуманных докладов, то предложенные темы отменялись. Недолгое время продержалась и тема доклада ближайшего последователя Марра академика И.И. Мещанинова «Учение академика Н.Я. Марра и его роль в современном языкознании» [17. С. 417].

В связи с началом практической работы по подготовке съезда несомненный интерес представляют дневниковые записи С.Б. Бернштейна. 6 мая 1947 г. он записал в дневнике: «Ректор Ленинградского университета Вознесенский решил провести в нашей стране Международный съезд славистов. Пока еще не ясно – будет международный съезд или международная конференция. Дело в том, что съезд организует не страна, а Международный комитет, в состав которого входят представители различных стран. Международную конференцию может организовать и провести отдельная страна. Не думаю, что в ближайшее время возможно организовать четвертый конгресс славистов. Вероятно, все ограничится конференцией. На днях я об этом говорил Вознесенскому, который не совсем ясно понимал правовую сторону затеи. Он просил меня принять активное участие в разработке лингвистической тематики. Я указал на сложность поручения в связи с существующими расхождениями во взглядах советских лингвистов. «*Я не принадлежу к сторонникам “нового учения о языке*”, – сказал я Вознесенскому. Ответ его был для меня совершенно неожиданным. “*Вот поэтому я и прошу вас помочь мне*”, – сказал Вознесенский. И это сказал ректор университета, где, говорят, сильны позиции сторонников Марра. Удивительно!» [18. С. 103].

Выдвижение в программе съезда на первое место исторической секции было явным новшеством для сторонников традиционного понимания славяноведения как филологической дисциплины. Поэтому для их переубеждения использовались идеологические аргументы. Эту ситуацию отметил в дневнике Бернштейн 1 ноября 1947 г.: «Неожиданно возник вопрос о роли историков-славистов в предстоящем конгрессе. Остро этот вопрос у нас в институте[3] поставил И.И. Удальцов. Он считает, что историки должны участвовать в конгрессе на равных правах с филологами. Эту же точку зрения разделяют некоторые историки за пределами нашего Института. Сложившаяся традиция говорит против участия историков. Удальцов вопит, что это традиция буржуазной науки, что она очевидно антимарксистская традиция. Посмотрим» [18. С. 114].

К первоначально назначенной дате съезда подготовиться не успели, окончательное решение по составу Оргбюро съезда, а также перенос начала съезда на

[3] Имеется в виду Институт славяноведения АН СССР.

апрель-май 1948 г., были санкционированы Политбюро 9 октября 1947 г. Очевидно, что новую дату съезда предложили его организаторы. Так, например, Бернштейн уже 16 сентября был в курсе предстоящего ее переноса. В этот день он отметил в дневнике удачно сложившиеся перспективы с изданием своей докторской диссертации: «Монография попала в список книг, которые должны быть опубликованы к предстоящему съезду славистов (т.е. до 15 апреля будущего года)» [18. С. 112]. Книга действительно была издана в 1948 г. [19]

Вознесенский, утвержденный главой Оргкомитета, делился информацией с теми учеными, которых он планировал привлечь к практической работе по подготовке съезда. 28 октября Бернштейн записал в дневнике: «Вознесенский сообщил, что состоялось решение о проведении очередного съезда славистов в Москве. Установлен срок (15–21 апреля 1948 г.). Он показал мне список Оргкомитета по подготовке съезда. Почетным председателем утвержден академик Державин, председателем – Вознесенский [...]. Ответственными секретарями за подготовку лингвистической части конгресса утверждены Бархударов и я. Была попытка протащить в секретариат Сердюченко[4], но Вознесенский решительно отверг эту кандидатуру. "Этот специалист по кавказским языкам нам не нужен", – сказал Вознесенский. Я не раз замечал, что Вознесенский не жалует марристов» [18. С. 114].

Бернштейн решил использовать удачно складывавшуюся конъюнктуру, чтобы связать с подготовкой к съезду и издание своей второй монографии. «Я принял решение,– записал он в дневнике 2 ноября,– выступить на конгрессе с докладом "Проблема македонского языка". Проблема острая, злободневная, интересная. Работа над книгой "Македонский язык" подходит к концу. До конца года проведу рукопись через Совет Института. Остается мало времени для публикации, но Греков обещал, что книгу будут набирать молнией» [18. С. 114].

Шла работа не только по составлению программы съезда, но и по определению будущего состава его участников. Первоначальные планы пригласить хотя бы в качестве гостей видных славистов из капиталистических стран, а также известных русских ученых-эмигрантов были отвергнуты. В окончательный список, утвержденный ЦК, никто из них не вошел. Всего гостей предполагалось 21, из них от неславянских стран – десять человек, девять человек от стран «народной демократии» и один финн [20. С. 196]. Делегатами съезда могли быть только ученые из славянских стран, желательно состоявшие членами соответствующих коммунистических партий. Так, например, в делегации Болгарии из 25 человек 19 были членами компартии [17. С. 420].

Проблемы возникли и с формированием состава докладчиков с советской стороны. Так, предполагавшемуся докладу академика Е.В. Тарле дважды меняли название и, в конце концов, просто сняли. Иногда и намеченные авторы сами отказывались от выступлений, другие докладчики у славистов вызывали удивление. Как отмечал Бернштейн 20 февраля 1948 г.: «Подготовка к съезду проходит ужасно. Виноградов отказался читать доклад. О преподавании славянских языков будет делать доклад... Сердюченко. Также отказался читать доклад и Волгин» [18. С. 122].

После нагоняя, полученного организаторами от Жданова, перенос съезда стал очевиден. И по указанию Политбюро 2 апреля была назначена новая дата – 18 июня 1948 года. Очередной перенос новой даты открытия съезда

---

[4] Г.П. Сердюченко (1904–1965) – исследовал кавказские языки, занимался вопросами методики преподавания языков, активный маррист.

и качество его практической подготовки вызывали сомнения в реальности этой даты. Бернштейн уже 4 апреля отметил: «Съезд славистов отложен. Предполагается провести его в июне. Думаю, что его проведут осенью» [18. С. 122]. А менее чем за месяц до назначенной даты, 23 мая Бернштейн записал: «Определились, как будто, мои выступления на Славянском съезде. [...] Со съездом все еще неопределенно». Руководство подготовкой явно вызывало у автора дневника раздражение. До начала съезда оставались считанные дни, а глава Оргкомитета, назначенный в начале года министром просвещения РСФСР был, по его мнению, к нему не готов. В дневнике – краткая и экспрессивная запись от 29 мая: «Вчера был на заседании у Вознесенского по случаю предстоящего съезда славистов. Министр говорил вздор и чепуху». Похоже, что министр обосновывал очередное откладывание начала съезда, которое и было объявлено 4 июня. Этот перенос вызвал уже полное разочарование. «Съезд перенесен на осень,– записал 8 июня Бернштейн.– Все понимают, что это фактически означает отмену съезда. Жаль времени, которое я и многие другие потратили на всю эту затею» [18. С. 124]. Но очень хотелось надеяться, что съезд все-таки будет, тем более, что с ним связывались определенные планы. 20 июня Бернштейн записал: «Обнорский согласился редактировать мою книгу "Очерки по македонскому языку". Хотел бы издать ее к съезду, который, кажется, все же состоится осенью» [18. С. 125].

Но, ни то ни другое не состоялось. Тлевший несколько месяцев политико-идеологический конфликт между КПЮ и ВКП(б) как раз в июне 1948 г. привел к полному разрыву отношений между СССР и Югославией. Проводить в таких условиях съезд не представлялось возможным, и он был отменен. Этот же конфликт привел и к тому, что «Очерк македонского языка» Бернштейна так и не был опубликован [21. С. 23–26].

Так как съезд не состоялся, то трудно однозначно ответить, смог ли бы он способствовать научному сотрудничеству славистов славянских стран. Слишком глубоко в его программу и принципы подготовки были заложены политико-идеологические цели. Съезд предполагал, как уже указывалось выше, участие в нем только представителей славянских стран, поэтому считать его продолжателем традиции Международных съездов славистов не приходится.

Неудача с организацией этого съезда не уничтожила саму идею проведения международных съездов славистов. Началу очередной работы по подготовке съезда на этот раз поспособствовало потепление советско-югославских отношений. Уже с весны 1954 г. предпринимались первые шаги в этом направлении. Наконец, встреча на высшем уровне была намечена на конец мая, и с 27 мая по 2 июня состоялся визит Н.С. Хрущева во главе советской делегации в Белград в целях полного примирения с руководством Югославии. Начало первого этапа подготовки съезда совпало с этим временем. Как отметил 25 мая 1955 г. в дневнике Бернштейн: «В сентябре в Белграде состоится международное совещание славистов. Меня, конечно, в состав нашей делегации не включили. Славистов в ней будет представлять Ю.С. Маслов, который выступит с докладом об изучении западных и южных славянских языков в СССР в последний период» [18. С. 197]. Очевидно, и здесь помешали какие-то сиюминутные политические соображения. Об этом свидетельствует запись в дневнике от 15 сентября, в ней же есть указания и на время подготовки состава делегации: «Жаль, конечно, что я не вошел в состав делегации на белградскую конференцию. Перед отъездом Виноградов намекнул мне, что при

современной ситуации я попал бы в состав делегации. Однако состав определялся еще в начале года» [18. С. 199].

Совещание в Белграде проходило с 15 по 21 сентября 1955 г., в нем участвовали слависты из 18 стран. Первостепенная задача этого совещания состояла в организации Международного комитета славистов, который взял бы на себя подготовку очередного, четвертого съезда славистов. Из «Отчета о командировке советских славяноведов на международное совещание славистов в Белграде» видно, какую серьезную работу отечественные слависты проделали при подготовке этой встречи. С научно-организационной стороны совещание прошло успешно, был избран Международный комитет, намечена Программа, изложенная в основном в докладе главы советской делегации академика В.В. Виноградова. Определено место проведения съезда, с которым случилась небольшая заминка. Болгарская делегация первая предложила провести съезд в 1957 г. в Софии, наша предложила Москву и 1958 г. Последнее предложение и получило общую поддержку.

Научная часть командировки была подготовлена безукоризненно, делегация являлась единственной, которая привезла с собой печатные тексты своих выступлений. Кроме того, доклады пяти предполагавшихся участников были опубликованы Издательством АН СССР в виде небольших брошюр. Что же касается практической стороны командировки, то ее организация может быть свидетельством того, что никаких особых идеологических заданий перед делегацией не ставилось. Это можно считать, с одной стороны, безусловно, положительным явлением, характеризовавшим серьезное отличие от атмосферы подготовки несостоявшегося съезда 1948 г. Но с другой, это же обстоятельство доставило делегатам много проблем. Так, из 12 приглашенных в Белград ученых разрешение получили только шесть человек. Прибыть туда вовремя удалось троим, остальные с большими сложностями добрались только на третий день работы совещания. Опоздала и доставка книг для выставки работ советских славистов. Глава делегации В.В. Виноградов посчитал необходимым отметить «невежественно-небрежное и бюрократическое отношение советского посольства в Югославии во главе с новым послом Н.П. Фирюбиным к нуждам и делам делегации советских славяноведов». Участник совещания М.П. Алексеев, один из тех, кто опоздал на совещание, и чей доклад «Славянские источники “Утопии” Т. Мора» вызвал большой интерес у западных коллег-славистов, отметил в отчете, что посольство «проявило явное равнодушие как к совещанию вообще, так и к советским делегатам». Проблема, очевидно, заключалась в том, что в новых условиях в Москве не придавали совещанию никакого политического значения, считая его достаточно второстепенным научным мероприятием, а потому ни чиновники в Москве, ни посольство не получили сверху установок уделять как самому совещанию, так и участию в нем советской делегации сколько-нибудь значительное внимание.

Следует отметить, что предложенные для обсуждения на будущем съезде проблемы относились исключительно к области филологической науки. Это реализовалось в его программе [22. С. 122–159], вопрос об участии в съезде историков даже не ставился. Таким образом, IV Международный съезд славистов должен был стать прямым продолжателем традиций предшествующих съездов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Лаптева Л.П.* История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX вв. М., 2012.
2. *Лаптева Л.П.* Несостоявшийся форум русских славистов // Славянский альманах 2013.

3. СПбФ АРАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1131.
4. СПбФ АРАН. Ф. 172. Оп. 1. Д. 312.
5. Българо-руски научни връзки XIX–XX век. Документи. София, 1968.
6. СПбФ АРАН. Ф. 1. Д. 1–1929. Д. 253.
7. СПбФ АРАН. Ф. 752. Оп. 2.
8. *Лавров П.А.* Труды Добровского по вопросам древнеславянской письменности и их влияние на труды русских ученых в той же области // Josef Dobrovský. 1753–1829. Sborník statí k stému výročí smrti Josefa Dobrovského. K 1. sjezdu slovanských filologů v Praze (6.13.X.1929). Praha, 1929.
9. *Ляпунов Б.М.* Добровский и восточнославянские языки // Josef Dobrovský. 1753–1829. Sborník statí k stému výročí smrti Josefa Dobrovského. K 1. sjezdu slovanských filologů v Praze (6.13.X.1929). Praha, 1929.
10. I Sjezd slovanských filologů v Praze 1929. Bibliografie. Praha, 1968.
11. *Сакулин П.Н.* Литературоведение на I Конгрессе филологов-славистов // Известия АН СССР. VII Секция. Отделение Гуманитарных наук. 1930. № 6.
12. К истории создания второго издания «Праславянской грамматики» Г.А. Ильинского / Вступ. ст. и подг. текста Г.С. Баранковой // Русский язык в научном освещении. 2002. № 2(4).
13. *Алпатов В.М.* Филологи и революция // Новое литературное обозрение. 2002. № 53. (раздел «Вариант второй: конформисты»).
14. *Бернштейн С.Б.* Общеславянский лингвистический атлас (ОЛА). Критические заметки // Вопросы языкознания. 1990. № 6.
15. *Робинсон М.А.* Первый Международный съезд славистов: несбывшиеся надежды, обмен мнениями ведущих русских славистов до и после съезда // Письменность, литература, фольклор славянских народов и история славистики. XV Международный съезд славистов (Минск, август 2013 г.). Доклады российской делегации. М., 2013.
16. *Досталь М.Ю.* «Новое славянское движение» в СССР и Всеславянский комитет в Москве в годы войны // Славянский альманах. 1999. М., 2000.
17. *Досталь М.Ю.* Как феникс из пепла... Отечественное славяноведение в период Второй мировой войны и первые послевоенные годы. М. 2009.
18. *Бернштейн С.Б.* Зигзаги памяти. Воспоминания. Дневниковые записи. М. 2002.
19. *Бернштейн С.Б.* Разыскания в области болгарской исторической диалектологии. Т. 1. Язык валашских грамот XIV–XV веков. М.; Л. 1948. Т. 1. Язык валашских грамот XIV–XV веков.
20. *Досталь М.Ю.* Идея славянской солидарности и несостоявшийся в Москве Первый общеславянский съезд славистов // Славянский вопрос: Вехи истории. М. 1997.
21. *Булатова Р.В.* О судьбе книги С.Б. Бернштейна «Очерки по македонскому языку // Филологический сборник памяти профессора Самуила Борисовича Бернштейна: К пятилетию со дня кончины / Под ред. В.П. Гудкова и С.С. Скорвида. М., 2002.
22. Программа IV Международного съезда славистов // IV Международный съезд славистов. Отчет. М., 1960.

Отчет о командировке советских славяноведов на международное совещание славистов в Белграде[5]

1.

На международное совещание славяноведов в Белграде, происходившее с 15 сентября по 21-е включительно, была направлена Академией Наук СССР делегация филологов в составе 6 человек (хотя приглашалось от Советского Союза 12 ученых).

Членами советской делегации были следующие научные работники: акад. В.В. Виноградов (глава делегации, ездивший в Белград в сопровождении жены), директор института славяноведения АН СССР проф. П.Н. Третьяков, директор Института языкознания АН СССР проф. В.И. Борковский,

[5] Отчет был заслушан на Бюро ОЛЯ, далее он был направлен в Президиум АН СССР и ЦК КПСС.

член-корр. АН СССР М.П. Алексеев, профессор Московского госуд. Университета А.С. Мясников, кандидат филологических наук, доцент Ленинградского госуд. Университета Ю.С. Маслов. В количественном отношении наша делегация уступала делегациям Великобритании (8 человек), Польши (8 чел.), Чехословакии (7 чел.) и Франции (7 чел.). Шесть славистов представляли также Западную Германию.

В Белград наша делегация прибыла к началу съезда не в полном составе. На самолет 13-го сентября не удалось достать билетов для трех ее членов: М.П. Алексеева, Ю.С. Маслова и А.С. Мясникова. Эти лица смогли приехать в Югославию лишь 17-го сентября, т.е. к началу третьего дня работы международного совещания. Между тем, именно в первые дни славистического съезда происходили выборы рабочего комитета его и решались основные организационные вопросы. Поэтому никто из опоздавших членов нашей делегации не имел возможности принять активное участие ни в деятельности рабочего комитета, ни в обсуждении организационных вопросов, хотя, по моему предложению, член-корр. АН СССР М.П. Алексеев был включен в состав рабочего комитета Белградского международного совещания славяноведов. Вся тяжесть участия в организационной работе пала на меня (акад. В.В. Виноградова) и проф. В.И. Борковского.

2.

Рабочий комитет съезда обсуждал и фактически решил (так как пленум съезда автоматически одобрял все выдвигаемые рабочим комитетом предложения) очень важные, очень ответственные вопросы. Эти вопросы следующие:

1) Вопрос об учреждении «Международного комитета славистов» и об избрании его членов. В этот комитет избраны 12 членов и 12 заместителей (от разных стран). От Советского Союза членом выбран я, заместителем проф. В.И. Борковский.

Во время обсуждения состава «Международного комитета славистов» американская делегация, состоявшая в основном из эмигрантов из европейских стран (проф. Гарвардского Университета Р.О. Якобсон – из России, проф. В. Ледницкий – из Польши), требовала двух мест для Соединенных Штатов Америки в Интернациональном комитете, допуская возможность такого же количественного представительства и для Советского Союза. Эта попытка, развязно мотивируемая стремительным ростом славяноведения в разных университетах Америки, была поддержана некоторыми делегациями (напр., Италии, Югославии), но встретила решительные и обстоятельно аргументированные возражения с моей стороны, а затем со стороны чешского академика Б. Гавранка и болгарского акад. В. Георгиева и, вследствие этих возражений, была отвергнута.

2) Вопрос о месте и сроке созыва следующего международного конгресса славистов и о председателе международного комитета славистов.

Было предложение, сразу же выдвинутое болгарской делегацией, о созыве конгресса славистов в 1957 году в Софии. Однако, когда я – в соответствии с указаниями Президиума Академии наук – предложил устроить следующий славистический конгресс в Москве в 1958 году, мое предложение, встреченное аплодисментами, было принято единогласно.

Не встретила возражений и подробно изложенная мною актуальная проблематика будущего съезда («Основные этапы и закономерности развития реализма в славянских литературах», «Взаимоотношения и взаимодействия славянских литератур друг с другом и с литературами других народов», «Эпос у славянских народов», «Основные вопросы возникновения и развития славянских литературных языков», «Задачи исторической диалектологии славянских языков (в связи с работой над составлением диалектологических атласов славянских языков)», «Центральные, главные проблемы сравнительно-исторической лексикологии и семасиологии славянских языков», «Новые данные о происхождении славянских языков и народов»).

В связи с принятием предложения о созыве международного конгресса славистов в Москве – председателем международного Комитета славистов на ближайшие годы избран я (акад. В.В. Виноградов).

3) Вопрос об организации и издании ежегодных библиографических справочников по славянскому литературоведению и языкознанию.

Признано целесообразным, чтобы ежегодно составляемые в славянских странах библиографические указатели лингвистических работ по славяноведению направлялись в журнал «Rocznik Slawistyczny», издаваемый в Кракове. По неславянским странам такого рода библиография будет составляться в Швейцарии под руководством проф. Диккенмана. Таким образом, для регулярного и точного выполнения обязательств в этом отношении или при Институте славяноведения или при Отделении литературы и языка АН СССР должна быть организована библиографическая комиссия (со штатными сотрудниками). На эту же комиссию следует возложить и издание ежегодных библиографических справочников и указателей по славянскому литературоведению (т.е. по изучению истории славянских литератур, в том числе и русской) в Советском Союзе.

Дело в том, что на Белградском совещании признано в высшей степени важным и желательным систематическое издание библиографий по изучению славянских литератур – самостоятельно в каждой отдельной стране. Библиографический же центр по славянскому литературоведению в неславянских странах будет организован в Голландии (в Лейдене).

4) Вопрос об обращении к правительствам своих стран с просьбой об установлении культурной конвенции, облегчающей материальные и иные условия обмена студентами, лекторами и профессорами славяноведческого цикла.

Само собой разумеется, что все эти вопросы должны быть обсуждены на заседании Президиума Академии наук СССР и получить тот или иной отклик. Во всяком случае, а) необходимо образовать у нас рабочий организационный комитет по подготовке Международного съезда славистов, по выделению тем центральных докладов, которые будут представлены советскими учеными, по обеспечению мер общего подъема у нас славяноведческой филологической науки.

б) Необходимо организовать библиографический центр по славяноведению.

в) Хорошо бы до съезда издать два-три славяноведческих ежегодника с широким привлечением зарубежных ученых.

г) Необходимо определить наше отношение к интернациональному комитету славистов, председателем которого я являюсь, и определить желательные сроки его подготовительных совещаний и возможные места их созыва в славянских странах.

3.

Что касается публичных открытых заседаний Международного совещания славистов и докладов на этих совещаниях, то здесь не было ни стройного порядка, ни продуманной программы. На все это было предназначено четыре дня: 17–18 сент. и 20–21 сентября. 17 и 18 сентября читались доклады, освещающие положение и развитие славистики в отдельных странах (за последние 10 лет). Члены нашей делегации представили 5 напечатанных книжек с своими информационными докладами и роздали их делегатам разных стран и всем участникам съезда. Эти брошюры (некоторые из них объемом до пяти печатных листов) следующие:

1) В.В. Виноградов. Изучение русского литературного языка в пределах СССР за последнее десятилетие.

2) В.И. Борковский. Разработка вопросов исторической грамматики и диалектологии восточнославянских языков в СССР за последние десять лет.

3) Ю.С. Маслов. Изучение южнославянских и западнославянских языков в СССР за последнее десятилетие.

4) Д.С. Лихачев. Изучение древнерусской литературы в СССР за последние десять лет.

5) А.С. Мясников. Изучение русской литературы XVIII–XX вв. в СССР за последние десять лет.

Представление докладов в печатном виде сыграло очень большую роль. Прежде всего оно дало возможность читать лишь два обобщающих доклада:

В.В. Виноградов. Изучение славянских языков в СССР за последнее десятилетие.

А.С. Мясников. Изучение русской художественной литературы XVIII–XX вв. в СССР.

Оба доклада вызвали большой интерес и, как это подчеркивалось в целом ряде выступлений, были признаны очень ценными, очень важными.

Ни одна из делегаций других стран не привезла печатных докладов. На наши брошюры был очень большой спрос. Пришлось оставить значительное количество их для других югославских университетов, кроме Белградского, а также для университетских библиотек разных стран народной демократии.

Яркой иллюстрацией к характеристике развития советского славяноведения была книжная выставка советских трудов по славистике, устроенная советской делегацией в Сербской Академии Наук.

Так как книги эти из Советского Союза пришли не во время (с опозданием), то устройство этой выставки потребовало от членов нашей делегации затраты больших нервных и физических сил.

В этой и во всякой другой связи следует отметить невежественно-небрежное и бюрократическое отношение советского посольства в Югославии во главе с новым послом Н.П. Фирюбиным к нуждам и делам делегации советских славяноведов. Обращаться за помощью к этому посольству было бесполезно и затруднительно.

Кроме информационных докладов акад. В.В. Виноградова и проф. А.С. Мясникова, был сделан также на пленарном заседании славистического

совещания проф. П.Н. Третьяковым доклад о научной деятельности Института славяноведения АН СССР.

Югославская пресса дала всем докладам советских делегатов очень положительную оценку. Наши доклады отличались не только широтой и полнотой библиографического обзора, но и историческими обобщениями, формулировкой важнейших проблем науки и путей их конкретно-исторического решения.

4.

Последние два дня работы съезда были посвящены докладам на индивидуальные темы. Дискуссий по докладам не было. В этом нельзя не увидеть большого организационного недостатка совещания. Происходило своеобразное и при том довольно беспорядочное публичное чтение сборника случайных статей на лингвистические и литературоведческие темы славистической науки. Докладчики быстро сменялись, не вызывая никаких реакций со стороны слушателей. Одни из докладчиков укладывались в положенное время (25–30 мин.), другие затягивали свои сообщения, и это сразу же отражалось на графике съезда. Поэтому, хотя работали 2 секции – лингвистическая и литературоведческая, но пришлось в последний день съезда лингвистическую секцию разбить на две подсекции, и слушатели все время перебегали из одной аудитории в другую. Поэтому на одной из лингвистических подсекций в этот последний день съезда присутствовало не больше 20–25 слушателей, и ее заседания походили на заседание какой-нибудь славяноведческой университетской кафедры.

Советская делегация представила только один доклад на специальную, индивидуальную тему. Это – был чрезвычайно интересный, возбудивший много кулуарных толков и суждений, доклад члена-корр. АН СССР М.П. Алексеева «О славянских источниках утопии “Томаса Мора”». Брошюра М.П. Алексеева (объемом 7 печатных листов), посвященная изложению этого исследования, была быстро расхватана, а докладчик получил предложение напечатать ее в Англии[6] и выступить еще раз с этим докладом на международной конференции по сравнительному литературоведению в Венеции.

Активная и организованная работа советской делегации отчасти объединила вокруг нее и делегации стран народной демократии (Болгарии, Польши). Необходимо отметить, что на белградском совещании вообще царила атмосфера дружественного научного сотрудничества и творческого общения. Особенно хорошо относились к нам – из капиталистических стран – делегаты Англии, Франции, Голландии, Швейцарии, Скандинавских стран.

Несколько развязным и хвастливым был тон докладов американских делегатов, которые всячески превозносили достижения американского славяноведения, темпы его развития, его связь с техническим прогрессом и успехами других наук и т.п. Однако в этих докладах не было открытых выпадов против советской науки. Пожалуй, некоторым диссонансом прозвучало выступление французского профессора Люсиани (из Бордо), который говорил о том, как стеснены и затруднительны для французских филологов непосредственные занятия в советских университетах и библиотеках, как ограничен обмен студентами и профессорами в области славяноведения (только 2 студента – француза слушали лекции в Московском университете за последние 5 лет). И т.п. Профессор Люсиани обратился ко мне с призывом и просьбой – поставить перед советским

[6] В Англии статья не была напечатана.

правительством и перед научно-педагогическими учреждениями нашей страны вопрос о расширении и облегчении научных связей между Францией и СССР в области изучения русского и иных славянских языков и литератур.

Советская делегация имела ряд встреч и личных контактов с делегатами стран народной демократии и Югославии, с английскими, французскими, шведскими, голландскими, немецкими, итальянскими славяноведами.

Из этого общения выяснилось, что советские славистические работы недостаточно широко известны за рубежом, плохо доставляются в разные страны, что очень неудовлетворительно поставлена у нас научная информация и библиография в области славяноведения. Особенно мало советских работ по славяноведению – в Югославии. Очевидно, необходимо создать благоприятные условия не только для снабжения Югославии советской научной литературой, но и для урегулирования валютной ценности научных книг.

В день отъезда – 22 сентября я прочитал в Белградском университете в актовом зале Философского факультета лекцию на тему «Основные вопросы образования и развития русского национального литературного языка».

Итак, советская делегация, в общем, успешно выполнила стоявшие перед ней задачи, хотя и была малочисленна. В сущности, в ее составе не было специалистов по изучению западнославянских языков, а также по изучению историй южно и западнославянских литератур. Отчасти это объясняется тем, что работа в области славянской филологии у нас не концентрирована, она распределена по частям между разными институтами АН СССР, Институтом языкознания имени А.А. Потебни Академии наук УССР и Институтом языкознания Академии наук БССР.

В заключение необходимо указать на тяжелые материальные условия, в которых оказалась советская делегация по окончании Белградского совещания. Номера в гостиницах, предоставленные делегатам, с 22 сентября должны были быть освобождены. Никаких квартирных денег советским делегатам не было предоставлено. Железнодорожные расходы были исчислены по тарифу третьего класса. Это роняло престиж советской делегации. Большие деньги из суточных сумм пришлось израсходовать на оплату носильщиков, на перевозку книг и т.п. Советское посольство в Югославии (в лице посла Н.П. Фирюбина) отказалось предоставить советским делегатам взаимообразно небольшую сумму денег (15.000 динаров) на проезд из Белграда в Будапешт во втором классе, ссылаясь на то, что от Академии наук СССР ничего, кроме неприятности и беспорядка в финансовых делах, ждать не приходится.

Поэтому как поездка в Белград, так и возвращение на родину – физически были очень тяжелы и при хорошей организации могли бы быть значительно облегчены.

5.

Общие выводы:

1) Белградское совещание славяноведов было самым представительным и по количеству участвовавших в нем стран (делегации от 18 стран) и по составу, по участию в нем наиболее видных славистов мира. Поэтому с его опытом, с его решениями и рекомендациями нельзя не считаться.

2) Необходимо разработать мероприятия по подготовке к международному конгрессу в Москве в 1958 году и избрать рабочий организационный комитет съезда.

3) Необходимо определить и установить сроки созыва интернационального комитета славистов в Москве (первый созыв желателен не позднее марта – апреля 1956 года).

4) Необходимо разработать систему мероприятий по интенсивному развитию славянской филологии в СССР.

5) Необходимо организовать издание ежегодника по славянской филологии в 1956, 1957 и 1958 гг. с широким участием славяноведов из стран народной демократии и из других стран мира.

6) Надо упорядочить материальную подготовку советских делегаций и условия их жизни за границей.

Акад. Викт. Виноградов[7]

Архив РАН. Ф. 579. Оп. 2. Д. 26. Л. 3–13.

Отчет

О командировке на международное совещание славистов в г. Белграде

Международное совещание славистов состоялось в г. Белграде между 15–21 сентября текущего года. Я командирован был на это совещание Президиумом АН СССР, как один из членов советской делегации, состоявшей из шести человек и возглавлявшейся акад. В.В. Виноградовым.

К назначенному дню открытия я прибыть не мог, так как самолет Москва – Белград, отлетавший из Москвы в ночь на 13 сентября, мог предоставить места только трем человекам делегации из шести. Я вылетел следующим самолетом в ночь на 16 сентября и днем в этот же день был вместе с двумя членами делегации в г. Будапеште. В виду нелетной погоды принужден был остаться на ночевку. Так как прогноз погоды не обещал вылета в ближайшие дни, я с помощью Советского посольства в Венгрии выехал из Будапешта в Белград поездом 16 сентября и 17 утром был в Белграде. Таким образом мне, к сожалению, пришлось отсутствовать на открытии совещания и пропустить первых полтора дня предварительных заседаний съезда. 17 вечером я принимал участие в пленарном заседании, 18–21 в заседаниях литературной секции. 20 сентября на утреннем заседании, состоявшемся под председательством итальянского делегата проф. А. Мавера, состоялся мой доклад на тему «Славянские источники “Утопии” Т. Мора». Насколько могу судить по откликам после заседания (прения на совещании ввиду большого количества докладов и отсутствия времени были отменены) вызвал благоприятные впечатления. Я получил приглашение послать этот доклад на международный съезд по литературоведению в Венеции в конце текущего месяца. В виду невозможности лично присутствовать на этом конгрессе, я ответил согласием на любезное предложение двух членов французской делегации доложить о моем докладе на конгрессе в Венеции и передал для президиума этого конгресса несколько экземпляров печатного текста моего доклада. Кроме того, от членов английской делегации я получил

[7] Автограф чернилами.

предложение напечатать этот доклад в переводе на английский язык в Оксфорде. Среди многочисленных членов югославской делегации, насколько могу судить, мой доклад также вызвал интерес. Обсуждение предложенной мною гипотезы состоится в Загребе и Любляне в начале октября текущего года.

В среду, 21 сентября, я председательствовал на заседании литературоведческой секции совещания, на котором читаны были доклады акад. Мраза (Братислава) и трех югославских делегатов из Белграда, Любляны и Загреба.

На конгрессе присутствовали виднейшие слависты 17 стран. Общение со многими из них и обмен книгами, оттисками, а также мнениями по различным текущим вопросам славистических изучений, с моей точки зрения, имел большое значение для всех делегатов. Советская делегация находилась в центре внимания всего совещания.

Огромное значение имело то обстоятельство, что все советские докладчики роздали участникам совещания до 200 экземпляров печатных текстов своих докладов. Большой интерес вызвала также книжная выставка, устроенная советской делегацией из книг, привезенных в дар Сербской Академии и Белградскому университету. Эта выставка могла быть организована только благодаря действенной помощи, оказанной советской делегации директором Дома Советской Культуры в Белграде А.Н. Бахаевым. Советское посольство в Югославии, однако, проявило явное равнодушие как к совещанию вообще, так и к советским делегатам, что отразилось невыгодно, к счастью, только на бытовой стороне жизни советских делегатов в Югославии. Со стороны югославских ученых, представителей города и правительственных учреждений по отношению к советской делегации проявлен был максимум заботливости и предупредительного внимания. Все делегаты были встречены с полным радушием и любезностью. Так как белградские книгохранилища сильно пострадали во время войны, а некоторые из них фактически полностью уничтожены, полагал бы, со своей стороны, что Академия наук и университеты СССР должны оказать существенную помощь книгами для югославских академий и высших учебных заведений. Спрос на русскую книгу в Югославии очень велик и удовлетворить этот спрос с помощью советских научных учреждений и отдельных ученых важно и необходимо.

Член-корреспондент АН СССР

(М.П. Алексеев)

Копия верна:

27/IX-55 г.

Архив РАН. Ф. 579. Оп. 2. Д. 26. Л. 14–15.

Выписка из протокола № 16 заседание Бюро ОЛЯ

6 октября 1955 г.

Слушали: Сообщение о совещании славяноведов в Белграде

Докладывают академик Виноградов В.В., профессор В.И. Борковский и профессор А.С. Мясников

Постановили:

1) Одобрить деятельность советской делегации на совещании славяноведов в Белграде;

2) Поручить проф. В.И. Борковскому и проф. А.С. Мясникову подготовить проект постановления Президиума АН СССР, включив в проект следующие вопросы:

а) О перестройке и улучшении работы по славяноведению в системе Академии наук СССР;

б) О создании Организационного комитета для проведения подготовительной работы по созыву в Москве в 1958 году международного конгресса славяноведов;

в) О создании периодического издания по славяноведению;

г) Об улучшении библиографической работы по славянским языкам и литературам;

д) О научных командировках советских славяноведов за границу для ознакомления с научной работой по славяноведению, для работы в архивах и библиотеках.

Академик-секретарь Отделения литературы и языка

академик В.В. Виноградов

Ученый секретарь Отделения

М.Б. Козьмин

Архив РАН. Ф. 579. Оп. 2. Д. 26. Л. 1

СЛОВАЦКАЯ ДЕМОНОЛОГИЯ. КРАТКИЙ ОБЗОР

© 2020 г. М.М. Валенцова

Канд. филол. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН

mvalent@mail.ru.

Авторская работа выполнена при поддержке гранта РФФИ «Низшая мифология славян: новые подходы и методы исследования», №20-012-00300А

В статье впервые описывается система словацкой низшей мифологии, или иначе демонологии, в ее вариативной целостности и структурной полноте. Обобщаются основные публикации XIX–XX вв. и полевые материалы XX и XXI вв. по словацкой демонологии, собранные как словацкими этнографами и фольклористами, так и автором статьи. Обзор мифологических персонажей следует традиционной классификации по их месту обитания (природные, домашние и др. демоны) или этиологии («ходячие» покойники, демоны состояний, оборотни, полудемоны).

The article for the first time describes the system of Slovak lower mythology (= demonology) in its variable integrity and structural completeness. The main publications of the 19th – 20th centuries are summarized, as well as the field materials of the XX and XXI centuries on Slovak demonology, collected both by Slovak ethnographers and folklorists and by the author of the article. A review of mythological characters follows the traditional classification based on their inhabitation (natural, domestic etc. demons) or etiology ("walking" deceased, demons of the states, shape-shifters, half-demons).

Ключевые слова: славянская этнолингвистика, словацкая демонология, мифологические персонажи.

Keywords: Slavic ethnolinguistics, Slovak demonology, mythological characters.

DOI: 10.31857/S0869544X0010425-0

К настоящему времени накопилось достаточное количество трудов (энциклопедий, словарей, монографий, научный статей) по низшей мифологии (иначе называемой демонологией)[1] славянских народов. Следующим этапом

[1] Я исхожу из того, что славяне, как и другие и.-е. народы, унаследовали некоторые общие индоевропейские мифологические верования, осколки которых сохранились до наших дней в виде поверий, мифологических персонажей и связанных с ними нарративов (легенд, быличек, волшебных сказок). Реконструкция низшей мифологии славян подтверждает наличие древнейших индоевропейских мифологем и осколков мифов, а также трансформацию языческих божеств в демонов. При этом я следую традиции изучения славянской мифологии в широком смысле слова – как в России (работы Н.И. Толстого и его школы, В.Н. Топорова, В.В. Иванова и др.), так и в других европейских странах. Поэтому в статье понятия «мифологический» и «демонологический», «низшая мифология» и «демонология» будут употребляться как хронологические синонимы.

изучения этой области народной духовной культуры становится сравнительное и типологическое изучение разных традиций, для которого необходимым и насущным является создание обобщающих очерков, охватывающих каждую этническую традицию целиком, с учетом всех ее региональных вариантов.

Статья восполняет одну из таких лакун. В предлагаемом обзоре словацкой демонологии, основанном на публикациях XIX–XX вв. (в основном суммированных в [1–4]), а также на материалах полевых исследований XX и XXI вв. [5–6], речь идет о практически синхронном описании традиции. Целью работы является не реконструкция древних мифологических представлений, но систематизация и структурирование всего имеющегося и доступного материала по этой теме. Таким образом поставленная задача позволяет отказаться от подробного документирования данных (географические пометы сохраняются).

Словацкая демонология принадлежит в целом к западнославянскому типу, но вместе с тем и в значительной степени также к карпатской мультикультурной традиции, характерной в том числе для южной Малопольши, восточной Моравии и западной (карпатской) Украины. Этому способствуют географические условия современной Словакии (почти 80% ее территории расположено на высоте более 750 м над уровнем моря), в северной части которой возвышаются цепи карпатских гор – Высокие Татры, Бескиды, Мáгура.

Причинами вариативности словацкой демонологической системы, помимо обусловленных рельефом местности (наличие гор, лесов, рек и озер, «населяемых» мифологическими персонажами – далее МП), являются и контакты с соседними народами и этническими группами, например русинами на востоке, гуралями на севере, венграми на юге страны, благодаря которым обогащается и развивается фонд общих сюжетов, мотивов, поверий, заимствуются терминология и лексика.

Карпатский пласт культуры, как материальной, включая пастушескую, так и духовной, распространился вместе с валашской колонизацией (с конца XIII по XVI в.), продвигавшейся вдоль изгиба Карпат с юга на север, затем на запад, которая, будучи изначально полиэтничной, попутно включала в свой переселенческий поток разные народы. Для Словакии, особенно ее северо-восточной части, надо говорить, прежде всего, о значительном восточнославянском (русинском) культурном влиянии, которое распространилось на запад вплоть до Моравии, т.е. до Западных Карпат. До настоящего времени русины составляют значительную часть населения Восточных Карпат на территории Словакии.

К характерным чертам карпатской традиции относится наличие, помимо восточнославянских, также южнославянских, восточнороманских и финно-угорских элементов. К последним относятся поверья о воздушных демонах (*шарканах*) и людях-облакопрогонниках; поверья о двоедушниках; специфическая лексика (*striga, bosorka, šarkan, táltoš, ďug* и др.) (см. подробнее [7–8]).

Однако и сама карпатская культура на словацкой территории неоднородна. Ее западная часть, область Малых и Белых Карпат – Верхнее Загорье, Поважье имеет ряд общих черт с восточноморавскими этнокультурными регионами (Моравская Валахия, Моравская Словакия) и благодаря этому представляет переходный тип к моравской культурной традиции. В западной части Словакии сохранилось, хоть и слабо, влияние хорватской колонизации XVI в., охватившее также западную Венгрию, Австрию и южную Моравию. Как близкородственный этнос, хорваты в Словакии очень быстро словакизировались.

Регионы Словакии (https://www.guidetoslovakia.com/slovakia/tourist-regions/list-of-tourist-regions/)

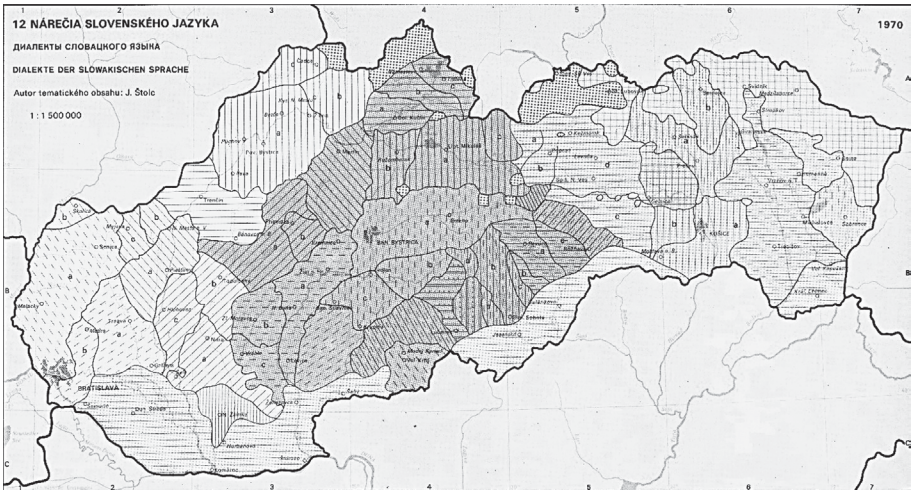
Северная часть Западных Карпат – горные и горальские регионы: Кисуце, Верхняя Орава, северный Липтов, северный Спиш – составляют общую с южнопольскими гуральскими ареалами (польская Орава, Подгалье, польский Спиш) традицию, в которой сильны общепольские элементы, но сохраняются и архаические восточно- и, в меньшей степени, южнославянские элементы (см., например, [9]).

Восточная часть Словакии – регионы Шариш, Земплин, Уж находятся под сильным влиянием русинской традиции в связи с довольно длительными контактами обоих этносов (около пяти столетий).

Южные регионы Словакии, характеризующиеся значительным венгерским населением, испытали воздействие последнего и в области мифологии, о чем свидетельствует отражение в «Этнографическом атласе Словакии» ряда венгерских мифологических терминов, таких, как *táltoš*, *tudoš*, *garabonciáš-diák* (ведьмак, колдун), *iglic*, *lidérc* (демон-обогатитель), *tündér*, *vizitündér*, *habláň* (персонаж, аналогичный природному демону *виле* (см. ниже), но в зооморфном виде) [3. S. 84, map 10].

Мифологическая лексика как часть национального языка подчиняется также лингво-диалектному членению (представленному в «Атласе словацкого языка» [10. S. 26–34]), а именно, показывает дифференциацию на западно-, средне- и восточнословацкие диалектные зоны, и кроме того, наличие дихотомического членения диалектов, разделяющего северо-восточные и восточные говоры, с одной стороны, и юго-западные и западные – с другой; дихотомия в другом направлении отделяет северо-западные и западные говоры от южных и юго-восточных. Примером последней дихотомии может служить изоглосса мифонима *mara* (для юго-восточных) / *mora* (для северо-западных диалектов) (см. подробнее [11. S. 53–58).

Характеристика демонов в словацкой традиции дается на основе традиционной классификации – по месту их обитания или этиологии.



Карта диалектов словацкого языка ([3. S. 7]).

Демоны природного пространства

К лесным демонам относятся *вилы*, *дикие люди*, лесные *карлики*, *гргалица*, *мамуна*, *богинка*, поверья о которых бытуют или бытовали ранее в разных регионах современной Словакии.

В Западной (от Загорья, Белых Карпат до Мыявы, в Поважье и Понитрии) и бóльшей части Средней Словакии (Орава, Липтов, Верхнее Погронье) популярны рассказы о *вилах* (*víla*), красивых девушках с длинными распущенными волосами, в прозрачных одеждах, танцующих и поющих летними ночами в лесах, купающихся в реках и озерах и в целом не вредящих людям, пока те не обидят их чем-нибудь (подглядыванием, подслушиванием, передразниванием и повторением их пения) или не нарушат их игр – тогда вилы затанцуют и защекочут до смерти. Особенно опасны они для молодых мужчин, которых завлекают пением, смехом, «гуканьем». Вила, по поверьям, могла одарить за услугу деньгами или наградить ребенка каким-либо даром (талантом) и богатством (*víla dala do vienka*). Именно вила дала герою Яношику (тип словацкого Робин Гуда) свой волос, который, зашитый в пояс, делал его сильным и неуязвимым. В целом вила как генетически южнославянский персонаж на территории Словакии сохраняет свои характерные черты, хотя упоминание о том, что на месте, где танцевали (кружились) вилы, трава вытоптана или, наоборот, растет лучше, встречается редко. По мере удаления от юго-западной части Словакии образ вилы контаминирует с другими персонажами, особенно с *полудницей* (*poludnica*) (в области Верхнего Погронья), *водяниxой* (*vodna baba*, вилы–хозяйки горных Татранских озер), неприкаянной душой (*blúdička*), ведьмой *(bosorka*), *русалкой* (*rusalka*). Например, на Ораве лесные вилы (*lesné víly*) – это воплощенные блуждающие души (*blúdičky*), которые показывались людям в ночь на святого Яна (24.06), и тогда молодым мужчинам запрещалось ходить в лес, так как вилы могли затанцевать их до смерти. Хотя в Липтове *víly, lesné víly* все еще лесные девы, красивые и соблазнительные, которые танцевали, пели, могли заманить и «затанцевать» молодых мужчин до смерти. Для вилы, как и для многих других МП, становится характерным происхождение от «заложных» покойников – молодых утопленниц, умерших до свадьбы невест, умерших в родах рожениц, однако появление вил только летом и их полное отсутствие зимой свидетельствует об их первоначально

природном характере. Вилам стали приписывать способность увести из дома роженицу, не прошедшую церковное «очищение» (как *богинкам, лесным женщинам*), способность сбивать людей с дороги, «водить» (как ночным огонькам, *светлоносам*); воздействовать лишь на тех людей, которые им ответили (аналогично *светлоносам*, демонам болезней, *Смерти*). Далее на восток страны имя *víla* практически не встречается, а сам персонаж отождествляют с русалкой, хотя и название *rusalka* достаточно редко и употребляется преимущественно для того, чтобы объяснить, что такое вила. Само имя *вила* стало теперь гиперонимом для ряда природных духов.

В Бошацкой долине (з.-словац.) рассказывают еще о *белых паннах* (*biele panny*), которые летними ночами поют за гумнами; их тоже отождествляют с вилами.

В лесах – в скалах, в земле, около рек – жили, как правило, семьями, *дикие люди*: *divá žena (divá žienka)* и *divý muž* (з.-словац.) или *bohynka (boginka)* с *bohyňarom*, у которых были уродливые, крикливые дети – *bohiň*, *bohynča* или *ďivak* (в северной, горальской, части Словакии). Дикие лесные женщины старались украсть здоровых человеческих младенцев и подбросить вместо них своих уродцев. Поэтому роженицам строго запрещалось оставлять новорожденных без присмотра. Если ребенок не рос, сох, хотя много ел, и у него был огромный живот, если он не умел ни ходить, ни разговаривать, то подозревали, что этого ребенка подбросили *дикие женщины*. Существовали способы распознавания подброшенного нечистой силой ребенка (создание абсурдной ситуации, которую демон прокомментирует,– например поставить к огню воду в скорлупках от яиц), а затем избавления от такого подменыша (рекомендовалось бить прутом на навозной куче, бросить его в реку, болото). *Богинки* могли не только украсть ребенка, но и завлечь в лес роженицу, выманив ее из дому. Кроме того, дикие люди крали с огородов горох и другие овощи, а люди иногда ловили их, подбросив один красный сапог, в который глупая богинка совала обе ноги.

В Замагурье к лесным духам относятся также духи *piďimužik* (*puďimužik*), *pjenčibroda*, *zakerpaťeľec*. Это карлики с длинными бородами и с четырьмя пальцами на руках, живущие в лесах, ущельях и скалах и появляющиеся в местах, где знаменитый разбойник Яношик зарыл клады. Верили, что появление этих демонов предвещало несчастье, например, человека могло привалить деревом.

Мамуны встречаются на Спише – это какие-то духи, которых никто не видел, но они пугают людей: то протяжно воют в лесу, то разбрасывают (гасят) костер у пастухов.

На полях, особенно в полдень, «появлялась» *полудница* (*poludníca*). Считалось, что она охраняла полдень как нерабочее время дня и выгоняла людей с поля. Кого встретит за работой, того, говорят, мучает вопросами и доводит до смерти. Иногда ей приписывалась связь с полуденным ветром: сама полудница невидима, но ее движение по полю можно было заметить по волнообразно колышащимся колосьям. В Западной и Средней Словакии полудница выглядела как невеста в венке (*parta*) или как простоволосая босая женщина в длинном покрывале или в потрепанной юбке. Местами верили, что она показывается тому, кого ждало несчастье.

В Средней и Восточной Словакии *полудницу* уже не связывают исключительно с полем, веря, что она может жить в лесах, на вырубках, в реке. Она считалась воплощением души умершей до свадьбы или сразу после свадьбы невесты, или невесты, в последний момент отказавшейся выйти замуж, умершей

до церковного «очищения» роженицы. Это злое существо, вредящее людям: если встретит мужчину или женщину на поле в полдень, закружит в танце до смерти; может задушить человека, распугать овец; роженицу, вышедшую из дома, могла завести в лес, украсть у нее ребенка (*vyčarila dieťa*); она ходила по горным лесам, по полям, пела и кричала (*ujójkala*), а к тому, кто ей ответит, приходила и танцевала с ним, «пока душу не вытрясет». На Верхнем Погронье (ср.-словац.) также рассказывали, что у нее огромные груди, которые она перекидывала через плечи. По рассказам из с. Завадка (ср.-словац.), как и из области Спиш (в.-словац.), она вылезала в полдень из реки Грон, появлялась на поле, в селе и похищала детей, подменяя их своими уродливыми (*premenec*). В южнословацких областях Гемер и Малогонт ее называли *poludnica*, *priepoludnica*, а также *víla*, с образом которой полудница стала отождествляться. *Полудницы* и *вилы* жили в горах, на вырубках, на полях, с удовольствием танцевали, и в таких местах трава оказывалась вытоптанной в виде круга. В Восточной Словакии рассказывали, что *paluďa* в горных лесах манила к себе мужчин и губила их; пугала людей, летала по воздуху.

Спорадически известны другие МП, например локальный персонаж *солнечница* (*slnečnica*), которая в полдень ходит по полям и если найдет кого-нибудь спящим, уколет в ухо или горло, отчего они воспалятся (Вельке Ревуце, Гемер).

Водные персонажи обитают в реках (Ваг, Грон, Горнад, Попрад, но больших рек в Словакии мало) и в озерах (в основном горных). Это *vodník, vodnár, vodný chlap, vodný muž*, также *topelec*, з.-словац. *vaserman* (Высока-над-Кисуцей, окр. Чадца), *hastrman* и *molek (molok)* (без места фиксации).

В Бошацкой долине (з.-словац.) знают *водных дев* (*vodné panny*), которые собираются у речек и пением усыпляют слушателей. О *водяном* (*vodný muž*), изредка называемом *hastrman* (< нем. *Wassermann*), рассказывают, что он живет в воде, но выходит и к людям, принимая человеческий облик. Единственное его отличие в том, что с левой полы его одежды всегда капает вода. Водяной старается затянуть людей в воду, а одну женщину, пившую из источника, схватил за язык и отпустил только тогда, когда она обещала ему то, что в себе носит. Женщина родила сына, который, когда вырос, утонул.

По рассказам из Загорья (низменность на запад от Малых Карпат) *hastrman*, или *vodník* в зеленой одежде однажды похитил девушку, у которой от него родился ребенок, но через два года она попросилась домой и больше к нему не вернулась. Есть былички о *hastrman*'е из Нитрянского Градка (окр. Нитра, з.-словац.).

Название водяного *topelec* (в прямом значении 'утопленник'), указывающее на его этиологию, распространено на севере Словакии (Орава, Замагурье, Спиш). Он считался духом первого человека, который утопился в данном озере или реке. Его представляли как нагого, старого, обросшего зеленым мхом (или с зеленой чешуей) мужчину, с длинными зелеными волосами и бородой, большими рыбьими глазами и пальцами с перепонками. Часто он показывался в виде молодого парня. Раз он молча прибежал к костру, который разложили дети, и залил его, стрясая со своей одежды воду; потом рассмеялся старческим голосом и прыгнул в реку (Замагурье). Поскольку *topjeľec* – «заложный» покойник, думали, что он старается выкупить себе спасение тем, что топит других людей. На дне озера он держит под горшками души утопленных им людей. В сумерках он будто бы выходит из воды, смеется и хлопает в ладоши, радуясь наперед своей будущей жертве (Замагурье). Водяной заманивает детей к реке

и забирает их к себе (топит), «шутит» с крестьянами (мочит высушенное сено на берегу) и т.п.

В горах под землей жили подземные люди-карлики (*trpaslíci*) – *пермоники* (*permoníci*), *лутки* (*lútky*), подземными богатствами ведали *Руна* (*Rúna*) и *Ковлад* (*Kovlad*, *Kovovlad*). Представления о них распространены в основном в Средней Словакии и преимущественно в горнодобывающих регионах. Верили, что подземные гномы охраняют природные богатства и клады. *Permoníci*, *permúňici* (< нем. *Bergmann*), или *lútky* (возможно, из нем. *Leute* 'люди', ср. также словац. *ľudkovia* 'людишки') были маленькими человечками в островерхих красных шапочках. В руке – ведёрко и молоток. Жили большими сообществами в подземных переходах и шахтах. Добывали руду и редкие минералы, мыли золото, помогали шахтерам в работе и предупреждали их об опасности, но и люди должны были предупреждать их перед каждым взрывом, чтобы гномы не пострадали. Шахтеры оставляли для них еду, старались соблюдать традиционные шахтерские обычаи. За это *пермоники* были к ним дружелюбны, сами указывали, где копать, чтобы напасть на золотую жилу. Бедным шахтерам они дарили часть клада. Немилосердно карали тех, кто под землей свистел, шумел и не уважал их правила и запреты. Свое присутствие выдавали только стуком; если они показывались перед шахтерами, это означало опасность – обвал в шахте. Жадных и злых людей наказывали, навсегда оставляя под землей.

На *пермоников* и *лутков* похожи гномики (*trpaslíci*). *Trpaslík*, или иначе *piadimužík* (мужичок в пядь высотой), *laktibrada* (с бородой в локоть длиной) – это антропоморфные духи локусов. Описываются как маленькие человечки ростом с трехлетнего ребенка, с лицом старика и с длинной белой бородой (*na piaď chlap, na lakeť brada* [с пядь мужичок, с локоть борода]), у которых только четыре пальца на руке. Они хитры, иногда жестоки и злы, прожорливы и склонны к людоедству.

Ковлада представляли себе как высокого мужчину, живущего в подземных дворцах и владеющего шахтами и подземными богатствами (р-н Кремницы, ср.-словац.). Вообще сведения о нем неопределенны. В некоторых областях Средней Словакии (на Нижнем Спише, Верхнем Погронье, в Липтове и Гемере) его женской ипостасью считалась Руна, иначе *zemná pani* [земляная госпожа]. Это антропоморфный дух земли. Жила под землей и могла выглядеть либо как мощная женщина с длинными, часто золотыми, волосами и большими грудями, у которой был муж и множество детей; либо как златовласая девушка в белой одежде и с золотым ключом, также имеющая много детей. Если ее долго не было, муж искал ее, крича: *Руна, Руна, дети твои плачут!* Руна владела всеми подземными богатствами, но место, где был закопан клад, показывала только тому, кто обещал ей отдать своего ребенка. Иногда она крала детей у невнимательных матерей. В шахтерских областях Гемера она считалась владелицей золотых рудников, могла одним прикосновением обратить любую вещь в золотую. Девушки просили у нее богатства: *Runa, Runa, daj mi zlata plné suná (skrine)*! ([Руна, Руна, дай мне золота полные сундуки!]). В районе Зволена известны рассказы о том, что Руна крала у шахтеров в Вайсковой пищу, люди ее подстерегли, схватили, связали и бросили в реку; выловили и освободили ее только у Кремницы. С тех пор золото исчезло в Вайсковой и появилось в Кремнице. Аналогичную историю рассказывали в Кокаве и Кленовце: Руна крала еду для своих детей, ее поймали, а дети, увидев, что она связана, стали плакать. Руна разорвала веревки и закричала: *Bolo Bohatô bohatým, ale viac nebude* [Была гора Богатое богатой, но больше не будет] и исчезла, а шахту

вскоре затопило водой. Образ Руны контаминировал с другими МП, например, когда сильно дул ветер, говорили, что это «Руна плачет»; в Липтове она превращается в лесного демона, поросшего шерстью (аналогично *рггалице*), в области Верхнего Грона сливается с полудницей, *багоркой* (*bahorka* – МП в виде старой женщины с растрепанными волосами); в Бацухе (окр. Брезно) – высасывает и давит людей, как *мора*.

Спорадически встречается персонаж *рггалица* (*grgalica*, *grgolica*). В районе Зволена – это огромная женщина с черными ногами, руками как лопаты, с растрепанными волосами и с огромными грудями, перекинутыми через плечи. Пойманному человеку она пихала в рот свои груди, пока не задушит. Ее присутствие означалось протяжным гиканьем. В районе Банской Быстрицы она вообще не имела никакого образа, люди слышали только ее крик. Грголицу считали злой вилой, которая заманивала людей в болота и изводила их там.

На Верхнем Погронье рассказывали о *багорке*, которую представляли в виде старой женщины с растрепанными волосами.

Основным воздушным демоном является крылатый змей *шаркан* (*šarkan*), часто с тремя или тринадцатью головами, с несколькими хвостами, который приносит бурю и град и считается олицетворением самой бури (ср. о буре: *šiarkan preletel*). Из его пасти и ноздрей вылетают молнии, от ударов его хвоста полегают посевы. Шарканом повелевали «облакопрогонники» (демоны или полудемоны) – *планетник* (*planetník*), *хмарник* (*chmarník*), *чернокнижник* (*čiernokňažník*). Рассказывали, что чернокнижник вызывает змея-шаркана заклинаниями, которые он читал по своей книге, а когда змей выйдет из пещеры, быстро накидывает на него узду и правит в воздух, в жаркие страны, где его убивает, а мясо продает; люди кладут кусочки шарканьего мяса под язык, чтобы охладиться. Там, куда летит шаркан, бьет град и опустошает всю землю. Былички о шаркане распространены в горных областях: на Ораве, в Верхнем Погронье, в Гемере и Малогонте. В Восточной Словакии слово *šarkaň* может иметь значение ‘домовой’.

Демоны домашнего пространства

Пространство дома и двора, по народным представлениям, населяли домовые и дворовые демоны, которых, как правило, представляли в виде животных. Это змеи, ласки или лягушки, которые жили в доме или в хлеву, считались хранителями хозяйства и обитателей дома, поэтому их запрещено было убивать.

Домашний уж (*domáci / domový had*, *hadena*), называемый также хозяином (*hospodár*), старым хозяином (*starý gazda*), домовым хозяином (*domáci gazda*), старым дедом (*starý dedo*), – это серая (*šedivý*), белая (*biely*) или рябая, пестрая (*jarabatý, strakatý*) змея (*had*), уж, по некоторым представлениям ничем не отличавшийся от других змей, который жил под очагом, под порогом или под столом, иногда около дома. Считалось, что он является воплощением души первого хозяина, умершего в новом доме. Присутствие ужа в доме и на дворе, о котором он сообщал шипением, стуком о порог и т.п., было гарантией процветания хозяйства. Жизнь домового ужа была магически связана с жизнью хозяина и его семьи. В Замагурье считалось, что шипение, которое он издает, является знаком того, что хозяин будет долго жить; молчание и слабое шипение – знак близкой смерти кого-либо из домашних. Его подкармливали молоком и кашей. Если уж вылезал из-под порога, это предвещало смерть хозяина дома. По некоторым представлениям, *белая змея* показывается только тому, кто должен в течение года умереть. Уход змеи означал распад семьи,

а ее гибель предвещала смерть самого старого члена семьи или детей. Верили, что если эта змея заболеет, то заболеет вся семья, а там, где змея не водится, люди вымрут, дом будет несчастным. Домашняя змея могла жить под порогом хлева, под камнем в основании дома, ее видели сосущей корову. Повсеместно распространены былички о домашней змее, которая пила молоко из одной миски с ребенком, а когда ее убили, умер и ребенок.

Реже домовым духом считали лягушку, которая тоже жила под порогом или под стеной дома и заявляла о себе звуками (*žaba škreči*). Ее слышно было по ночам в течение всего года. Также думали, что лягушка, живущая в доме, приносит счастье, однако только тем, кто умеет колдовать.

В качестве домового признают также ласку (*lasica*, *domáca lasica*, *lašica*), которая живет, якобы, в хлеву или рядом с ним; ласку считали душой умершей хозяйки дома. Эти представления более редки, чем о домашнем ужé, но встречаются по всей территории Словакии. Верили, что цвет ласки указывает на то, какой масти скот будет вестись в хозяйстве, потому что она его охраняет. Поэтому если в хозяйстве не велся скот, хозяин старался увидеть *lasicu*, которая жила в углу или под порогом дома: какой масти ласка, такой масти надо покупать и скот. Убийство ласки грозило не только гибелью скота, но и смертью хозяйки. Считалось, что у ласки ядовитое дыхание; на кого она дохнёт, тот опухнет; тому, кто ее обидит, она отравит воду для скота.

Особый тип домашних демонов представляют демоны-обогатители разной природы – *змок* (*змок*), или *джмил* (*džmiľ*), *шкрятак* (*škriatok*), *рарашек* (*rarášek*), *пикулик* (*pikulík*), *збожик* (*zbôžik*), *коспер* (*kosper*) или просто *черт* (*diabol*, *čort*). Их наличие в доме было гарантией богатства и процветания, однако они доставляли и много неприятностей домашним; со временем хозяева старались избавиться от них, так как после смерти демоны забирали душу хозяев в ад.

Змок (*zmok*, *zmak, zmek, zmiňa, džmij, džmil*), также называемый *škriatok*, *škrátek,* – это чаще всего змееподобное существо (змеиная природа отражена уже в названиях *zmok* < *smok*; *džmij*, *džmil* < $^{+}$*změj*), принимающее также вид цыпленка или маленького человечка. Получить такого демона можно случайно (найти мокрого облезлого и постоянно пищащего цыпленка на дороге, на болоте, в мокрых местах и пригреть дома) или намеренно, «выведя» его из яйца черной курицы (первого или последнего, обычно маленького, мягкого, без скорлупы). Рекомендовалось носить такое яйцо девять (12, 13 или 40) дней за пазухой, при этом не мыться, не молиться, не посещать костёл, не разговаривать или даже не спать. Выведенный таким образом демон днем выглядел как цыпленок, а ночью превращался в змея и носил хозяину все, что тот ни пожелает: деньги, зерно, молоко. Человек, который носил змока в кармане, мог всё, становится очень сильным. За это змока или шкрятка надо было кормить: давать ему по ложке от каждого приготовленного блюда. О быстро разбогатевших крестьянах говорили: *zmok mu nosí* [ему змок носит]. По поверьям, *змок* ночью принимал вид огненого шара (*ohnivá guľa*), огенной цепи (*ohnivá reťaz*) или огненного змея (*ohnivý had*) (з.-словац.) и вылетал в трубу. Встречается информация, что змок ночью превращался в человека противоположного пола, с которым хозяин / хозяйка должны были спать.

О *шкрятке*, который в целом подобен *змоку* (днем он мокрый черный цыпленок, а ночью вылетает через трубу в виде огненной цепи), рассказывали, что его можно получить и другим способом: кто хочет иметь дома шкрятка, чтобы

он ему деньги носил, должен девять дней не умываться, не причесываться, не молиться, а на девятый день должен через девять перелазов в заборах пролезть задом, и в конце его будет ждать шкряток в виде черной курицы и спросит, что ему надо. Сказав свое желание, человек должен будет подписать с ним своей кровью договор, что отдает ему свою душу или еще не рожденного ребенка,– и его просьба будет выполнена (з.-словац.).

В средней и смежных частях Восточной Словакии известен *пикулик* (*pikulík*, ср. лит. *pikulas*, латыш. *pikals*, ст.-прус. *pickuls* 'черт, дьявол') – антропоморфный демон-помощник и хранитель дома и хозяйства. Пикулика можно купить вместе с какой-либо вещью. Он имел вид маленького злобного человечка, которого хозяин носил в кармане кафтана или в сумке. Он меньше, чем *змок*, показывался только тому, кто им владеет, и всегда жил в его кармане. Ночью, говорят, выходит из кармана, летает по избе и урчит. Иногда его описывали как человечка с длинной седой бородой, в красных штанах. Питается тем, что хозяин отлил или отложил, когда ел сам. Пикулик заботился о конях, кормил их, чесал, поэтому считалось, что он помогает прежде всего извозчикам. Говорили: *Musí mať Pikulíka, že mu té koně tak skáčú* [Наверняка у него есть пикулик, раз у него кони такие резвые]. По рассказам из Липтова, он имел вид конюха величиной с палец, но необычайно сильного, который приносил хозяину все: золото, деньги, зерно, еду. Приносил счастье при ставках и азартных играх. Но мог вредить человеку, если тот его не слушался. Поэтому, говорили, лучше иметь *змока*, чем *пикулика*. В Зволенской жупе пикулика представляли как человечка в красном кафтане с трехрогой шапкой, который выходит на поверхность из шахт и провалов в земле. Иногда пикулик, или *пикул* (*pikul*), считался божком подземных кладов и счастья.

В быличке рассказывается, как один мужчина купил пикулика, которого никто не видел, но слышали, как что-то все время скрежетало (*vŕzgalo*). Он был с седой бородой до брюха и в красных штанах; ухаживал за конями. Когда хозяин захотел от него избавиться, то не смог: бросил его в печь – тот не сгорел, «только немного согрелся», бросил его в воду – тот не утонул, «только слегка умылся». Тогда хозяин заколол борова (надо было, чтобы в доме случилась смерть), и когда тушу украли, пикулик побежал за вором, а хозяин бросил ему вслед красный платок, и тот уже не вернулся (Вышняя Боца, Липтов).

Избавиться от духа-обогатителя (*змока*, *шкрятка*, *пикулика*) было очень трудно, и не всем это удавалось. Действенным способом избавления считалось задать демону такую непосильную работу, чтобы он лопнул от натуги (наносить целый чердак зерна, но в потолке сделать дыру, чтобы зерно сыпалось вниз и чердак не неполнялся); задать невыполнимую работу (собрать пшено, высыпанное в быстрину Вага); завернув в новый платок, подбросить его на дорогу; выбросить в реку или болото; продать или отдать вместе с какой-нибудь вещью. Считалось, что первый хозяин мог определенным способом передать пикулика другому, тот – третьему, но третий хозяин уже не мог от него избавиться никогда, и после смерти демон забирал его душу в ад.

Рарашек (*rarášek, rarášok, rarach*) также считался демоном, приносящим счастье, но демоном злобным и хитрым. К его помощи прибегала оставленная парнем девушка, колдуя на смерть его новой возлюбленной; в Белых Карпатах считалось, что он прилетает через трубу в дом ведьмы для сексуального общения, при этом приносит деньги; или что он и есть персонифицированная «злая сущность» ведьмы. В ряде рассказов его образ смешивается со *змоком*.

Демонологизация умерших

«Ходячие» покойники (в словацкой традиции используется метатермин *revenant* ‘возвращающийся покойник’) составляют большую группу: двоедушники (упыри, умершие ведьмы и колдуны), а также самоубийцы, утопленники, люди, умершие не своей смертью, похороненные с нарушением обряда (если через тело переступил человек, перепрыгнуло животное, перелетела птица, т.е. умершему была магически передана жизнь).

Двоедушник (*dvojdušník*, *dvojdušnica*) – важное для словацкой, и шире – карпатской, демонологии понятие, реализующее представление о том, что у некоторых людей две души / духа (*dva duchy má*) или, в другой терминологии, два сердца (*dve srdcia má*, *s dvoma sercami*, *dvi sirc’a maje*), одно из которых умирает, а второе продолжает жить. Как правило, двоедушным считается человек, рожденный с зубом, с двумя макушками и другими необычными признаками. Двоедушие отражает представление об особой или бóльшей природной силе, данной человеку от рождения. В дальнейшем эту избыточную «силу» двоедушник использует либо на добро – становится знахарем, предсказателем (*veštica, bohyňa, prorok*), либо на зло – становится ведьмаком, ведьмой (*striga, bosorka*). После смерти двоедушники становятся опасными демонами – вампирами, атмосферными демонами и т.п.

Упырь (*upír*, *vampír*, *sotona*, *nezdrevenetý*, *nelapši*) – вампир, труп или материализованная душа «нечистого» умершего, которая возвращается на этот свет и вредит живым (пьет кровь, жизненную силу, пугает, давит). Обычно вампиром считали покойника, который «не закоченел» (в.-словац. *nezdreveňel)*, в в.-словац. и русин. традициях его называют *нелапший* (*nelapši*, *neľapšoj*). Также упырем становился ребенок, родившийся от связи волколака (волка-оборотня) с ведьмой. Упырь выходил из могилы в полночь в полнолуние и нападал на людей, в том числе на родственников. Мог появиться в своем облике или в виде животного или неживого предмета (копна сена, снежный ком). Возвращался в могилу после первых петухов. Мог вызвать стихийные бедствия, засуху, неурожай, эпидемию и мор скота. Записаны былички о том, что упырь мог после смерти родить потомство от своего живого партнера, но дети рождались без костей.

Функции вампира распространялись и на других персонажей, в первую очередь на ведьм, что характерно для всего карпатского региона (з.-словац., морав., ю.-пол., румын., русин.), ср. русин. *босоркун-кровопий* = вампир, упырь, вурдалак; *босорчити ся* ‘превращаться в вампира’ [12. С. 93] и др.

Многочисленны способы защиты от вампира: покойника обсыпали маком, посыпали маком и дорогу до кладбища; клали в гроб «еврейские письмена» (*žyduvs’ko pis’mo*), чтобы читал и у него не было времени ходить к живым; прибивали одежду к гробу; подрезали жилы под коленом; переворачивали вниз лицом; протыкали сердце колом; отрезали голову и клали в ногах; если он после похорон все же «ходил», то выкапывали и сжигали труп. В Восточной Словакии описывают магические способы «борьбы» с вампиром на его могиле: знахарь (*vrаž, vražedkyňa, zaklínač, bosoroš*) шел ночью на могилу предполагаемого вампира в сопровождении мужчин деревни, разводил рядом огонь, ложился на могилу и как-то колдовал; односельчан он просил помочь, если над могилой появится красный (или, наоборот, синий) пламень, если заклинатель лежит на спине (т.е. побеждает вампир) и т.п. Обычно после этих действий мор скота, вызванный вампиром, прекращался.

К «заложным» покойникам относятся также дети, умершие некрещеными – *nedokrštence*; их души плачут ночью на кладбище (Бошацкая долина, Белые Карпаты). Название яра *Nekrštenec* у с. Врбовце связано с поверьем, что там был похоронен убитый незаконнорожденный младенец; по ночам он плакал, пел о том, что его мать не покрестила, и просил крещения; если мимо проходила женщина, он спрашивал, не мать ли она ему (словац.-морав. пограничье, Тренчанская жупа). Если убитый младенец плакал в болоте, просил крещения, проходящему мимо надо было сказать: *Jak si dievča, buj Mária, jak si chlapček, buj Jadam* [Если ты девочка, будь Мария, если мальчик, будь Адам] – и он, таким образом окрещенный, точнее, получивший имя, переставал плакать (Марикова, окр. Поважска Быстрица, з.-словац.). Раньше говорили, что можно было слышать, как такой ребенок звал прохожих: *Daj mi krestu! Daj mi krestu! Daj mi krestu!* [Дай мне крещения!] (Башковце, окр. Гуменне, в.-словац.). Местами считалось, что такой некрещеный ребенок станет *морой* (Замагурье), но чаще всего дети, убитые матерью, ассоциировались с блуждающими душами (ср. в.-словац. *počul bludnoho*, т.е. душу тайно убитого некрещеного младенца), которые просят искупления, т.е. ассоциировались со *светёлками* (см. ниже). В Замагурье (с.-в.-словац.) повсеместно рассказывали о душе такого младенца, который появлялся в виде огонька на полях вокруг села и просил крещения: *Křtu! Křtu!*; проходящая мимо женщина трижды перекрестила то место, откуда раздавался плач, и сказала: *Jak ješ chuopjec, ňech či be mjano Adam, jak ješ dzifče, nech či be mjano Eva* [Если ты мальчик, пусть тебе будет имя Адам, если девочка, пусть тебе будет имя Ева]; плач утих, а огонек вознесся в небо и больше не появлялся.

Светёлки, *светлоносы* (*svetielko*, *svetidlo*, *svetlo*, *švjetno*, *svitavka*, *svetlá moc*, *svetlá noc*, *svetlonos*, *svetlonoš*, *švjatlonoš*, *svetlár*), или *блуждающие огоньки* (*bludička*, *bludny*) – огоньки разной величины в горах, лесах, полях, появляющиеся ночью и сбивающие людей с пути, часто заводящие в болота и топи, на кладбище или в овраги. Они считались злыми духами, просушивающими клады; грешными душами, душами самоубийц, душами злодеев; «ходячими» покойниками; душами ведьм и других «знающих», которые заманивали особенно тех людей, у кого совесть нечиста; душами костельных сторожей, которые крали свечи и у которых теперь горели пальцы; душами людей, которые при жизни передвигали межевые камни, а после смерти бегали по межам, в лесах, на болотах в виде огоньков или маленьких мальчиков со светильниками в руках; местами огонек считали персонификацией землемера, который в наказание за то, что неправильно мерил поля, ходит после смерти с лампадой и снова их перемеряет, а также душами некрещеных детей и клятвопреступников (у дольноземских словаков). На юге Словакии, в области Гемер–Малогонт, рассказывали, что светлонос изображает детский плач, чтобы завести людей в болото и там убить, а иногда действие светлоноса ограничивали последними четырьмя неделями перед Рождеством (адвентный пост), поэтому называли его *adventovo svetlo*.

Считалось, что *светлонос* приближался к человеку, который свистел, запрещалось также отзываться и отвечать ему; верили, что он очень тяжелый. Чтобы освободиться от него, надо было молиться или вспомнить, с кем ел пасхальное яйцо или делил рождественское яблоко, тогда *светлонос* терял над человеком власть (долина Горнада, Попрадский край, в.-словац.); или разорвать на поле онучу с левой ноги и бросить ее на *светёлку* (Жакаровце, окр. Гелница, Кошицкий край).

К «заложным» покойникам позже стали относиться и многие персонажи других классов: природные духи *вила*, *полудница*, демон болезненного состояния *мора* и др.

Персонификация состояний

Мора (*mora*, *mara*, *mura*, *nora*, *zmor(a)*, *mor*) – до сих пор один из наиболее распространенных персонажей словацкой демонологии, известный русинам Восточной Словакии под именем *нецюх*, *нетух*, *нечух*, реже – *нора* (см. [13. С. 355–358]). Ее повсеместно считают существом, которое душит и давит, наваливается, наседает на человека во сне (отчего она также называется *gnava, hnetuch*, *prilíhač, sedielko, sedlisko*), сосет кровь или молоко из груди рожениц и кровь у новорожденных. *Мора* очень тяжелая, когда она садится на грудь человеку, он не может дышать; он не спит, находится в сознании, но не в состоянии крикнуть, позвать на помощь или пошевелиться. Представляют *мору* в зооморфном виде (жаба, кошка, мышь, муха), в виде предметов (стебель соломы, белая шерсть, яблоко, кость, кишки) или как бесформенную тяжесть. Полагают, что *мора* – это либо персонифицированная причина болезни; либо полудемон, ведьма, из которой ночью выходит душа и давит спящих; либо (в Замагурье, на Кисуцах) материализованное сексуальное стремление девушек, которые посещают объекты своих чувств в виде тяжести во сне; либо неуспокоившаяся душа (самоубийца, умершая роженица, утопленница, старая дева, некрещеные дети); либо душа человека (чаще женщины), имеющего такие свойства от рождения (седьмая подряд дочь в семье, рожденная с двумя сердцами), или получившего их вследствие нарушения ритуала или запрета (неправильного крещения, повторного отлучения от груди). Воздействие моры, которая давила, морила, приходила во сне, сосала, налегала (*gniavi, morí, chodí na sen, cíca, prilíha*) понималось и лечилось как болезнь, которая проявлялась похуданием, бледностью, воспалением груди и даже могла привести к смерти.

Специфической деталью действий *моры* является то, что она, прежде чем проникнуть в дом, как правило, через замочную скважину, оставляет свои внутренности перед дверью. В быличках эти внутренности люди пачкают сечкой, отавой, и тогда она не может взять их обратно и умирает (северная Словакия: Верхнее Погронье, Орава, долина Горнада).

Для защиты от *моры* использовали чеснок (натирали им грудь больного, двери и окна дома), фекалии (смотрели на них перед сном, мазали ими грудь; свиной навоз раскладывали на окнах), гребень (клали на грудь), воду (около колыбели ставили ушат с водой), острые предметы (иглы запихивали в замочную скважину, чтобы мора не проникла в дом), освященный мел (делали круг около кровати); четки (их вешали на ручку двери); молитву или ругань. Самое действенное средство против *моры* для самóго больного – пошевелить большим пальцем или мизинцем правой руки или пальцами ноги; лечь на бок и сложить руки крестом; спать лицом вниз. Или можно было помочь больному тем, что кто-то позовет его по имени. Нередко рекомендовали спрятать под горшком зажженную «громничную» (освященную в праздник Громницы, 2.02) свечу, а когда придет мора, быстро поднять его; носить при себе зеркальце, чтобы мора себя в нем увидела; нарисовать одной линией пятиконечную звезду – «морью ногу» (*moria noha*); подарить ей свежий хлеб; сказать ей: «Приходи завтра одолжить соли» или «Приходи вчера».

Имя *моры/мары*, родственное праслав. **morъ* ‘смерть’, отражает ее связь со смертью. Известен и персонаж – персонификация Смерти (*Smrť*, *Smrtka*,

tetka-smrť). Это преимущественно героиня быличек, сказок и других фольклорных произведений (как и *мора*, она тоже очень тяжелая, лошадь с трудом везет воз, на который она села), а также излюбленный персонаж масленичного ряжения. В Замагурье *šmerč* иронично называют зубастой теткой (*ťotka zombata*) и представляют в виде высокой костлявой женщины с пустыми глазницами, в белом покрывале, с косой на плече, которая является тому, в чьей семье кто-либо должен умереть. Признаки ее появления – открывание дверей, стук в доме или на чердаке, падение картин и тарелок со стен, тревожное поведение животных (пса, кота, коня).

Как отдельный тип демона выделяется черт (*čert*, *šert*, *diabol*, *nečisnik*, *neprjaznik*, *pľuhavec*, *pokušiteľ*, *priepasnik*, *pekelník*, *zlý duch*). Он не имеет определенного облика (не показывается людям в своем настоящем виде), может иметь разные ипостаси – человеческую (черный человек, лесник, конюх), животную (черный пес, змей, баран, кот, черная птица) или огненную (огненные шар, цепь или вихрь). Обычно прячется под елью, поэтому в нее чаще всего бьет молния. Летает и танцует в вихре, ср. о вихре: *čerti tancujú* [черти танцуют], *čerti sa ženia* [черти играют свадьбу]. Эти поверья отражены и в оронимах: в Низких Татрах гора и перевал в горах называются *Čertova svadba*, *Čertovica*. Появляясь среди людей, черт принимает человеческий вид (например, в виде молодого парня приходит на посиделки), однако на одной ноге у него всегда остается копыто, по которому его можно узнать. Черт давал свою силу ведьмам и ведьмакам, учил их колдовству, выполнял желания о приобретении богатства всем, кто обещал ему свою душу. *Чертом* называют также разных МП в определенных ситуациях (*духа-обогатителя, водяного*). Имя черта не произносили, веря, что это может вызвать его самого, поэтому использовали эвфемизмы: *ten čierný* [этот черный], *ten rohatý* [этот рогатый], *djas* (<diabol), *anjel s rožkami* [ангел с рожками]. Черт – один из самых популярных персонажей фольклора, от сказки до пословицы, а также излюбленный персонаж ряжения – черная, косматая, с красным языком, с хвостом и рогами фигура.

Демонологические свойства людей

Полудемоны. Демоническими свойствами наделяются также люди, обладающие особыми способностями, знаниями или умениями: ведьмы, знахари, лекари, гадалки, пастухи-бачи и другие «профессионалы» (мельник, кузнец, странствующий монах). Их вредоносные действия описываются глаголами с значением ‘(с)делать’, ‘(ис)портить’, ‘(на)колдовать’: (*po*)*robiť*, *baboniť*, *stridžiť*, *strigať*, *bosorčiť*, *vražiť*, *veštiť*, (*po*)*babrať*, (*po*)*bosorovať*, (*po*)*bosoriť*, (*po/u*)*čariť*, (*po/u*)*čarovať*, (*po*)*guślariť*, (*po*)*gusliť*, однако значения этих глаголов различаются в зависимости от того, к какому персонажу они применяются и на какой территории бытуют.

Самый известный и распространенный персонаж народной демонологии – ведьма (*vedma*, *vedomica*, *vedonkárka*, *vedomkyňa*; *bohyňa, bogiňa*; *striga*; *bosorka*, *bosorkaňa*, *bosorica*; *čarovnica*, *čarodejnica*; *gušľarka*; также *baba*, *baba-Jaga*, *ježibaba*) и ее мужское соответствие – ведьмак, колдун (*strigon*, *strigôň*, *strigoš*; *bosorák*, *bosorkáň*, *bosor(k)oš*, *bosór*; *čarovník*, *čarodejník*, *gušľaž*, *kúzeľník*; *čarnokňažník*, *černokňažník*). Это обычно одинокие пожилые (старые) люди, нередко специфической внешности (со сросшимися бровями, с хвостиком, с родинкой под мышкой), с особым поведением (злые, нелюдимые) и особыми обстоятельствами рождения (рожденные с зубом, с волосами, с двумя сердцами). Могли быть урожденными или наученными (искусство передавалось по наследству, но получить эти способности можно и просто взяв умирающего за руку).

Их основная функция – нанесение вреда людям: насылание болезней и смерти, подмена детей, любовная магия, отбирание молока у чужих коров, отбирание урожая на полях; влияние на погоду: насылание бури, града, заморозков, засухи (ср. о сильном ветре, вихре: *bosorky lietajú / tancujú* [ведьмы летают / танцуют]). Для отбирания молока у чужих коров ведьмы использовали разные способы (большинство из них известны всем славянским традициям): собирание на полотно росы с чужих полей; чары с водой, взятой из следа соседской коровы; колдовство через одолженный или украденный в чужом доме предмет, в том числе навоз; перенесение чужого молока после заката через воду (реку, ручей) и под.

Ведьмы и ведьмаки могли принимать облик животных (жабы, змеи, мыши, кошки, собаки, коня, козла, совы, мухи, ночной бабочки и др.) и предметов и таким образом проникать в чужие дома. Намазавшись волшебными мазями, могли летать по воздуху, особенно во время летнего и зимнего солнцеворота и в начале весны, когда они собирались на шабаш (*sabat čarodejníc*). Ездили на помеле, мялке или на человеке, обращенном в коня, на коне или только на голове коня на шабаши и балы на Токайскую или Будинскую гору или другие близлежащие поля и возвышенности. Если ведьма не передаст свое искусство, то умирает она очень трудно. После смерти ее тело не коченеет, а в могиле не гниет. Душа ведьмы после смерти возвращается к близким и давит их и мучит до смерти.

В некоторых регионах образ ведьмы контаминировал с другими МП. Например, в Бошацкой долине (Западная Словакия) считали, что для того чтобы приобрести колдовские способности, ведьма должна девять дней носить под мышкой яйцо от черной курицы (ср. с выведением *змока*), что это у нее самой был *змок*; ведьмы описывались как молодые женщины, которые встречались на перекрестках, около ручья или в лесу, а когда к ним приближался неосторожный, хватали его и танцевали с ним, пока он не умрет (ср. с *вилой*). На Ораве ведьма после своей смерти ходила «сосать» своего парня, при этом перед дверью выворачивая свои внутренности, чтобы превратиться в какое-либо животное (как и *мора*). В Гемере–Малогонте верили, что ведьмы подменивали детей, особенно некрещеных, и других детей, у которых не было в колыбели чеснока, ножниц или иглы. Нападали ведьмы также на рожениц, которые выходили без оберегов из дому – забирали их с собой (аналогично действиям *богинок*), и т.п.

Главным оберегом от злых чар ведьмы является их распознавание, потому что узнанная ведьма уже не может причинить вреда. Известно множество способов распознавания ведьм, прежде всего, в рождественский сочельник: 12 дней до Рождества изготавливать особые магические предметы – табуреточку, цедилку, поварешку и глядя через отверстие в них, видеть ведьм; откладывать в течение того же периода дрова, по одному полену в день, и сжигать их в сочельник, чтобы в дыму увидеть ведьму; вбивать в течение 12 дней в колоду гвоздь – тогда ведьма придет в сочельник вытаскивать его зубами, и т.п. Среди других способов противодействия ущербу, наносимому ведьмой, – кипячение цедилки, калечение лягушки (превращенной ведьмы), битье испорченного молока молотом, железным пестом, прутом шиповника, пока ведьма не придет одолжить соли, процеживание его через прутья метлы, через серп, выливание его на горячее железо, на навоз и т.п.

Ведьмы могут использовать свои способности не только во вред, но иногда и для помощи людям. Например, могут снять порчу, наведенную другой ведьмой (ведьмаком), вылечить, найти украденное, предсказать будущее. В целом

люди со сверхъестественными способностями оценивались амбивалентно – в зависимости от обстоятельств.

Тем не менее «знающие», которые по большей части делают добро и помогают людям (лечат, снимают сглаз и порчу, гадают и предвидят будущее), имеют другие обозначения: *bohyňa, zemský boh, pánbožko, boh, bohoň* (от *boh* ‘бог’), *veštkyňa*, *veštica*, *veštec*, *veščuch* (от *veštiť* ‘гадать, предсказывать’), *vražkyňa*, *vražec*, *vražač*, *vražedkyňa*, *vražka* (от *vražiť* ‘ворожить, гадать’), *múdra žena*, *mondra baba* (‘мудрая женщина’), *začítačka* (‘шептунья’), *prorok*, *bača*, *bača-prorok* (‘пророк’, ‘бача – главный пастух’), и просто *zelinkárka* (‘травница’), *olejkárka*, *mastičkárka* (‘шептуха, лечащая маслами и мазями’). Однако и к этим знахарям относились настороженно (поскольку, имея силу, они могли применить ее по своему усмотрению), и в Замагурье, например, их тоже клали в гроб лицом вниз, как двоедушников.

Практически все эти «полудемонические» люди могли навредить человеку взглядом (о пострадавшем говорят: *dostal z očí*, *z očí má*) или через слово (*urieknúť*, *uriecť*). По современным материалам, виды сглаза давно не различаются и называются одинаково: *urieknutie*, *urečenie, úrek, úrok, ušknutí, zočina, z očí, z očí mu prišlo, z očí mu zavadilo*, *z očí má*. Считается, что сглазить может и обычный человек с «сильным», пронзительным взглядом или человек, который испытал очень сильные эмоции или желания: восхищение, зависть, злость, радость и т.п. Чтобы не навредить, добрый человек должен сначала посмотреть на потолок, на лес, на свои ногти, на обувь, и только потом на человека (ребенка), а когда хвалит, должен обязательно произнести слово *neurokom* (*neúrekom*, *neurečkem*, *neurek*) [чтобы не сглазить] или *neurokus* и трижды сплюнуть. Ведьмам вообще старались не смотреть в глаза. Если показывали кому-либо родившийся молодняк скота, говорили: *Ale neuškňite nám ich!* [Только не сглазьте нам их] – тогда, верили, животных не сглазят.

Сглазом считали все недомогания, возникшие беспричинно, внезапно и вскоре после контакта с человеком, подозреваемым в дурном воздействии. Существовало несколько видов лечения этой «болезни». Если полагали, что ребенка сглазили, его клали на порог, чтобы через него трижды перескочил пес (если это девочка) или сучка (если это мальчик); вытирали лицо грязными пеленками; облизывали глаза и сплевывали (*vypľuvať z očí*), окуривали прядью волос или лоскутом, взятыми от того, кто сглазил. Если это не помогало, обращались к знахарке. Она лечила водой, в которую бросала горячие угольки (или крошки хлеба), считая в обратную сторону, т.е. от девяти до одного (иногда прибавляя к числам частицу *не-*) и приговаривая: *od muža, od ženy a od šeckých ľudí* [от мужчины, от женщины и от всех людей], умывала этой водой лицо и руки больного с тыльной стороной руки, давала больному немного выпить, а остаток выливала на петли дверей.

С полудемонами связано также понятие оборотничества, т.е. временного превращения человека в животных или предметы с возможностью обратного превращения в человека. Оборотничеством владели ведьма и ведьмак (превращение в жабу, кошку, и т.п. и обратно), черт, водяной и некоторые другие МП. Но самым характерным в этой группе персонажей является *волколак* (*vlkodlak, vrkorak*), то есть волк-оборотень. Это был человек со сверхъестественной способностью превращаться в волка и вредить людям и домашним животным. Волколаком мог стать человек, рожденный от связи женщины с упырем (*upírom*); рожденный в новолуние или рожденный ногами вперед; умерший, которого несли на кладбище головой вперед; в Замагурье и на Спише – двоедушник. По некоторым представлениям, достаточно было напиться

из волчьего следа, чтобы получить способность превращаться в волка. Обычный способ превращения – перекувырнуться через пять колков, вбитых в землю. Волколак мог по своей воле оборачиваться в волка когда угодно, но чаще всего превращения совершались во время летнего и зимнего солнцеворота. Волколак в образе волка или с человеческим телом и волчьей головой нападал на людей и скот и душил их, но мяса не ел. Он отличался жестокостью, поэтому в современном словацком языке *vlkodlak* обозначает также ненасытного, жадного человека, а *vlkolačný* – имеет значение 'алчный'. В Верхнем Погронье сохранилась вариация (волк заменен собакой) былички о «муже-волколаке», хорошо известная карпатским украинцам. Муж одной женщины все время исчезал в полдень, и в это время около дома бегал серый пес. Раз во время жатвы перед обедом, когда муж отошел, опять появился этот пес и напал на женщину, порвал ей юбку и убежал. Вернувшийся вскоре муж заснул, во сне открыл рот, и жена заметила у него между зубами кусок материи от своей юбки.

Однако образ *волколака* в Словакии постепенно размывался, контаминируя с другими персонажами и приобретая несвойственные ему черты. Например, *волколаком* называли душу ведьмы или ведьмака, или такого умершего, которого вынесли вперед головой, а не ногами, отчего он становился «ходячим» покойником. Сразу после похорон такие нечистые души возвращались в дом и, сидя на чердаке за трубой, смотрели на поминающих. Потом каждую ночь эти *волколаки* ходили душить и давить молодых женщин, заводить в незнакомые места припозднившихся путников, и т.п., и не переставали до тех пор, пока в их могилу не ударит молния. Варьировали и нарративы о волколаках. В оравской быличке хозяйка-ведьма превращает 12 девушек, которые хотели пошутить над парнями и напугать их, в волков. Но сама ведьма умерла, и девушки так и остались волками, потому что никто не мог снять с них заклятие. В Замагурье рассказывали, что леший (*lesni pidimužik*) в наказание за то, что человек уничтожает природу или мучает лесных зверей, может превратить его в *vilkolka* – получеловека-полуволка, человека с головой волка, который и после смерти не найдет себе покоя. Одного такого живодера леший обратил в *волколака*, а когда люди убили этого волка вилами и понесли в село, его волчья голова пропала и появилось человеческое лицо; но и после его смерти по селу бегал волколак и пугал животных.

Среди демонов, являющихся персонификацией времени, известны духи полдня (*poludnica*) или полночи (*nočnica*), дней недели (*Pondelníča, Štvrtnica*); довольно большую группу составляют персонификации праздников: *sv. Lucia/Lucka, sv. Barbora/Barborka, Mikuláš* – представляемые ряженными; *sv. Peter*, *sv. Júr*, *sv. Mária* – выступающие в фольклорных нарративах.

Несмотря на позднюю фиксацию и относительно слабую сохранность словацкой демонологической системы, в ней отмечается ряд архаических элементов, таких, например, как персонификация сил природы, вера в существование души отдельно от тела, вера в метаморфозы и трансформации живых существ, магическое воздействие взгляда, слова и мысли и ряд других.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Slovensko. Diel 3. Ľud. II časť. Bratislava, 1975.
2. Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska. Bratislava, 1995. D. 1, 2.
3. Etnografický atlas Slovenska. Mapové znázornenie vývinu vybraných javov ľudovej kultúry. Bratislava, 1990,

4. Horehronie. Kultúra a spôsob života ľudu. Bratislava, 1969.
5. Archív textov Ústavu etnológie SAV. Bratislava.
6. Полевые материалы автора из областей: Верхний Грон (2006 г., совместно с Е.С. Узеневой), Орава (2009 г.), Липтов (2011 и 2012 гг.), Замагурье (2013 г.), Земплин (2014 г., совместно с К. Женюховой и П. Женюхом; 2018 г. совместно с М.Н. Толстой).
7. *Валенцова М.М.* Специфика словацкой демонологии в контексте общности карпатских мифологических представлений // Jazyk a kultúra na Slovensku v slovanských a neslovanských súvislostiach / Red. P. Žeňuch, E.S. Uzeňová, K. Žeňuchová. Bratislava, 2013.
8. *Валенцова М.М.* Славянская мифологическая лексика карпатского региона: генезис особенностей (этнолингвистический аспект) // Славянское языкознание. XVI Международный съезд славистов. Белград. 20–27 августа 2018 г. Доклады российской делегации / Отв. ред. С.М. Толстая. М., 2018.
9. *Валенцова М.М.* Традиционная культура гуралей: в поисках архаики // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2019. № 3–4.
10. *Habovštiak A.* Atlas slovenského jazyka. Bratislava, 1984. T. IV. Lexika. Časť druhá.
11. *Валенцова М.М.* Этнолингвистический комментарий к этимологии слов *мара* и *упырь* // Etymology: An old discipline in new contexts. Brno, 2013.
12. *Керча И.* Словник русинсько-руський. У двох томах. Ужгород, 2007.
13. *Varcholová N.* Ľudová démonológia Ukrajincov Slovenska. Svidník, 2017 – *Вархол Н.* Народна демонологія українців Словаччини. Свидик, 2017.

К юбилею Владимира Яковлевича Петрухина

25 июля 2020 г. исполняется 70 лет доктору исторических наук, профессору, главному научному сотруднику Института славяноведения РАН Владимиру Яковлевичу Петрухину.

В.Я. Петрухин родился в подмосковном городе Пушкино. Свой творческий путь он начал в клубе юных археологов при Музее истории и реконструкции Москвы, где занимался в 1962–1967 гг. под руководством А.Г. Векслера, и продолжил его на кафедре археологии исторического факультета МГУ в 1967–1972 гг., а в 1972–1975 гг. был аспирантом (научный руководитель – доктор исторических наук профессор Д.А. Авдусин). В 1970–1975 гг. В.Я. Петрухин участвовал в раскопках крупнейшего дружинного некрополя в Гнёздове (сотрудничество со Смоленской археологической экспедицией он продолжает по сей день). На материале этих раскопок была подготовлена кандидатская диссертация «Погребальный культ языческой Скандинавии», защищенная на историческом факультете МГУ в декабре 1975 г.

Более чем полтора десятилетия научной деятельности В.Я. Петрухина связаны с издательством «Советская энциклопедия», где он работал в 1975–1992 гг. в должности научного редактора в редакции археологии и этнографии, а затем в редакции всеобщей истории, участвуя в подготовке заключительных томов 3-го издания «Большой советской энциклопедии» (под редакцией А.М. Прохорова), энциклопедии «Мифы народов мира» (под редакцией С.А. Токарева), ряда отраслевых энциклопедических словарей. Благодаря навыкам, полученным за годы работы редактором энциклопедических изданий, многочисленные работы В.Я. Петрухина отличаются широтой научного взгляда, междисциплинарным характером исследования, синтезирующим подход археолога, историка, текстолога и фольклориста.

В 1992 г. В.Я. Петрухин по приглашению академика Н.И. Толстого перешел на работу в Институт славяноведения и балканистики РАН в качестве старшего, а затем ведущего научного сотрудника отдела этнолингвистики и фольклора, и принял участие в подготовке пятитомного этнолингвистического словаря «Славянские древности» (под общей редакцией Н.И. Толстого) и однотомного словаря «Славянская мифология», выдержавшего три издания. В марте 1994 г. в Институте славяноведения В.Я. Петрухин защитил докторскую диссертацию «Проблемы этнокультурной истории славян и Руси IX–XI вв.». С 1995 г. В.Я. Петрухин – ведущий, затем главный научный сотрудник отдела истории Средних веков Института славяноведения РАН, он преподавал в Еврейском университете в Москве (1991–2004) и Российском государственном гуманитарном университете (1997–2016), с 2015 г.– профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». В.Я. Петрухин входит в состав редколлегий журналов «Славяноведение», «Живая старина», болгарского междисциплинарного журнала «Проблеми на изкуството», является заместителем главного редактора российско-украинского ежегодника «Хазарский альманах».

В конце 1980-х – начале 1990-х годов внимание В.Я. Петрухина сконцентрировалось на проблеме становления и развития славянской общности, древнерусского этноса, древнерусских городов в процессе формирования древнерусского государства, на роли хазар и варягов в этом процессе. В соавторстве с Е.А. Мельниковой он опубликовал несколько концептуальных статей, посвященных начальному этапу становления русской государственности и вопросу достоверности летописного рассказа о происхождении руси и призвании варягов, где, в частности, была актуализирована гипотеза о тождестве руси с гребцами-скандинавами и княжеской дружиной, разрабатывавшаяся Н.А. Полевым, С.М. Соловьёвым, Н.П. Ламбиным, В. Томсеном и А.А. Шахматовым, но по идеологическим мотивам отвергнутая советской исторической наукой.

Результаты этих исследований были обобщены и конкретизированы В.Я. Петрухиным в монографиях, раскрывающих процесс становления раннефеодальной государственности и синтезирующих наследие дореволюционной и советской историографии: «Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков» (Смоленск, М., 1995); «Древняя Русь. Народ. Князья. Религия», являвшейся частью составленного им первого тома многотомного издания «Из истории русской культуры» (М., 2000); «Русь в IX–X веках. От призвания варягов до выбора веры» (М., 2013), которая была удостоена академической премии им. Д.С. Лихачева (2015).

В числе других работ, отражающих многосторонние научные интересы В.Я. Петрухина, монографии «Очерки истории народов России в древности и раннем Средневековье» (М., 1998, в соавторстве с Д.С. Раевским; в 2018 г. вышло 3-е дополненное издание под названием «История народов России в древности и раннем Средневековье»), «Фольклор и книжность: миф и исторические реалии» (М., 2008, в соавторстве с О.В. Беловой), «“Еврейский миф” в славянской культуре» (М., Иерусалим, 2008, в соавторстве с О.В. Беловой), а также цикл научно-популярных книг по истории славян, скандинавской и финно-угорской мифологии. Вместе с Е.А. Мельниковой В.Я. Петрухин являлся одним из ответственных редакторов энциклопедии «Древняя Русь в средневековом мире» (М., 2015; 2-е изд. М., 2017).

Юбиляр продолжает археологические исследования, принимая активное участие в работах Смоленской (Гнёздовской) экспедиции, в исследовании поселений хазарского времени (в том числе Саркела и Правобережного Цимлянского городища). Желаю Владимиру Яковлевичу здоровья и дальнейших успехов в научных изысканиях!

© 2020 г. Д.А. Боровков
brancaleone85@mail.ru

Дирекция и коллектив Института славяноведения РАН, редколлегия и редакция журнала «Славяноведение» присоединяются к поздравлению и желают Владимиру Яковлевичу здоровья и творческих успехов.

Уважаемые читатели!

Сообщаем, что в третьем номере журнала «Славяноведение» за 2020 год допущена ошибка в метаданных статьи А.В. Грасько «Меня очень тянет в Россию...»: «русский сюжет» в письмах Юлиуса Зейера к Алоизу Кашпару».

Мы приносим извинения автору и читательской аудитории журнала и размещаем правильные метаданные статьи:

Аннотация. В статье вводятся в научный оборот письма чешского писателя конца XIX в. Ю. Зейера А. Кашпару, в которых проявляется рефлексия писателя по поводу русского быта, политики, отношений с русскими людьми. При этом корпус писем Зейера Кашпару рассматривается в качестве семиотически целостного текста, в котором отчетливо выделяется система повторяющихся мотивов (мотивы мечтаний о России; «крымский»; устойчивого интереса к русской литературе; судьбы семейства Поповых; вещей; рассуждений о ментальных качествах русского характера).

Abstract. The publication introduces the letters of the nineteenth-century Czech writer Yulius Zeyer to Alois Kashpar. The main theme of the letters is Russia, emerging in the form of the writer's constant reflection on Russian life, politics, relations with Russian people. At the same time, the corpus of letters by Zeyer to Kashpar is considered as a semiotically integral text with a clear system of repeating motifs, such as dreams about Russia; the «Crimean» motif; the motif of a steady interest in Russian literature, the fate of the Popov family, or reasonings about mental qualities of the Russian character.

Ключевые слова: чешская литература, Юлиус Зейер, эпистолярное наследие, образ России.

Keywords: Czech literature, Julius Zeyer, epistolary heritage, image of Russia.

Slavyanovedenie № 4, 2020

ARTICLES

Florya B.N. (Moscow). Ivan the Terrible as a candidate of the Polish szlachta 3
Avakov P.A. (Rostov-on-Don). The Russo-Turkish War of 1672–1681 in the North-Eastern Asov Sea area 14
Glebova D.S. (Moscow). Retelling as the historian's art: Approaching the forms of transmission in historical writing of Old Rus' and Scandinavia 30
Pak N.V. (St. Petersburg). The third Pachomian edition of the Life of Nikon of Radonezh..... 50
Grishchenko A.I. (Moscow). Archaeographic aspects and textual history of the Edited Slavonic-Russian Pentateuch from the fifteenth century: new data..... 68
Efimova V.S. (Moscow). The use of substantivised participles in the Old Church Slavonic language ... 88

HISTORY OF SLAVIC STUDIES

Matveev G.F., Semakina T.R. (Moscow). Galician intellectuals' letters on the Ist International Congress of Slavic Philologists..... 100
Robinson M.A., Stykalin A.S. (Moscow). Report on the visit of the Soviet scholars to the International conference of Slavists in Belgrade in 1955 110

ESSAYS

Valentsova M.M. (Moscow). Slovak demonology. A brief survey..... 128

JUBILEES

Borovkov D.A. To the jubilee of Vladimir Yakovlevich Petrukhin 146

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ ГАУГН

НА БАЗЕ ИНСТИТУТА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН

БАКАЛАВРИАТ

История
Культурология
Археология

МАГИСТРАТУРА

Модели всемирной истории
Культура массовых коммуникаций

АСПИРАНТУРА

История
Культурология

Комплексные образовательные программы разработаны специалистами исторического факультета с учетом последних научных достижений и современных общемировых тенденций.

В основе образовательного процесса — современные технологии обучения, направленные на развитие мышления и творческого потенциала личности, достижение успеха в профессиональной среде.

Студенты исторического факультета с первого курса погружаются в мир академической науки, слушают лекции ведущих российских ученых с мировыми именами и сами участвуют в научных мероприятиях. В программу, помимо обязательных курсов, предусмотренных федеральными стандартами, включены уникальные авторские учебные курсы.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, член-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать во многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).